

AS21
к.р.

АЛТАЙ

1971

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ АЛТАЙ ДАЛ РОДИНЕ 235 МЛН. ПУДОВ ХЛЕБА

Дмитрий ШЕТИНИН

Я СПРОСИЛ ОСЕННЕЕ РАЗДОЛЬЕ

Комбайнеру Петру Кошкину

На снимке — лучший комбайнер края, коммунист Петр Степанович Кошкин. На полях совхоза «Степной» Родинского района Петр Степанович намолотил в этом году 23486 центнеров пшеницы.

Я спросил широкие долины
золотой алтайской Кулунды:
— Где же песня, где рассказ былинный
о героях нынешней страды?
Рассказало убранное поле,
как все жарче разгорался бой,
как на вахту становились зори
и пшеничный нарастал прибой.
Как писали музыку похода
барабаны нотами валков,
опускались звезды с небосвода
посидеть на бункере рядком.
Рассказали утренние росы,
как в ночные трудные часы
освещали белые березы
параллели хлебной полосы.
А лесная молодежь рассказала,
что, прогнозам всяческим назло,
в сосняке ненастье заплутало
и в поля прорваться не могло.
Время быстротечное не сразу
оторвало лист календаря,
август по особому заказу
продолжался аж до октября.
Славу первых подхватили ветры,
и, гвардейцев пополняя строй,
от земли своей родной и щедрой
черпал силы хлебороб-герой.

Я спросил широкое раздолье
золотой алтайской Кулунды.
Рассказало убранное поле
о приметах нынешней страды.

AS21

кр.

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXIV

№ 4 (59) 1971

В НОМЕРЕ:

ПОВЕСТЬ ЕВГЕНИЯ ГУЩИНА «ПРАВAYA СТОРОНА»

НОВЫЕ РАССКАЗЫ ПЕТРА БОРОДКИНА

ДОСТОЕВСКИЙ НА АЛТАЕ

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ НАЗВАНИЯ БАРНАУЛА, БИЙ-
СКА, ГОРНО-АЛТАЙСКА И ДРУГИХ ГОРОДОВ
И СЕЛ КРАЯ, ЕГО ГОРНЫХ ВЕРШИН, РЕК И ОЗЕР

САТИРА И ЮМОР

7.8

Фонд краеведения

КОЛЛЕГИЯ:

П. Бородкин, Н. Дворцов, В. Дуюнов, И. Казанцев,
Л. Квин, В. Софронов, В. Сидоров, М. Юдалевич (редактор номера)

ление художника В. Еврасова
ложке фото Е. Логвинова

М783037

М783037

и: Барнаул-43, проспект Ленина, 8,
раевая писательская организация

Рукописи объемом до одного авторского листа
не возвращаются.

Правая СТОРОНА

ПОВЕСТЬ

1.

Озеро было спокойно. Пологие волны, накатываясь на берег, сонно шелестели песком, ворошили цветные камешки. Солнце сквозь разрывы туч било косо, и пучки света, пронизывая зеленоватую толщу воды, уходили далеко вглубь и терялись там.

Озеро сверкало и светилось изнутри. Вблизи оно было зеленым, дальше дымчато-голубым, а у подножий далеких зубчатых гор почти фиолетовым.

Артем огляделся. Ни на берегу, ни на улице, выходящей к озеру, никого не увидел. На причале, за невысокой дамбой, выложенной из глыб дикого камня, покачивались на гладкой воде несколько лодок с поднятыми подвесными моторами. Среди них, как щука среди стайки чебаков, дремал патрульный катер «Дозор». Дверь рубки была открыта, и по отполированным ручкам штурвала прыгали солнечные блики.

Артем вошел на каменную грядку. По мягким, полусгнившим доскам, настеленным сверху камней, добрался до середины дамбы, прыгнул на гулкий, дюралевый нос своей лодки.

Два длинных удилица пристроил так, чтобы концы торчали из лодки и случайно увидевшему его человеку было бы ясно, что едет он на рыбалку. А что особенного: рабочий день закончен и он, чем хочет, тем и занимается.

Разобранное ружье затолкал в багажник, подальше от любопытных глаз. Жестяной банкой вычерпал воду и, подсоединяя к мотору шланг бензобака, услышал из открытой рубки непонятные звуки, будто кто там кричал и покашливал.

«Наверно, Ларион возится с мотором», — подумал с неудовольствием. Только моториста не хватало тут встретить. Этот сразу начнет набиваться в компаньоны. От настырного, прилипчивого, как смола, Лариона не скоро открутишься.

Но Ларион не появлялся на палубе. Из машинного отделения не позвякивали гаечные ключи, неслись только странные непонятные звуки.

«Дозор» покачивался рядом, и Артем, вытянув шею, заглянул в рубку.

Там, на полу, обняв рулевую тумбу, похрапывал пьяный моторист, почмокивая во сне толстыми губами. Неизменная тельняшка была в пыли и пятнах машинного масла. Мичманка с начищенной кокардой аккуратно висела на крючке у иллюминатора — чистенькая. Берег ее Ларион.

Подтягиваясь за другие лодки, Артем выплыл из-за дамбы на большую воду, завел мотор и на малом газу — так меньше слышно — пошел вдоль берега за мысок, куда обычно плавали рыбачить все полуденские. Удочками разрешалось.

За мысом было также пустынно. Людям не до рыбалки: огородами заняты. Он резко добавил газу и повернул от берега, направляясь в сторону кордона Кугушева.

Артем часто оглядывался на небо, беспокоился за погоду. Солнце утонуло в тучах, озеро из зеленого стало серым и тяжелым, как тучи. Далеко впереди синева сгущалась пролитыми чернилами. Не по себе стало от этого тревожного цвета. Прибавил газу, свободной рукой крепко держась за борт.

Дюралевая обшивка лодки мелко вибрировала от скорости. Низкие волны бились под днищем. Лодку трясло, подбрасывало, как телегу на ребристой дороге, но Артем не обращал на тряску внимания, вспоминал разговор с директором.

Напутствуя, Дмитрий Иванович предупредил:

— Только, пожалуйста, никому ни слова.

— И Рытову? — удивился Стригунов. Ему казалось нелепым таить ся от лесничего. Ведь должен же он знать, чем занимается помощник.

— И Рытову, — сказал Глухов.

С нетерпением ожидая конца рабочего дня, когда, не вызывая никаких подозрений, сможет плыть к Черному мысу, Артем сидел как на иголках и в спешке перепутал в паспортах фамилии лесников.

Рытов это сразу же обнаружил. Не рассердился. Внимательно поглядел на помощника слегка прищуренными зеленоватыми глазами и покачал головой. Иван обычно отвечал на промахи помощника незлыми

усмешками, и Артем не обижался. Вот и на этот раз Иван произнес любимое:

— Еро-пла-ан...

В это слово в зависимости от ситуации лесничий умудрялся вкладывать множество значений и оттенков. Это слово могло прбзвучать ласково, а то и с укором, как сейчас. Но уж лучше так, чем длинная мораль о внимательности.

Иван нравился Артему. Нравилась его сухая, стремительная фигура, худощавое, остроносое лицо, очень живое, умное, и теперь Артем чувствовал неловкость перед Иваном. Ведь он не имел права рассказывать о поручении директора. А так хотелось.

Лодка шла ходко, оставляя далеко позади узкий пенный след, и, судя по времени, бухта, о которой рассказывал ему Матеей, должна быть рядом.

Артем сбросил газ, правил ближе к берегу, скальными обрывами нависавшему над черной водой. Далеко вверху темнели кедрь, затаившиеся, угрюмые.

Показался узкий заливчик, в глубине его каменные ворота вели в бухточку. Место Артему понравилось: тихое, малозаметное с расстояния. Он заглушил мотор, сел за весла. Стараясь не греметь уключинами, погнал лодку в бухту.

Грести вскоре стало неудобно. Ковыли весел скользили по торчащим из воды острым камням, сдирали с них бурые хлопья водорослей. Одно весло убрал, другим отталкивался.

Проход постепенно сужался. Скалы уже нависали над самой головой, черны и мокры. Из трещин сочилась вода. Одурающе пахло папоротником, гнездящимся в расщелинах. Скользкие красноватые листья бада-на задевали лицо. Артем вздрагивал от их прикосновения.

Под днищем натужно заскрипело, и лодка встала. Артем посмотрел за борт, поежился, представив, что с ним станет, если вылезет на скользкие камни, возле которых круто начиналась глубина. Он вынул из уключины весло, попробовал столкнуть лодку с камня, но безуспешно: та засела прочно, будто клин.

В изнеможении опустился на скамейку, запрокинув голову, посмотрел наверх, и ему почудилось, что сидит он на дне глубокого колодца, и вдруг услышал, как, оседая, потрескивала каменная толща. Недоставало лишь громкого крика, резкого удара веслом, чтобы все это, глухо громыхнув, свалилось на него, погребло в каменной могиле.

Передернул плечами.

«Что это я... Уж мерещиться начинает».

В лодку с черных стен звонкими струйками стекала вода. В выси ровно шумели кедрь. Лодка вдруг стала покачиваться, что-то постукивало возле борта.

Артем опомнился и выглянул. Там плавало уроненное весло. Поймал одной рукой, другой зачерпнул в ладонь воды, плеснул в лицо. Стало легче.

Теперь только до него дошло, что там, за кормой, в светлом проеме бились волны и порывы ветра влетали в расщелину, трепля листья ба- дана. Струйки воды из скал прижались к стенам, и кедры вверху шумели уже тревожнее.

Балансируя руками, Артем перебежал на нос, ухватился за свисающий куст маральника, потянул на себя. Корни не выдержали, и он долго протирал рукавом штормовки глаза, засыпанные землей и песком, как слепой шарил по стене, царапая руки о жесткий лишайник. Пальцы противно дрожали и цеплялись за малейшую шероховатость.

Все же ему удалось дотянуться до кустика дикой карликовой акации. Сначала в пальцах были только мягкие листочки, но Артем, рискуя свалиться в воду, перебирал пальцами, захватывая в ладонь слабые ветки все дальше, тянул к себе гибкий ствол.

Кожу обожгла боль: вонзились иглы. Но он не отпуская, а когда понял, что акация крепка, потянул на себя.

Лодка чуть продвинулась, чиркая днищем о камни, а Артем тянул все сильнее, сильнее. Под днищем так скрежетало, что мороз шел по коже, а он тянул и тянул. На метр продвинулся. Теперь ему помогали волны. Они равномерно били в корму, и Артем принаравливал свои рывки к их ударам.

Ему удалось ухватить еще крепкий куст, и он снова, не замечая боли, подтягивался, пока скрежетанье под днищем не замолкло. Уже обессиленный, стащил лодку с камней, и она легко, освобожденно шла вперед, подгоняемая волнами.

Стоя на носу, грязный и мокрый, с залитыми потом глазами, разглядывал бухту. Вперед светлела узкая песчаная полоска меж камней. Как раз лодку причалить. Со всех сторон песчаную полосу теснило серое и черное каменное нагромождение, поросшее низкими кустами крыжовника, акации, перевитое спутавшимися травами.

И все это уходило вверх. Уходило круто, опасно. И везде: из трав, из кустов до стонущих под ветром кедров — торчали замшелые глыбы камней. А Артему как раз надо вверх. Там — тайга, там — тропа, помеченная на карте лесничества как конная.

Лодка ткнулась в песок. Артем спрыгнул, подтянул ее повыше, чтобы не достали волны, полез в карман за сигаретами и увидел, что руки кровоточили и все еще дрожали, но боли он не слышал и на кровь глядел непонимающе, будто кровь не его.

Он закурил и сел на сухой, теплый песок. Хотелось закрыть глаза и ни о чем на свете не думать, только отдыхать, блаженствовать на устойчивом теплом песке. Но глаза не хотели закрываться, неотрывно

смотрели на скалы и кедры, непроизвольно намечали место, по которому карабкаться вверх.

Снова рванул с озера ветер. Закрутил вихрем, стеганул по лицу песком. Первые капли дождя тяжело ударили по штормовке. Артем несколько раз торопливо затынул сигаретой и бросил в воду. Понял: надо до тропы добраться, пока трава и камни сухие, пока склон не размыло ливнем.

Из багажника лодки выкинул рюкзак, отшвырнул в сторону ненужные удилища, достал одностволку, переломил, вогнал патрон с заводской турбинной пулей, щелкнул замком. С ружьем стало почему-то спокойнее.

Перекинув ремень ружья через плечо, еще раз посмотрел на лодку, корму которой лизали волны, на скалы, на беспокойное небо, и полез вверх, сокрушая сапогами хрусткий кустарник и высокую шелестящую траву.

Сначала продвигался сравнительно быстро, иля серпантинном. Кусты ему и тут помогали. Но на самой середине склона, не ниже и не выше, застал дождь, крупный, резкий.

Спина вмиг промокла. Сапоги заскользили по траве, не находя опоры, камни стали такими скользкими, будто их намазали. Приходилось подтягиваться за кусты, ползти на коленях. Близ смотреть Артем боялся: могла закружиться голова, да и пути назад для него не было.

Ливень размесил его следы, подмыл валуны и скальные глыбы, на них опасно ступать. Начи он спускаться, и крупный галечник мог поползти вместе с ним.

А высота медленно, но увеличивалась, в голове была только одна мысль: забраться. Ладони и колени жгло словно крапивой. Кровь размывалась по камням и траве, но Артем лез и лез, остеклянело глядя вверх, на близкие подножия кедров.

Он не поверил, когда пальцы цеплялись уже за тонкие стволы осин. Место начиналось пологое, однако Артем все еще полз на коленях, боясь встать во весь рост. Казалось, сразу неведомая сила потащит его туда, назад к обрыву, где звенит под дождем и ветром гулкая пустота.

Артем лег под кедром. Обнял обнаженный, крученный корень. Корень тонко пах смолой.

— Ничего... — шептал Артем. — Три километра по берегу теперь раз плюнуть. Как-нибудь. — Успокаивал себя, а в душе зашевелилась злость на директора, на Матвея. К чему эти дурацкие предосторожности. Мог же он причалить где-нибудь неподалеку от кордона Кугушева, спрятал бы лодку на берегу, а сам — к солонцу. Не увидел бы его лесник, не услышал. Так нет, лезь в бухту, царапайся по скалам, тащись по мокрой тайге.

Вышел из-под кроны. Тропка нашлась сразу.

А дождь все сыпал и сыпал. Казалось, конца ему не будет. И еще казалось, на всем белом свете нет кусочка голубого неба. Есть только промозглая серость над головой и нескончаемый дождь.

Скучна тайга в непогоду. Без солнца все обесцветилось, поблекло. Даже крученые листики саранок из розовых стали серыми, как небо. Все много траве и многоцветье вылиняло.

Вымок до нитки. Штормовка набухла и шуршала на ходу, как жестяная. Штаны прилипли к коленям. Ногам сыро и неуютно. Сапоги недавно взял со склада новые. Еще не промокают, так влага и здесь нашла лазейку — через разодранные на коленях штаны.

Тропка вела на солонец, и Артем, пройдя немного, увидел его. Лысый пятачок земли был взрыт копытами, перемешан, словно на скотном дворе. И так много следов, заполненных мутной водой: тут и округлые, и продолговатые, и совсем маленькие. Маралыг, значит, приводят.

Кусты пообжеваны, трава прикатана. Лежки устраивали. Издалека приходили, по соли изголодались. Артем склонился, зацепил на палец красноватой глины, лизнул. Во рту стало солоновато. Он сплюнул, поморщился:

— Ладно, все нормально. Петлю бы найти теперь, — сказал Артем. — Голос звучал глухо, казался чужим.

— Так, Матвей рассказывал: между двумя кедрами. Посмотрим... — оглядел уже сумрачную поляну, двинулся по полеглой траве. Два кедра росли рядом, образуя ворота к солонцу. Он подошел к ним, рассматривал, но ничего не увидел. Тогда решил пройти в ворота. Шел медленно, щупая сапогами почву. На уровне груди почувствовал прикосновение чего-то твердого.

Отскочил, инстинктивно сжимая ружье. Из травы виднелся размашистый, тонкий ржавый трос. Огромной петлей трос уходил вверх, где прятался в ветвях.

Засаду устраивать он решил на дереве. Много суше и безопасней. Мало ли по ночам какого зверья бродит. Да и браконьер может наткнуться, если засесть внизу. А сверху все видно. Артем поглядел на оба дерева, повесил ружье на плечо и полез на то, которое разлапистее.

Кедр попался — лучше не придумаешь. Невысоко широкая развилка с толстыми, надежными ветвями, незаметная с земли. Можно полужелезничать лицом к поляне. Очень удобно. Для мягкости наломал хвои, подстелил. Ложе ему понравилось. Со всех сторон подпирают ветки — не выпадешь. Для ружья тоже место нашлось. Рядом на сук повесил. И под рукой, и не мешает.

Поерзал на лапнике — мягко, пружинисто, запашисто. Приятно покачивается, будто в гамаке. Сверху не каплет — так густа крона. Только легкий шум и напоминает, что дождь идет.

«Жаль, обсушиться не удалось. А впрочем, — к лучшему. Не за-

сну», — утешил себя Артем и поглядел из своего укрытия на размытую мраком поляну.

2.

Иван допоздна засиделся в конторе и шел домой уже по темной улице. Шел медленно, размышлял по пути, тяжело переживал сегодняшний случай. А получилось вот что: весной на планерке договорились платить лесникам по полтора рубля за центнер заготовленного сена. Все были «за», в том числе и директор. Понимали: без сена никуда. В заповеднике единственная тягловая сила — лошадь.

А теперь, когда лесники поставили копны и подбирали по оврагам недокоски и Иван уже наряды составил к начислению, бухгалтер Трофимыч окатил холодной водой:

— Не будем оплачивать.

— Как так не будем? Ведь на планерке решили.

— Ничего не знаю. Дмитрий Иванович не велел.

И руки опустились. Что делать? Как мужикам в глаза смотреть? Обещал перед покосом, а теперь изворачивайся, как змея под вилами.

Пошел к Глухову с пачкой готовых нарядов в руке. Зашел, а тот уже на руку с бумагами косится, на лице неудовольствие.

— И чего вы суетесь... Да на этих лошадях лесники собственные огороды пахут, в гости к друг другу ездят. По существу — личный транспорт, а им еще и плати, что не пешком ходят. Карман у нас в заповеднике не настолько богатый, чтобы деньгами сорить.

— Леспромхоз своим лесникам платит за сено, а мы почему нет?

— С леспромхозом нам не тягаться. У них капиталы покрупнее, — с досадой перебил директор.

— Но ведь мы людям обещали! Они рассчитывали на сенные деньги, ждали их, а теперь людей обманем. Да и без сена останемся. Лесники, сколько надо оставят своему скоту, а в Полуденное грамма не дадут.

— Куда же они излишки денут? Сами есть станут?

— Продадут. Ключевские мужики за милую душу купят.

— Пусть попробуют продадут. Кошено где? В заповеднике. Значит, казенное сено. Неприкосновенное. Накажем, как за браконьерство.

Раздумывал, как быть. Положение ни к черту. Ну, плюнут, успокоятся мужики, но веры Ивану больше не будет. Как дальше работать? Звери в заповеднике не считаны, деревья не меряны. На доверии заповедник держится, на честности.

Пошел к Матвею. Рассказал.

Матвей направился к Глухову. Вернулся скоро.

— Бесполезно... — махнул рукой. — Уперся и ни в какую.

— Вот прислали зануду, — вздохнул Иван.

Матвей посмотрел на Ивана участливо.

— Под кедрач-то дал место?

— Жди, он даст. Отмерил за поскотиной полгектара, заплот из жердей сделал. Мужики подсобили.

— А Глухов узнает — тогда что?

— Ничего, перетопчемся, отобьемся.

Долго сидели.

Шел Иван темной улицей, переживал нервотрепку заново. Не заметил, как до дому дошел. Свет горел лишь в одном окне — на кухне. Но шторы аккуратно расправлены, ни щелочки. С чего бы?

Отворил дверь и глазам не поверил. За столом — Клубков. Чай пьет.

— Не узнаешь, ли чё ли? — усмехнулся.

На табуретке сидит прочно, будто прибитый. И весь прочный, вырубленный из цельного куска старого, мореного дерева.

— Узнал, — сдержанно ответил Иван, вешая штормовку возле двери на гвоздик. Неторопливо умылся из рукомойника. На лице — усталость пришедшего с работы человека. Больше — ничего. И пока умывался, вытирал лицо — чувствовал спиной взгляд неожиданного гостя.

Думал напряженно: зачем пожаловал Клубков, не ради же чая. Так просто он ничего не делает.

Сел к столу, придвинул стул, поставленную Тамарой. Потянулся за куском хлеба, за блюдцем с маслом. Намазывал хлеб сосредоточенно, показывал Клубкову свое спокойствие.

— Ну, как живешь, Ваня? — спросил Александр Тихонович, поглаживая скатерку. Его руки, крючковатые, беспокойные, не бывали без движения.

— Неплохо, — ответил Иван, беря в рот кусок пиленого сахара. Любил сахар, предпочитал всем вареньям. Еще в техникуме на первом курсе полюбил его. Утром вскочит, надо на занятия бежать, а есть нечего. Дежурный коммунары по комнате продружил до полуночи, ничего не сварил. А! Ладно. Кусков пять сахара в карман и — в дверь. До обеда поможет высидеть.

— Скучно отвечаешь. Не по-родственному. — Бурое, обветренное лицо, которое, казалось, натерто кирпичом, — непроницаемо. И хотя временами теплится на нем полуулыбка, на лице она кажется чужой.

— Как есть, так и отвечаю.

— Томка, — повернулся Александр Тихонович к застывшей у плиты Тамаре. — Ну-ка, подай... — и самолюбивая, с капризными губками Тамара, услышь она от кого другого такое обращение, взвилась бы ужаленно, а тут Томка и есть, кинулась выполнять.

Принял Клубков из ее услужливых рук что-то тяжеленькое, завернутое в мешковину, стал раскручивать обмотку. И сразу запах пошел по комнате, проникая во все углы: копченый таймень. Просвечивающая янтарем жирная мякоть. Самая середина, без головы и хвоста. Благость — не рыба.

Александр Тихонович взял из рук Тамары нож, попробовал на зуб — острый. Отрезал несколько кусочков, пододвинул один Ивану.

— Попробуй, удалась ли рыбка-то?

— У тебя всегда удается, — ровно ответил Иван. Поднес кусок к носу, понюхал, откусил малость — на зуб. Горьковато и тонко пахло тальниковым, нежным дымом. Умеет. Лучше его никто не закоптит тайменя или хариуса.

От деда Тихона мастерство ведет. Чужих близко к копильне не подпускает. А может оттого, что там не только рыбка млеет на черемуховых прутьях, а и маралятина?

Во рту кусочек так и таял. Так и хотелось есть весь, вместе со шкуркой, золотистой же, мелкочешуйчатой, сжать зубами, наслаждаясь, медленно высасывать янтарный сок.

— В заповеднике поймал? — Иван положил кусок на мешковину, пропитанную чудным ароматом.

— Боже упаси! Откуда ты это взял?

— А в глотку не лезет.

Положил руки на стол. Его руки нежнее, чем у Клубкова. Ладонь поуже, пальцы потоньше, и нет в них такой костяной цепкости. Сравнил. И Клубков тоже сравнил. В сизых глазах мелькнула тайная искорка.

— Ну, вот что, — сказал Иван твердо. — У тебя какой разговор ко мне или что? — и так же твердо смотрел в глаза гостя.

Александр Тихонович левый глаз чуть сощурил, будто прицеливался. Однако первый не выдержал, увел глаза. Но не просто так, с причиной.

— Томка, поди к кому из девок, посиди. Разговор у нас будет. Мужичкий, с матерками, — подмигнул Ивану.

Та безропотно навинула платок на золотой стожок волос, укрыла одеялом Альку, разметавшегося в кровати, убежала. Одарил ли ее чем Клубков, или внутренняя сила его так действует. Сила для женщин вроде гипноза. Куда и вся гордость делась, все капризы.

Захлопнулась дверь, молчанье повисло над столом. Давило на плечи, на голову, но Иван не спешил. Принес с окна пепельницу, сигареты. Сам закурил, сделал знак гостю: кури, дескать. Сидит, ждет, что дальше будет.

Клубков нехотя вытянул дешевую сигарету из Ивановой пачки. Решил попробовать, как они в сравнении с махоркой. Прикурил, затянулся несколько раз, кисло поморщился. Раздавил в пепельнице.

— Такое, значит, дело у меня, — пошарил пальцами по скатерке. Набрел на хлебные крошки, стал колобок скатывать.

Иван — ничего. Покуривает, щурится от дыма.

— Мне, Ваня, лицензия нужна, — просто сказал Клубков.

— Тебе? Лицензия? — искренне поразился Иван. — Учудил, Тихонович, всю жизнь зверя без всяких лицензий бил, а тут вдруг понадобилась.

— Ну бил или нет — это тебе неизвестно. А сейчас собираюсь немного мяса вывезти на базар, в Ключи, а может и дальше в город подамся. Там, говорят, цены подходящие.

— Понятно. А ты думал, к кому ехал?

— Думал. К тебе.

— И надеялся?

— Надеялся.

— Почему? — поднял Иван белесые брови с рыжинкой.

— Думал: не откажешь по-родственному-то.

— Какие мы родственники! Наше родство в две ветви пошло. Ты — в одну, мы — в другую.

— Все же корень один.

— У волка с собакой тоже один корень, да толку что? Не учел ты, Тихонович, промашка вышла. Да и заповедник у нас, не общество охотников. Не даем лицензий.

— Но отстрелы маралов бывают с научной целью?

— Бывают.

— Ну вот, выбей мне такое разрешение. На предмет того, что чучело сделать для конторы. Не хочешь по-родственному, давай по-деловому. Что продам — наполовину. Не обижу. Если ты родства не помнишь — я помню.

— Не нужны мне твои деньги. Ни копейки.

— Нужны, Ваня. Деньги завсегда нужны. Даже партийному, как ты. Все их любят, денежки-то.

— Смотря какие, — перебил Иван.

— Ты вот себя чистеньким считаешь... ангелочком... Да не перечь, не перечь, знаю: считаешь.

— Не чистеньким, чистым.

— Ну и дурак, — мягко укорил Клубков. — Ваше начальство вон не брезгает дармовщиной.

Клубков помолчал и добавил: — Видел я как-то картину: причалили они, значит, возле нерестилища, выход из речки в озеро сеткой перегородили и давай рыбу наметкой черпать. Как ложкой из котелка, подчистую. Рыба мечется, а ходу нет никуда, только в сеть или в наметку. Хороших таймешков взяли. Покрупнее вот этого, — кивнул на стол, где таяли золотые куски. — Издали, правда, видел, в бинокль.

— Кто? — быстро спросил Иван, и зеленые, при лампочке видать, глаза стали колючими. Рысьи прямо.

— А зачем я тебе скажу? — довольно засмеялся Клубков. — Разбередил-таки!

Тяжелую голову Иван подпер руками, глаза в скатерку опустил. Не врет Клубков. Сколько раз слышал от лесников, что пошаливает ключевское начальство. Да что там слышал, сам видел. Плыл как-то, а у заповедного мыска кто-то сеть кидает с лодки. Под вечер. Палатка на берегу белеет, костер горит, женщина возле котелка орудует.

Подъехал с носа, чтобы сетью винт не запутать.

— Кто такой, почему здесь?

Не мужик оказался, мужчина. Улыбается приветливо и никакого испуга. Подумал Иван: «Вот браконьеры пошли, видят лесничего и хоть бы хны».

Новым инструктором исполкома оказался. Обозлился Иван крепко: как так, с других порядки спрашивает, а сам безо всякого разрешения орудует в заповедных водах.

Выгнал его вместе с женой и палаткой, а головешки от костра в воду покидал.

— Ну, вот что, Тихонович! — хлопнул ладонью о стол, даже пальцы одеревели. — С начальством мы разберемся тоже. Спросим по всей строгости, с партийной совести спросим. А предложения твоего ко мне, считай, не было!

Клубков переждал. Сидел не дрогнув, высоко держа еще не седую, по-медвежьи бурю голову. Потом поднялся, разгладил на себе толстый, козьего пуха свитер и вдруг тихонько рассмеялся:

— Да, видать, ты совсем заработался. От помощника мало толку. Парнишка городской, какой с него спрос.

— Ты обо мне не заботься.

— Послал его куда или как? Лодки на причале нету, — равнодушно сказал Клубков. — Утонет, случаем, затаскают.

— Мы закончили, Тихонович.

— Не торопись, Ваня, не плюйся. Всяко бывает. Вдруг да клюнет жареный рябчик в то самое место. Придешь ко мне — не оттолкну.

— Не приду. Кору буду глотать — не приду.

— Что же... Проеду, — новым голосом проговорил Клубков, будто не было неприятного разговора и на душе легко. Снял с гвоздика легкую брезентовую куртку с капюшоном. — Поплыву к себе на Щучий. Не заблужусь, поди.

«Ты заблудишься! Ночь для тебя — самое время, родней жены», — подумал Иван, видя напоследок в раскрытой двери крепкий затылок Клубкова.

И вдруг спохватился: рыбу забыл отдать. Кое-как завернул в меш-

ковину, выскочил во двор — нет Клубкова. Нигде не маячит, тьма сплошная. В окнах — ни огонька. Не кричать же его на все село. Рас-творился Александр Тихонович, будто и не было его, да вот рыба. Размахнулся, пустил сверток вдоль темной улицы. Собаки подберут.

3.

Темнело быстро и плотно. Иссиня-серый туман оседал сверху, со-чился с боков, туго набиваясь меж ветвей, зыбко стлался над сырой травой и поднимался, слой за слоем укутывая, пеленал Артема.

Артем лежал на боку, устроив под голову сухую сторону рюкзака, глядел вниз, но ничего не видел: ни седой от дождя травы, ни ветвей кедра, ни собственного плеча — все размыто мраком.

Дождь как будто кончился. Ровный, убаюкивающий шум его неза-метно стих, и тотчас из озерного ущелья потянул ветер, сбивая с ветвей капли. Капли с шорохом летели вниз, срываясь с хвои, попадали в лицо Артему. Он вздрагивал от их холодного прикосновения и прислушивался.

Шорохи бродили в ночи. Распрямлялись травы, прибитые дождем, отряхивались ветви — все шелестело таинственно и живо. Артему слы-шались грузные, чавкающие по глине солища шаги. Он остановил ды-ханье. Кровь в голове шумела, сердце стучало — мешало слушать.

Мурашки поползли по спине. Воображение услужливо нарисовало то, что не мог увидеть сквозь мрак: издала, от берега, идет к его кедру браконьер — коренастый мужчина, в кирзовых сапогах, стеганой тело-грейке и зимней шапке с завязанными сверху ушами. Он не брит. Бри-тым браконьера Артем не мог представить. На всех плакатах бра-коньер, — молод, стар ли, — с недельной щетиной на красноносом лице.

Он идет, зажав в зубах потухшую самокрутку, разрывая голенища-ми сапог спутанную траву, и за спиной его угадывается ствол ружья. Он уже близко, стоит под деревом. Слышно его прерывистое, с хрипот-цой дыхание.

Артем сжался в комок в своем высоком ложе, онемел. Сердце оша-лело колотилось. Горло пересохло, и он часто глотал слюну. Рука ин-стинктивно побывала к ружью. Цевье было мокро, холодно. Он поло-жил палец на курок и, хотя неудобно руку на весу держать, не менял позы. Затаился.

«Нет, это так... Это просто чудится. Всякий бред лезет в голову. Вбил себе, дурак. Это трава шелестит, распрямляется, дождевики к земле скатываются», — соображал он, а страх, липкий, тягучий, не отпускал. И захотелось Артему еще теснее прижаться к дереву, слиться с ним, одеревенеть на ночь, чтобы ничего не слышать, не чувствовать.

«Если пойдет человек или зверь, шаги будут явственнее, — успо-каивал себя. — А тут обман слуха. А что, если на самом деле послы-

шатся шаги? С дерева ничего не видать. Мрак полнейший. Может... спуститься вниз и устроиться у подножья, на сухой подстилке из опавшей хвои?

Но от одной мысли спуститься туда, где шорохи и неизвестность, его передернуло. Страшно, до жути страшно. Ветерок как будто разыгрывается. Скоро разнесет, развеет туман, тучи. А там луна вывернется, осветит поляну. Ему хорошо будет видно сверху.

Эта мысль успокоила Артема, и он стал устраиваться поудобнее на лапнике. На всякий случай покачал ружье: крепко держится, и спрятал ладони под мышки, в тепло.

Зевнул. Прикрыл глаза в ожидании, когда луна проглянет сквозь размытые глыбы туч, вспоминал лица близких. Отца у него не было. Он ушел, когда Артему не исполнилось и семи. Были только мать и замужняя сестра. Вспоминают его сейчас, наверно. Жалеют...

Затенились лица, померкли. Мелькнул перрон, заплаканные глаза матери. Потом посветлело, и он увидел привокзальную площадочку глухой станции. Артем, взрослый, почти самостоятельный человек, покупает у старушки соленые грибы в капустном листе, тоже соленом. Грибы пахнут лесом.

И вдруг совсем ярко, до боли в глазах. Инстинктивно затенил лицо ладонью, но пронзительный золотой свет проходил сквозь ладонь. От него нельзя было заслониться. Артем вздрогнул и открыл глаза.

С недоумением оглядывал зеленый полумрак под собою, поблескивающую траву на поляне. Сквозь хвою ко-утреннему свежо и ослепительно, радостно полыхало солнце. После дождя оно было пронзительно-носильное.

Артем протер глаза; понял, где он и зачем. Пришло утро, и надо спускаться вниз. Спускался с трудом: ноги онемели и не слушались. Чуть не сорвался.

Его знобило. От штормовки шел пар, но стоя в высокой, успевшей обсохнуть траве, блаженно жмурился ясному утру, всей ласковости многоцветья, которое снова обрело краски и прелесть. Вынул из рюкзака полотенце, опустил в траву, где еще держалась влага, дрожа от свежести, утер лицо.

Птичий звон висел над поляной, небо казалось умытым, до того свежее, синее. Его кедр сверкал мохнатыми ветвями — на иглах дрожали капли росы, пробитые солнцем. Но почему-то тревожно стало Артему.

Он окинул глазами местность, почудилось, что за ночь здесь что-то изменилось. На сердце холодком дохнуло. Повернулся туда, где должна висеть петля.

Не поверил глазам: петли не было.

Бросил полотенце, шарил в траве руками, задрал лицо, смотрел вверх, но видел лишь рыжие сучья. Петля исчезла.

Домой Артем вернулся в полуденную жару. На пристани по-прежнему было пустынно, словно никуда и не уплывал. Вот только удочек в лодке нет: забыл в бухте, и горько усмехнулся, что на возвращение тоже повезло. Чувствовал себя Артем странно: в глазах все плыло и покачивалось. Очень хотелось лечь где угодно, хотя бы на берегу, под сильным солнцем. Лечь и забыться.

Он с ходу зарулил за дамбу. Там едва не ткнулся в чью-то лодку, вовремя отвернул и ни испуга, ничего другого не почувствовал. Отыскав краем глаза на берегу свободное место, резко заложил руль, едва не черпанув бортом. Газ сбавить в самый раз не подгадал, и лодка наполовину вылетела на песок.

Мотор на мели подкинуло, он пронзительно взревел на холостых оборотах и при толчке заглох. Артема бросило на скамейку. Упал удачно, на ладони, и сразу поднялся, чувствуя легкое головокружение. Он не стал возиться с мотором, даже бак не спрятал. Высосут бензин — черт с ним...

В комнате прохладно и сумрачно. Окна, занавешенные пожелтевшими газетами, пропускали мало света. Он прислонил ружье к стене, глубоко, освобожденно вздохнул и как был — в штормовке, в сапогах, сняв сил не хватило, — пластом упал на кровать.

Услышал, как под газетами, наверное, еще со вчерашнего дня, билась в стекло муха. Ее надсадное гуденье ввинчивалось в голову. Хотел встать, прихлопнуть муху, да тут же забыл, почувствовал себя на качелях. Вверх—вниз... Внутри жилка обрывается, когда он летит вниз и не может остановиться. Все замирает в нем, он съеживается, ждет удара и не может дожидаться.

Потом, через время, в сознание проникли гулкие шаги. От них вздрагивала спинка кровати у изголовья. Слышались невнятные голоса, все это казалось ему посторонним, никак к нему не причастным.

И когда он разобрал свое имя, в нем что-то шевельнулось на миг, рождался какой-то отзыв, но и он увял. Исчезли шаги и голоса, остался слабый звон, то ли муха все еще выбивается на волю, то ли в спинке кровати так долго не гаснет звук.

Все ушло, осталась тишина.

— Проснулся? — услышал рядом тихий женский голос.

Голос Артем раньше слышал, гадал: чей? Сбоку, от стены, не видной ему с кровати, белело лицо. Артем узнал Риту, секретаршу из приемной директора. Ее муж, говорили, до Артема работал помощником лесничего, потом утонул. Почему здесь Рита? Однако не спросил. Выжидал.

Рита неслышно ушла в дальний угол, там у Артема располагалась

кухня, звякнула кружкой о ведро. Неслышно же очутилась рядом. Поднесла кружку к его губам. Сообразила, что он обольется, скользнула вбок, откуда появилась сначала. Там оказался табурет, на нем Рита сидела с книжкой. Артем это понял, когда она придвинула табурет к его изголовью и поставила кружку.

Снова над ним склонилась. Теперь ее лицо видел совсем близко, улавливал тепло ее дыханья. Тонкие пальцы подлезли под его плечи, ласковые и прохладные.

Артем напрягся, сел. Жадно, захлебываясь,пил.

Оглядел себя. Лежал в майке, в трусах, на чистой простыне, под одеялом, как и положено в его состоянии. Помнил ведь ясно: свалился в кровать не раздеваясь. В жар бросило от мысли, что раздеть его могла она, Рита. Она снимала с него грязную и рваную штермовку с обтрепанными манжетами, рваные на коленях штаны. Она же стаскивала сапоги. От стыда закрыл глаза, откинулся на подушку, пропитанную едким потом.

— Тебе хуже? — склонилась Рита и положила на лоб прохладную ладонь. Захотелось, чтобы она держала ее долго, бесконечно долго, и он бы наслаждался шелковистой ласковостью ее кожи.

Он ощутил себя маленьким, размягченным от ее заботливости. Риту встречал часто. Невысокая. Русые волосы коротко подстрижены. Кажется, глаза серые, таким бывает озеро перед дождем.

Она, наверное, ровесница или на год моложе. Помнится, при встрече всегда удивленно вскидывала глаза, словно хотела что-то сказать, но не могла. Вообще-то особо ее не разглядывал и только теперь думал о Рите. И то потому, что так все вышло.

Вот сидит рядом, и хорошо от ее близости, хорошо чувствовать себя слабым и улавливать материнское в ее прикосновениях.

— Ты устала? — спросил Артем.

— Немножко. — Рита убрала ладонь. — Я тебе делала холодные компрессы. Не помнишь?

— Не помню. Я голоса слышал.

— Дмитрий Иванович приходил. Очень переживал за тебя.

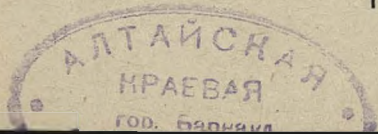
— Еще кто был?

— Иван Рытов. Я его не пустила. Дмитрий Иванович сказал, что тебе нужен полный покой, и не велел никого пускать.

— Рита, мне лучше. Почти хорошо. Иди спать.

Рита поднялась, сняла с гвоздя на потолке кофту, надела, снова приблизилась к кровати. Может, ей думалось, что стоит уйти, как болезнь, видя, что Артем без присмотра, снова на него накинется.

Вид Артема успокоил. Рита ушла. Стукнула дверь, и все стихло. Артем отвернулся к стене, досадуя, что забыл попросить ее выключить свет, но сон пришел быстро.

Утром Артем вышел на крыльцо, ощущая в теле легкость и обновление. Солнце над березником едва зависло, еще нежаркое, но полученная сила его уже угадывалась: на небе ни дымки, ни облачка. Обрадовался — новый день рождается сильным, обнадеживающим, специально к выздоровлению.

Он взглянул на поляну перед домом. Поляна белела летним цветом. Крупная роса лежала на травах, и каждая капля дрожала синим пронзительным светом. В сочных, напоенных дождями и солнцем травах уже трещали кузнечики, запах меда струился от разноцветья.

Четыре месяца прожил он здесь, и поляна на глазах менялась. Когда сошел снег и теплые ветры прилетели из ущелий, поляна увиделась бурой от полеглых прошлогодних трав. Но не успели из-под прели проклюнуться новые листья, как все кругом стало фиолетовым от дружного цветения кандыка. Он рос так густо, что Артем ходил по тропке осторожно: боялся раздавить цветы. Пусть их не сажил, пусть подарок природы, но он дорожил им.

Исчез кандык, и перед домом возник пожар из огоньков. Как много их было! Артем подходил и разглядывал пламенеющие головки, трогал пальцами оранжевые тончайшие лепестки.

В ту майскую пору трава набрала силу, закрыла зеленым бархатом прошлогоднее тленье — совсем принарядилась поляна. Подошло время, и потухли, завяли огоньки. Артем пытался отыскать их стебли, но те исчезли. Зачем мешать другим, если пора цветения миновала, пусть другие покрасуются. Мудра природа.

Зато в тенистых местах, под березами, засветились нежно-розовые саранки. Выбросили вокруг себя стрелчатые листья венерины башмачки. Удивительные цветы, они, и правда, напоминали башмачок. Никогда доселе их не видел. Иван сказал: «Из семейства орхидей».

Не могла, не хотела поляна оставаться одинаковой. Как модница, меняла краски и наряды. Погасли чернильные искры кукушкиных слезок, аромат которых очень нравился Артему, и поляна надела бело-голубое платье, как раз к зною, сотканное из незабудок, ромашек и душистого чая. На солнцепеках созревала земляника.

Артем стоял на крыльце в трусах, майке, перенимал босыми ногами тепло нагретых досок и думал, что сейчас он должен сделать что-то необходимое и приятное, прежде чем заняться будничными делами.

Вернулся в комнату, взял с подоконника берестяную вазу, которую сделал сам. Обжигая ноги росой, выбежал на поляну, нарвал букет из всех цветов помаленьку. Пусть каждый радуется и веселит своим видом.

Подровнял корешки, усадил в вазу, налил в нее воды из ручья, звенящего подле дома, чистой, горной воды. Поставил вазу на стол. Понял: именно цветов не доставало.

Умылся в ручье же, вытерся мохнатым материным полотенцем,

оделся, выпил стакан холодного чаю с сахаром и направился к конторе, потому что шел девятый час...

— А, Стригунов! — Глухов поднялся из-за стола, пошел навстречу, подал тонкую энергичную руку, указал на мягкий стул. — Давай, рассказывай. — Сел не за стол, а на стул рядом с Артемом. В синих глазах сквозило нетерпение.

— Ну, пришел, — неохотно начал Артем. — Уже темнело.

— Все это понятно. Дальше.

— Залез на кедр.

— Залез, так.

— Кажется, задремал, а утром слез...

— Нет петли. Так?

— Так, — удивился директорской пронизательности.

Дмитрий Иванович встал, шагнул по ковровой дорожке к двери, там круто повернулся, пошел назад, мимо Артема, к окну. Взглянул на озеро, обернулся на Артема. Тот сидел, низко опустив голову, красный, разглядывал узоры на дорожке.

— Да, посрамил нас браконьер. Позор заповеднику. Позор... — повторял Глухов, смакуя слова. Словно не досадовал, а, наоборот, получил удовольствие. — Ошибся я в тебе, Стригунов, — продолжал он, присев на подоконник и скрестив на груди руки. — Очень ошибся. Ну, ладно, не буду мучить. Это Клубков был, самый отъявленный на озере браконьер. Не слыхал?

Это имя Артем слышал. Рассказывали, живет где-то на Щучьем мысу, на оконечности озера. Кто говорил, браконьерствует, а кто — охотится вне заповедника. Мужик отчаянный.

— А как узнали, что Клубков?

— Ларион рассказывал. Он в тот вечер остался на «Дозоре» под-ремонтничать что-то и уснул. Ночью проснулся, слышит — шуршит недалеко. Выглянул из рубки — кто-то вдоль дамбы крадется на лодке. Пригляделся, узнал Клубкова. Хитрый зверь. Сначала решил узнать, чьей лодки на месте нет, а потом уж действовать.

Глухов замолк, Клубков не выходил из головы. Захотелось расправиться с ним. Что за неуловимый такой. Браконьер он или нет, а живет не на месте. Надо показать полуденским мужикам и другому люду, что он, Глухов, человек чрева крутого и не потерпит...

— Ну, Стригунов, — проговорил директор усталым голосом, — как бороться будем с этим Клубковым?

Смотрел на парня. С ним легко разговаривать. Не то, что с главным лесничим или с лесничим, которые пока непонятны директору. Или, скорее всего, еще не воспитаны им.

— Как-то надо! — хрипло произнес Артем, втайне радуясь, что директор советуется с ним.

— Если его не поборем, — приступал Дмитрий Иванович к самому главному, — грош нам цена. Мы должны разорить это логово. Согласен?

— Согласен, — вздохнул Артем.

— Ты сможешь. Во всяком случае, обязан помочь и тем самым восстановить свое доброе имя. Ты для нас человек перспективный. — Глухов подошел к настенной карте, поманил Артема, который приблизился, хромая. Ноги затекли, пока сидел.

— Где у нас Щучий... — указательный палец директора уперся в голубую растушевку озера, медленно пополз к оконечности. Территория на карте была обведена жирной красной чертой, и точка с пометкой от руки — Щучий лежала как раз на границе заповедника.

— Видишь, — продолжал Глухов, — он у нас бельмо на глазу. Граница проходит по речке Сельга, а дом Клубкова как раз за речкой.

— Жаль, не на этой стороне, — сказал Артем.

— Да, жаль, — согласился Глухов. — Но... — сделал значительную паузу, — метров триста выше Сельга делится на два рукава, и второй рукав обходит дом Клубкова с другой стороны. Значит, если основным руслом посчитаем тот рукав, Клубков окажется на нашей территории. Ясно?

— Ясно, — загорелся Артем. Он уже понял мысль директора и удивился простоте решения, но пока не понимал, при чем он, Артем, и чем он может директору помочь.

— Паспорт обхода сделал Кугушеву?

— Нет еще, не успел.

— Великолепно. Будешь план обхода снимать на кальку, включи в обход Щучий. Понял? И ни лесничему, ни кому другому пока не говори. А потом, в свой срок, поедешь к Клубкову на Щучий, передашь копию приказа о выселении. Думаю, эта поездка доставит тебе больше удовольствия, чем та, из которой ты вернулся. Он лукаво подмигнул.

5.

Очередь продвигалась медленно, а никто не роптал: дело денежное. Мужики с почтением глядели на Трофимыча, на круглые железные очки, в которых тот напоминал сову, ждали.

Трофимыч подозрительным долгим взором окидывал очередного, будто видел впервые, и начинал искать фамилию в ведомости. Очередной замирал перед столом, тревожно вчитывался в список: вдруг да пропустили, бывают случайности. Облегченно улыбался, когда желтый ноготь приклеивался к графе. Нашел-таки.

На что Анисим Спириин — здоровяк, и у того плечи поуже стали. Робеет перед Трофимычем, перед ведомостью, перед всеми бумагами, ле-

жащими на столе. Бумажка на силу не смотрит. Декабрьский шатун и тот слабже ее. На шатуна с ружьем, с ножом пойдешь — одолеешь, а против бумажки ты слепой шенок.

Трофимыч отсчитал деньги, подал Анисиму. Тот принял разноцветные, замусоленные бумажки, зажал в ладонь, будто боялся — вырвут.

— Так... Зуев, — по-совиному глянул Трофимыч на Лариона, уже нависшего над столом. — Зуев... — отчеркнул ногтем под фамилией. Поставил птичку.

Ларион взял со стола обгрызенную ученическую ручку с заржавленным пером, ощерился большим ртом.

— Стой, не расписывайся, — остановил Трофимыч. — Где баба?

— Какая баба? — Ларион заторопился расписаться, но бухгалтер тянул ведомость из-под руки.

— Твоя, не моя же.

— А на што она?

— Ходила к директору просить, чтобы деньги вместо тебя ей выдавали. А то, говорит, до дому не доносишь. Кто там следующий. — Трофимыч склонился над ведомостью. Следующим был Артем. Бухгалтер хмыкнул:

— Вот кому хорошо. Холостому. Хоть все пропей. Распишись. Ручка оказалась у Лариона.

— Еще не ушел? — удивился бухгалтер.

— Да поимей совесть. Или ты не мужик?

— Иди, Зуев, иди. Сказано — не дам.

— Нешто их баба заработала?

— С ней разбирайся.

Ларион отдал ручку, хотел выйти, да заметил Анисима, протискаивающегося к выходу.

— Спирин, дай пятерку.

— Нашто?

— Конфеток бабе купить, — подсказали мужики, смеясь.

— Известно, каких конфеток — жидких.

— Тебе-то чё? Я на водку трачу, ты на свои краски. Все одно деньги переводим.

Анисим увидел Матвея, отозвал в сторонку, загудел:

— Отпусти до завтра в Ключи.

— За красками опять?

— Но-о...

— Ты вот все рисуешь, рисуешь, взял бы да открыл выставку своих картин в клубе, а?

— Вот красок привезу, кое-что доделаю и — можно.

— Езжай, — разрешил Матвей.

Артем вышел на улицу и не раздумывая — к магазину. Деньги, казалось, шевелились в кармане, торопили, не давали свернуть никуда больше.

Давно уж собирался купить материала на шторы, а то газеты надоели, да и некрасиво.

В магазине полно народу — с полочки всегда так. Женщины плотно обступили прилавок, налегли животами — не подступишься.

Он едва протиснулся к прилавку. Пестрые рулоны лежали перед ним, от них в глазах рябило. Ему почему-то совестно было разглядывать, копаться в ворохах этого добра, и решил брать то, что попадет на глаза. Попались белые ромашки по желтому полю.

— Фрося, отрежь мне вот этого десять метров.

Пожилая Фрося для всех — стара и млада — просто Фрося, на мужские голоса быстрее отзывалась. Женщины больше смотрят, прицениваются и редко покупают. Мужики — решительнее.

— На шторы, ли чё ли? — спросила только.

— Но-о, — протянул Артем по-местному.

— Соображалка работает, — похвалила продавщица. Отмерила деревянным метром, надрезала край ножницами и рывком отделила кусок от рулона.

Душно. В стоячем воздухе висела пыль, не опускалась и не поднималась. Солнце застряло на одном месте, день тянулся медленно, словно и для него праздник: за отработанное получено и торопиться некуда. И чужеродным, словно соринка в глазу, казался в выгоревшем, полусонном небе вывернувшийся из-за горы вертолет.

С появлением вертолета заволновался. Вдруг да на борту, в брезентовом, заляпанном сургучовыми печатями мешке лежит письмо матери. Как она там...

Рита выскочила из магазина и бегом — за село, принимать почту. Артем сел на крыльцо конторы, ожидал возвращения.

Успел выкурить две сигареты, пока показалась Рита. Идет не спеша, адреса на конвертах разглядывает, перекладывает письма из руки в руку. По привычке направляясь в контору, увидела Артема.

— Нету тебе, Артюша. — Даже искать не стала в пачке писем, и Артем поднялся. Чуда не произошло, грустно стало. В то же время чувствовал облегчение. Значит, все ладно.

— Ты расстроился? — спросила Рита.

— Нет. — Пожал плечами. Сам гадал: расстроился или нет.

— Я же вижу. Хочешь, напишу тебе нежное-нежное?

Артем не успел ответить, потому что подошел Иван с хозяйственной сумкой в руке, и Рита, вспомнив, что в пустой конторе делать нечего, побежала в магазин, где толпился народ. Там и письма раздаст и купит, что не успела купить.

— Есть хочешь? — Иван улыбался чему-то.

— Не хочу, — бодро ответил Артем.

— Врешь, глаза у тебя голодные. По-моему, ты еще не обедал. —
Взял Артема за локоть, потащил с собой.

Дом Ивана был стар, но темные бревна гладки, словно полированы, даже поблескивают, если на них смотреть сбоку. Их хочется колупнуть ногтем, чтобы почувствовать каменную твердость, в которую не так просто вбить гвоздь.

Иван распахнул калитку. В огороде, среди грядок с морковью и высоким стрельчатым луком, бегал за стрекозами с прутом мальчишка лет четырех. Волосы выгорели до белизны, нос облупился, красен, плечи обгорели и шелушились.

Иван отшоркал ладонью засохшую грязь на коленях сына, обнял, прикрыв собой Аликины порванные на самой попе трусики.

Спросил:

— Мама дома?

— Нет, ушла к соседке.

— Пойдем с нами, мужик, ужин готовить станем, — сказал Иван.

Иван сходил за дровами. Еловый сушняк загорелся от одной спички. Поставил сковороду на плиту, достал с настенной полки завернутый в целлофан желтый кусок свиного сала, и через несколько минут оно, уже нарезанное, шипело и трещало, распространяя по комнате запах, от которого Артем сразу повеселел.

Артем давно заметил у лесничего удивительное свойство все делать красиво, как-то вкусно. Он и сигаретку умел курить особенно, смачно, бережно держа двумя пальцами, затягиваясь осторожно, будто сигарета кончается, а он не накурился и растягивает удовольствие.

Поели молча.

— Ну, как у тебя жизнь? — спросил Иван.

— Ничего вроде, — ответил Артем и чуть покраснел. Что-то уж очень загадочно смотрит лесничий. Может, уж знает о его поездке, о его позоре? Сейчас подмигнет рысьим зеленым глазом, потешится над его неудачливостью.

Но Иван оставался серьезен.

— Мне с тобой давно откровенно поговорить хотелось.

— Сейчас скажешь... — Артем опустил глаза, насунился.

— Нам с тобой работать вместе, а тайга — штука особенная. В городе и то трудно работать и ничего не знать о соседе. А здесь мы ведь считай, все родня. Все село, и ты нам теперь родной. Вот и давай: кто ты, что ты... Бросил институт, приехал в тайгу. Как, отчего?

— В школе любил стихи, литературу, поступил в педагогический, — начал Артем, — до второго курса доучился, пошла практика. На практике все и началось.

— Что началось-то? — пытливо спрашивал Иван.

— Ну, это самое... В общем, не понравилось мне. Скучно стало. Мы на задних партах сидели, студенты. И поверишь, еле звонка дожидался. Вот так. А представил, как дальше работать, — жутковато стало.

— Тебя выгнали, или сам ушел?

— Сам. С месяц протянул, а потом уже никак. Пришел в деканат: хочу уйти из института. Декан у нас крутой мужик был. Думал, ругаться начнет, нет, не ругал. Помнишь, говорит, сколько слез было, когда списки принятых вывешивали? — Артем покрутил стакан с чаем. — Помню, конечно. Семь человек на место.

— Еропла-ан... — протянул Иван. — Из-за тебя, значит, чья-то судьба наперекос пошла?

— Наверно.

— А знаешь, все же лучше, что ты ушел. Когда работаешь без радости — хуже смерти. А как родители?

— Мать плакала.

— Понятно. И ты сразу сюда?

— Нет, на стройку устроился. Окаренки с раствором каменщикам подтаскивал, кирпичи подносил. С месяц проработал, ушел.

— Не справился? — поднял голову Иван.

— Да нет... — В газете заметка попалась о заповеднике. И вот... — Артем поглядел на Ивана.

— Еропла-ан! И как дальше?

— Работаю пока.

— А для души?

— Не знаю...

— Стихи пишешь? — неожиданно спросил Иван.

— Нет, давно не пишу. Чужие читаю. А что?

— Здесь нельзя, чтобы без души. Иначе — тоска. Ни театров тебе, ни концертных залов — ничего нет. Рыбалкой, охотой долго не продержишься, ты же городской человек, тебе что-то такое, — пошевелил пальцами, — надо. Понимаешь? Например, Анисим Спирин рисует, я вожусь с кедром. Не знаю, что получится, но вожусь, хочу, чтобы кедры легко можно было пересаживать из питомника в тайгу, на пролысины. Займись и ты чем-нибудь. Если стихи бросил, то хоть повадки зверей изучай. Видел, как маралы бегут? Это — балет. Сколько грации! Куда до них балеринам! — Глаза лесничего немного развеселились.

— Я подумаю, — сказал Артем.

— А если всерьез полюбишь лес — в институт можно. Конечно, не в педагогический, — рассмеялся. — Я вот тоже подумываю. Техника не хватает. Кедр — дерево серьезное, многого от тебя требует. Многого...

Алику наскучило слушать взрослые разговоры, он перелез к отцу на

колени, прижал голову к отцовской груди. Легкие, как пух, волосы колыхались от дыханья Ивана.

Резко хлопнула створка окна, тугой ветер влетел в комнату, наполнил влажным озерным воздухом, пахнущим хвоей и рыбой.

— Началось! — сказал Иван с явным удовольствием, видя в окне низкое, свесившееся грязными клочьями к озеру небо.

6.

Среди других радостей, изредка выпадающих человеку, радость обновления, пожалуй, самая тихая и светлая. Душу она не лихорадит, наоборот — умиротворяет.

Вот такая радость пришла к Артему, когда он повесил новые шторы в своей квартире. Кто бы мог подумать, что небольшой сверток дешевого ситца так украсит не только окна, нет, — всю комнату: потолок, углы, стены. Даже русская печь, занимающая добрую треть полезной площади, будто принарядилась. Веселый желтый свет, исходящий от окон, мягко сглаживал трещинки и потеки, затушевывая их.

Книжные полки чистого, некрашеного дерева выглядели свежо и хороши были тем, что ни лак, ни краска не загубили нежного соснового запаха.

Артем протер влажной тряпочкой корешки книг, которые удалось привезти из города и купить в Ключах, куда изредка ездил в книжный магазин.

Оставалось вымыть пол. Дела этого Артем не любил, но решительно снял с плиты тазик с теплой водой, обмакнул в него старую рубашку.

Ползая на коленях с тряпкой, злился на себя, что накопил столько грязи. Кругом пыль от сапог и собачья шерсть, хоть не пускай в комнату кобеля, пока не вылиняет окончательно. Только подумал о собаке, Норд залаял на крыльце добродушно, словно здороваясь.

Артем выскочил с тряпкой в руках и оторопел: к нему шел Иван. Одет необычно. Вместо выгоревшей до бледного, болотного цвета, прожженной у костров штормовки, в которой Артем так привык видеть лесничего, на нем черный костюм, белая рубашка, темный, с блестками галстук.

Иван слегка приволакивал ногами по привычке. На ногах были не резиновые сапоги, привычные для него, а начищенные полуботинки.

— Еропла-ан... — Иван, не поднимаясь на крыльцо, заглянул в желтый полумрак комнаты. Низкое вечернее солнце пробивало шторы неярким светом, отчего они казались еще наряднее.

Лесничий недовольно отогнал Норда, лезущего обнюхать новые брюки, которые, как и пиджак, сидели мешковато, и Артему подумалось, что он мается в новой одежде.

— Еропла-ан... — повторил Иван, уже улыбаясь. — Жениться не надо. Ладно, одевайся.

— Куда?

— К Матвею.

Артем знал, что у Веры, жены Матвея, — день рождения. Главный лесничий об этом в конторе еще днем говорил, а после обеда исчез. Потом видели, как Матвей ехал на телеге от магазина к своему дому.

Одной рукой он правил Карькой, другой придерживал что-то громоздкое, покрытое брезентом, — видимо, продукты и водку. Матвей не пригласил Артема, и Артем не обиделся: значит, есть своя компания. Прийти непрошеным — неловко.

— Меня никто не приглашал, — сказал он, думая, что Иван берет его на свой страх и риск.

Лесничий недоуменно поднял выгоревшие брови.

— Ты слышал, как Матвей об этом говорил?

— Слышал.

— Ну, а чего? Приглашающих билетов тут не раздают. У кого праздник — вся деревня валит без разбору.

Не без робости подходил Артем к дому Матвея. Из открытых окон неслись музыка и приглушенный говор многих людей. Возле калитки приотстал, пропуская вперед Ивана, и тот укоризненно покачал головой, видя такую неуверенность.

Однако все оказалось просто. В кухне, где суетились женщины, жарко поыхала печь, что-то кипело, жарилось. Гостей встретила сама виновница торжества.

В последнее время она расплнела, и белое шелковое платье было ей узковато. В волосах, закрученных на затылке тугим узлом, белела ромашка.

— Кого тут за уши тянуть? — спросил Иван весело. Артем из-за его спины молчал, принужденно улыбаясь.

— Ой, спасибочко, что пришли. — Раскрасневшаяся от жара Вера потащила гостей в комнату, где было сине от табака, пахло духами и нафталином.

Там, вдоль стен, на диване, на заправленной клетчатым одеялом крочати, на скамьях и стульях чинно сидели гости, сплошь знакомые полуденские мужики. На двух сдвинутых столах, покрытых белыми скатертями с кисточками, мутно светились запотелые водочные бутылки, высился нарезанный хлеб, в блюдах краснел винегрет.

И хотя со многими мужиками Артем виделся днем, они улыбались ему, а он им, и здоровались, смутно чувствуя, что на работе это одно, а здесь все они одеты не по-рабочему, в чистые рубахи, и настроение у них совсем иное, а значит, и сами другие, новые, не те, что были днем.

— Где твоя половина? — тихо спросил Матвей.

— А, — отмахнулся Иван.

И тут Артем увидел Риту. Она сидела на краю дивана в белой, ажурной кофточке без рукавов, в серой юбке. Сбоку от нее, на лакированной фабричной тумбочке, гремела радиола, подрагивая в такт музыке кошачьим зеленым глазом.

Перегнувшись через валик дивана, Рита перебирала на полке пластинки. Серая юбочка туго обтянула полные ноги, и Артем помимо воли уставился на них, мучительно стыдясь и в то же время не в силах отвести глаз от круглых, матово-белых колен.

Рита угадала на себе пристальные глаза и, не оборачиваясь, одной рукой натягивала край юбки.

Артем отвел глаза, но все еще видел Риту, ощущал в душе что-то стыдное и молодое.

Матвей снова оказался у стола, его туда так и тянуло. Оглядел довольно, обернулся к гостям.

— Что мы сидим по углам? Давайте, водка заждалась.

На его голос прибежала Вера, решительно потянула за воротник. Муж склонился над ней, подставил ухо. Вера что-то горячо ему шептала, и лицо Матвея стало виноватым.

— Ну, подождем, разве я против, — оправдывался он.

Вера вдруг отстранилась, прислушалась и тотчас побежала на кухню, где слышался перестук каблучков, громкие голоса, и в комнату вошел директор, в тонкой белой рубашке с запонками-камешками. Под руку вел жену, полную черноволосую женщину в голубом платье с вырезом на груди.

Их сопровождала Вера, держа в руках нарядную коробку, видимо, подарок, и Артем усомнился, что сам он ничего не догадался подарить.

— Прошу к столу, — широко разведя руки, пригласил истомившийся Матвей. Артем понял: ждали директора.

Налиты рюмки, разложены вилки. Матвей встал, построжел. В руке держал граненый стакан. Рюмок на всех не хватило.

— У моей супруги... жены, значит, день рождения. Праздник веселый, и мы повеселимся, как умеем, а первый тост знаете, по нашему обычаю... — большим пальцем свободной руки показал на спину, но не на диван, а выше, в пространство, за стены и потолок.

Вера сидела между директором и его супругой, что-то говорила им, склонившимся к ней. Дмитрий Иванович понимающе кивал головой.

Седенький старичок с козлиной бородкой, сидящий справа от Артема, вдруг ткнул Артема кулачком в бок и показал на хозяина, все еще говорящего.

— Молодец парень-то, наше блюдо.

— Ага, молодец, — согласился Артем, не понимая ничего, и встал, когда все встали, и выпил вместе со всеми и помолчал, как все. Потом

пили за Веру, и Артем, подняв рюмку, вздрогнул: с противоположной стороны стола его ласкали Ритины глаза, такие откровенные, что он смутился и плеснул на стол.

Стало шумно и весело, все разом заговорили, звякали вилки, запах тушеной с мясом картошки напомнил Артему родной дом. Мать часто готовила сыну любимое блюдо. Жаль, сам не научился. Легко ему стало, и все нравилось.

В это время на пороге появился Гаврила Афанасьевич. Рябое лицо светло и торжественно, щербатый рот сдержанно улыбается. Уже на пороге снял форменную, с веточками фуражку.

— Доброго здоровьичка, люди почтенные! — Поклонился церемонно, поискал быстрыми глазами за столом, ага, нашел. — С днем рождения тебя, Верушка!

— Ты по делу какому? — остро глянул на него директор.

— Да нет, думал в магазин. А на кордоне, не беспокойтесь, все по пути, — докладывал он, не замечая иронического взгляда директора. Хитер старик, сам черт ему не брат.

Становилось жарко. Мужчины расстегнули вороты рубаш. Галстук Матвей сорвал, с наслаждением залустил в угол. Выскочил из-за стола, тряхнул кудрями, блеснул зубами — красавец!

— А ну, Рита, кругани вот эдакое! — энергично потряс кулаком и ловко бросил пиджак на чьи-то руки.

Его поняли. Начали сдвигать столы к стене. Табуретки, скамейки — по углам, чтобы не мешали. И сразу образовался круг, в центре которого, решительно улыбаясь, стоял Матвей.

Вера сама выбрала пластинку, подала Рите. Игла зашипела, и невидимые музыканты тронули струны балалаек. Словно ветер по ущелью прошел. И было это так неожиданно после эстрадных песенок, что Артем удивленно вскинул голову и замер.

Чистым и исконным повеяло, словно из глубины веков пришли звуки и нашли отклик. И подумалось Артему, что никакие саксофоны не заменят этим людям первоосновы. Она очищает душу от всего лишнего, дарит радость, без которой душа бы оскудела.

Матвей выждал такт, повел плечами и поплыл по кругу. Глаза его сурово и весело подмигивали, и только твердые губы замерли в напряжении.

— Давай, давай, Матвеешка! — кричали мужики, разомлев душой. Старички тоже кричали, в их остывших глазах был свет. Матвей, все убыстряя перестук каблуков, волчком прошелся по кругу, легко справляясь с большим телом. Щелкали каблуки, стонали красные половицы, звонко чокались недопитые стаканы на столе. Веселись, душа!

Дмитрий Иванович, склонившись к жене, шептал на ухо, улыбочиво кивал на Матвея. Наверно, и ему нравилось. Жена слушала невнима-

тельно. Захваченная пляской, утвердительно качала головой. В ласковых темных глазах сквозило неподдельное изумление.

«Здорово!» — думал Артем, дрожа от непонятого волнения. Раньше не любил плясок даже на хорошей сцене.

Глядя на артистов, Артем всегда испытывал чуждость. Слишком заучены и холодны движения. И хотя лица улыбаются широко, по-русски, ему думалось, внутренней потребности у них плясать и улыбаться нет. Они добросовестно выполняют работу, которой живут.

А тут — другое. Матвей — плоть от плоти этих деревенских мужиков, пляску затеял не ради показа. Его русская душа этого просила, и выкладывался он без остатка.

Когда игла зашипела на пустых бороздках, Матвей разом остановился, тяжело дыша и виновато улыбаясь потным лицом.

Поднялся шум, крики. Просили еще, совали в руку стакан водки, но Вера уже тут как тут: тянула за рукав рубашки к дивану — отдохнуть, а скорее всего ревновала к чужим глазам. Матвей покорился жене — большой, сильный, пахнущий крепким мужицким потом.

Артему стало душно, и он вышел во двор, где уже была ночь, глухая и теплая. В беседке одиноко вспыхивала красная звездочка сигареты. Артем подошел и узнал Ивана.

Молча сел рядом. Ни о чем не спрашивая, глядел, как в квадрате не затворенной им двери вилась комара и мотыльки, привлеченные светом. Иван оценил это понимающее молчанье, положил ему руку на плечо, как бы деля думы пополам.

В коридоре послышались шаги, и в дверях возник силуэт Риты. Она медленно пошла к беседке, вглядываясь во мрак.

— Фу, какой стыд, — сказала капризным голосом. — Такие молодые, а сидите, как старики. Потанцевать не с кем.

— Я свое оттанцевал, — усмехнулся Иван.

Артем промолчал. Ему совестно было покидать лесничего. Однако и Иван понял Артема. Понял и опередил:

— Вы танцуйте, а я — домой ушел.

Тоненько поскрипывала калитка — провожала.

Рита села на скамейку. Артем уловил тонкий, завораживающий запах духов. Его плечо касалось ее плеча. Хорошо стало от ее присутствия.

— Так и сидеть будем? — спросила Рита.

— Не хочется танцевать, — лукавил он. Танцевать с Ритой очень хотелось, но чужие глаза...

Он почему-то посмотрел в сторону озера, которое даже невидимое ощущалось: дышало прохладно, чуть слышно ворошило прибрежную гальку. Луна, наконец, выползла из-за Громотухи, застряла в низких облаках, с трудом высветив расплывчатый, желтоватый круг.

Рита поежилась.

— Проводи меня, Артюша.

Они шли вдоль берега, слабо очерченного песчаной полосой, еле простирающейся во тьме. Черной живой стеной стояло над ними озеро без единого огонька на далеких берегах, и оттого казалось оно бесконечным.

Вышли к озеру, сами того не замечая, оставив в стороне улицу и дом Риты. Неведомая сила тянула их сюда, к огромному скопищу воды, и Артем понял, что он всегда думает об озере, как о живом, умеющем радоваться и сердиться, но всю таинственность озера не постиг и никогда не постигнет.

— Слушай, Рита, за что мы первый раз выпили? — вспомнился странный гост Матвея.

— За тех, кто утонул.

— Странно...

— Здесь так привыкли. Много тонет. Ты на нашем кладбище не был?

— Что я там забыл?

— Просто так, посмотреть. Там совсем мало могил. Да и то почти все женские. Мужчины вон там... — повела белеющей рукой, указывая на озеро, в даль его, — человека два-три за лето не ворачиваются. Вот и Володька мой где-то там... — замолчала, и Артем пожалел, что затеял этот разговор. В слабом озерном ветре ему почудился вздох бывшего помощника лесничего, который навсегда стал частицей озера.

— В твоём доме рыбаки жил. И он тоже, — вздохнула Рита.

— Мне говорили. Ты его знала?

— Видела. Высокий такой и очень худой. Рыжий, борода рыжая. Вообще он на люди редко показывался. Наловит рыбы, продаст и снова уплывет. Улыбка у него была детская. Говорили, что добрый. Больше ничего не знаю.

— Страшно все-таки... Жил человек, а потом не стало, и никто не знает, где, почему, как. Был — и негу. Вот как этот камешек. — Артем нагнулся, поднял влажный кругляк, бросил не глядя. Булькнуло, наверно, пошли круги, и снова загладилось озеро.

— Здесь никого не находят. Старики говорят — вода тяжелая, на дно тянет.

— Дело не в этом. Страшно, что он исчез незаметно. Будто травинка или камешек. И никого после себя не оставил.

Они набрали на деревянную лодку, вытасченную на берег. От нее пахло смолой и рыбой. Залезли в лодку, сели рядом на узкую скамейку лицом к воде.

— Куда поплывем? — спросил Артем.

— Куда хочешь, только далеко-далеко... Мне всегда хочется уехать далеко, а куда — не знаю. — Она тихо рассмеялась. — Во сне мне часто

снится: еду, еду, а никуда не приезжаю. — Рита помолчала, вполголоса запела.

Песня была, наверное, очень старая, и Ритин низкий, чуть надтреснутый голос нес удивительную, светлую печаль.

Дай мне, ночка, одну звездочку,
Дай мне, ночка, самую светлую...

Тихо струилась древняя женская печаль, такая же древняя, как горы, тайга, озеро между гор, которое кормит и поит живущих на его берегах людей и берет с них дорогой выкуп.

— Эту песню мама пела, — сказала Рита. — Она у меня очень красивая. Когда папа утонул, мы поехали на Украину. Там она вышла замуж за агронома. Толстый такой, лысый, а брови густые, черные, даже не верится, что настоящие. А я сюда вернулась. Володька письма писал, звал. Прилетела к нему. А он через месяц... — облизнула пересохшие губы. — На учет зверя плавали в дальний конец. Назадплыли — «северянка» началась. Лесники говорят, давайте пригнем к берегу, переждем. Они к берегу повернули, а Володька не захотел. Ко мне торопился.

— Ты — хорошая...

— Почему? — смотрела на него, и Артем чувствовал теплоту ее дыхания. Поцеловал ее в теплую щеку.

— Не надо. Володя увидит — рассердится.

Она странно улыбалась, а может, показалось: ночью все странно. Поднялась, вылезла из лодки, огладила юбку.

— Только знаешь... Не провожай меня. Ладно?

— Как хочешь, — пожал плечами Артем и услышал мягкий шелест песка под ее быстрыми ногами.

7.

Иван собирался на работу молча, зло. Неделю назад у них случился крупный скандал, и все эти дни жена, не замечая Ивана, ходит из угла в угол или смотрит в окно. Видно, не считает себя виноватой.

Они собирались тогда на день рождения к Вере, и Иван искал галстук. Случайно залез в средний ящик комода, где хранились вещи жены, перевернул все там и, уже собираясь задвигать ящик, заметил в углу небольшой узел. Развязал узел, увидел двух хорошо выделанных соболей.

Тамара, в своем красном праздничном платье, только что отвела Альку к бабушке Спирихе и примеряла туфли на кухне.

— Это что? — вылетел Иван из спальни. — Где взяла?

Тамара растерянно улыбалась, видимо, не знала, что ответить, немного изумленно смотрела в мужнино лицо.

— Где ты это взяла? — спрашивал он, четко выделяя каждое слово. — Я тебя спрашиваю: где?

— Купила, — холодно ответила жена, оскорбленная его тоном.

— У кого?

Она пыталась вырвать шкурки, но Иван не дал, жестко повторял одни и те же слова:

— У кого купила? У кого? — И вдруг вспомнил ночью визит своего «родственничка» и жену, покорно исполняющую приказы Клубкова, заглядывающую ему в рот.

— А-а, знаю... Тебе их Клубков подарил, — понизил голос до шепота, сверлил жену колючими рысьими глазами.

— Ты с ума сошел! — кровь прилила к щекам. — Я их у него купила. Отдала деньги.

Иван не помнит, как все это вышло. В душе повернулось что-то жгучее. В первый раз за всю их совместную жизнь он ударил жену по лицу. Ударил ладонью, не больно, но гадко стало до тошноты. Он с ненавистью смотрел на искрящиеся, невесомые шкурки.

В праздничном платье Тамара лежала на кровати лицом к стене и плакала навзрыд, а Иван в бешенстве ходил по комнате.

— Ты понимаешь, что натворила, — лезли, царапая горло, слова. — В какое положение ты меня поставила. Жена лесничего купила у браконьера соболя! — Он задыхался от возмущения. — Куда ты толкаешь меня?

Жена плакала и ни слова в ответ. Иван не мог остаться дома, ему было гадко, тошно, и он ушел один.

С тех пор прошло много дней, жена — молчит. Вот и сегодня завтрак нарочно не приготовила, и Иван, глотнув из носка чайника холодного чаю, сунул в карман штанов три кусочка сахара, как бывало в старину, сорвал с гвоздя штормовку, выскочил за дверь. Торопился.

На улице сыро, зябко. От тумана, что ли. На ходу надевая штормовку, шел, глядя под ноги. Его окликали рабочие, здоровались, он кивком головы отвечал, не поднимая глаз.

Перед крыльцом конторы толпились люди: обходчики собрались на инструктаж, разговаривали с Матвеем. Иван не остановился. Сухо кивнул всем сразу, стал подниматься наверх. На лестнице догнал Матвей.

— Пойдем ко мне. — Взял под руку, внимательно разглядывал лесничего.

— Худой ты стал, кожа да кости. Злой, — сказал уже в кабинете.

— Ты меня за этим и позвал? — поинтересовался Иван, разглядывая на стене плакат, на котором суровый, рослый мужчина в форме лесника держал за шиворот тшедушного, небритого мужичонку в ватнике. С плеча у него свисала двустволка, а из кармана торчала водочная бутылка. Сверху написано: «Браконьер — враг природы».

— Да ты почему такой-то? Не подступишься к нему, — немного обозлился Матвей. — Я с ним как с человеком, а он брыкается. Вот какое дело: директор посылает Стригунова на Щучий, к Клубкову, а я за него опасаюсь.

— За Клубкова?

— Нет, за Артема, — терпеливо поправил Матвей. — Ты бы съездил с ним, помог парню.

— А что там такое? — насторожился Иван.

— Видишь, какое дело, решили Клубкова из Щучьего выселить.

— Еропла-а-ан! — пропел лесничий, криво улыбаясь. — Не согласится. Бесплезно.

Матвей рубанул рукой: — Территория наша.

— Постой, как территория наша? Граница по Сельге.

— Точно. А Сельга там двумя рукавами идет.

— Ладно, хотя дело спорное. Одного не пойму, — роднялся Иван. — Только одного... Почему вы все проворачиваете за моей спиной? Я что, уже не лесничий? Тогда гоните меня!

— Ты не шуми, не шуми... Директор в тайне это от тебя держал. Он все упирает на то, что Клубков — твой дядя. Не доверяет, короче...

— Не доверяет! — Иван даже сел. — А как же ты?..

— Артема одного не пущу. А что директор... Бог не выдаст, свинья не съест. Если зарвется — обломаем рога. Всем народом. Времена, Ваня, не те.

— Ладно, — согласился Иван. — С Артемом я съезжу.

Артем ждал в лодке. Лесничий прыгнул в нее, махнул рукой на воду, дескать, давай.

Мотор завелся сразу. Лодка пошла ходко, оставляя позади узкий, словно пролинованный след. В лицо ударил встречный ветер, и Иван лег возле багажника, где меньше дуло.

Лежал, думал о Тамаре. Странное дело: когда они ссорятся, он и злится на нее, и готов наговорить бог знает что, а как сядет в лодку или идет в тайгу, все в корне меняется. Жалеет ее и мучается, оттого что обидел, хотя мог сдержаться, уступить в чем-то...

Иван завозился, выглянул из лодки. До Щучьего оставалось не более двух километров. Вдруг он, качнув лодку, стал перебираться с носа на корму.

— Северянка! — крикнул Артему в лицо.

Артем не расслышал, убавил газ.

— Глуши! — Иван махнул рукой на мотор.

Стало тихо. Только плескалась мелкая волна у бортов.

— Ты чего? — удивился Артем.

— Слушай...

Тихий, будто серебряный звон стоял над озером. Непонятно, откуда

он появился, мелодичный, явственно тревожный звон. Воздух ли так дрожал, или ветер над прибрежными скалами и кедрами создавал этот звук.

— Запоминай звон, — предупредил лесничий. — Его даже сквозь гул мотора слышно. Он везде, даже внутри тебя, и как услышишь, беги к берегу.

Артем оглянулся, но озеро за спиной было спокойно. Туман развеялся, вода поблескивала, только позади, у каменного мыса, темнела узкая полоска от берега до берега. Можно было подумать, тень упала и расстелилась на километры.

— Вон она, родная. И кажись, хорошая.

Артем смотрел на полоску, которая надвигалась, наливалась фиолетовым цветом, ширилась на глазах, и он знал, о чем говорил Иван: о северянке много слышал, хотя еще ни разу в нее не попадал. Тоскливо сжалось сердце Артема, манил далекий берег, где так уютно громоздились деревья, где было твердо и надежно.

Он услышал гулкий вздох, будто ущелья вздохнули холодом горных рек. Артем напрягся, видя, как по воде прошли быстрые судороги, обгоняя лодку. В один миг гладь воды растрескалась рябью. Зыбь качала лодку с кормы на нос.

А сзади их догоняла чернильная полоса во всю ширь озера. По этому полю двигались пенные гребни волн, тяжело перекатываясь. Усилился глухой, шедший как бы из глубины озера шум.

Иван смотрел на волны, и Артем видел, как встревожился лесничий, как пальцы его быстро застегивали пуговицы штормовки, как он глубже нахлобучил фуражку на голову и сделал знак, что сам сядет за руль.

— Наполощет! — блеснул зубами и стал лавировать на боковой, еще не сильной волне.

Буруны догоняли, вот они рядом, мгновенно обошли лодку. Артем сообразил, что они не успели бы добраться до ближайшей бухты, боковая волна их бы там прихватила. Единственно правильное решение — плыть прямо к Щучьему, вдоль волн. Он почувствовал к Ивану благодарность.

— Сядись на пол! — заорал вдруг лесничий, раздвинув ноги от борта к борту и вцепившись в румпель обеими руками. Одной уже не мог управлять. Артем соскочил со скамейки, плюхнулся на деревянный настил, пальцы прилипли к режущим кромкам бортов.

Волна ударила в корму, которую подняло так высоко, что нос лодки провалился в ушедшую вниз воду. Взревел обнаженный винт, бешено вращаясь на холостом ходу, потом загудел натужно, с надрывом.

И тотчас нагнала другая волна, выше прежней, и корму снова подкинуло, и Артему казалось чудом, что Иван держится, не свалился на него с вышины, висит на фоне яркого неба.

Корма плавно осела, и задрался нос, под днищем бурлило, мотор почти не слышался, словно задохнулся. Артем с тревогой наблюдал, как Иван, сжав зубы, косился на мотор. Вытянет ли на вал, осилит ли крутизну? И вдруг нос зарылся в воду, ледяные брызги хлестнули Артема, он стал мокрым. Сразу как из ведра.

Иван, ошалело блестя глазами, выжидал, пока проходил большой вал. За ним катился поменьше — последыш. Лодка карабкалась на последыш и десяток метров ползла на гребне, пока не отставала или не настигал новый вал.

Озеро словно взбесилось. Бурлило гигантским котлом, ветер с ревом пролетал мимо, срывая с волн гребни. Жалобно вибрировала дюраль обшивки.

— Держись! Перетопчемся! Немного осталось! — ревел Иван.

Это Артем и сам видел, что немного, но чем ближе продвигались к скалам Щучьего, тем страшнее становилось. Под ногами хлюпала вода и постепенно прибывала — нахлестывало. От скал шел ломаный вал, о нем Артем тоже знал из рассказов лесников. Теперь видел сам.

Ударившись о скалы, волны откатывались назад, сшибались с другими, идущими к берегу, и вскидывались водяными столбами, при виде которых заходило сердце. Увидев эти ребристые, вспенившиеся на трехметровой высоте столбы воды, Иван побледнел, скулы заострились, губы шептали непонятное. То ли ругал северянку, то ли прошался.

Лавировать становилось труднее. Волны налетали отовсюду: спереди, с боков, сзади. Суденышко подпрыгивало, словно гусиное перо, и важно было не допустить, чтобы две противоположно идущие волны встретились под лодкой.

Гудело и бухало клепанное днище, казалось, вырвет сейчас все заклепки, хлынет черная вода и не за что будет уцепиться. Артем глядел на середину озера — там было бело, будто поземка мела. Это ветер рвал гребни, откидывая прочь. Под штормовкой прошел мороз.

— Еще немного... еще... — шептал он и остановившимися глазами встречал наползающий вал. Вал закручивался, темнел от ветра прямо за спиной Ивана, в полуметре от него, и тот мог протянуть руку и потрогать бурлящий гребень.

Корму стремительно бросило вверх, внутри у Артема, казалось, что оборвалось, сосущая пустота наполнила его. Он видел, как вздыбился над ним Иван, взболтнул в воздухе ногами и повис боком, уцепившись за румпель. Сейчас он сползет к нему и потерявшую управление лодку мгновенно перевернет, как ореховую скорлупу.

Артем закрыл глаза, покрываясь холодным потом. Мелькнуло лицо матери, далекий железнодорожный перрон, где он покупал у старушки грибы в капустном листке, глаза Риты. Сбоку возле борта ухнуло, будто взрыв, Артема накрыло водой. Захлебываясь, увидел зеленый, с ослепи-

тельными блестками водопад и Ивана, который все еще висел над ним, не отпускал ручку.

Вода и небо менялись местами, Артем не мог сообразить, в каком он положении. Он видел то вздрагивающее всеми переборками дно лодки, то зеленое солнце, прыгающее по волнам, то неподвижное, будто маска, лицо Ивана, висящего над ним, и это было самое страшное.

Лодку бросило плашмя, от бортов плоским листом ударили брызги, накрывая волны, сверкнула синяя радуга, а за ней чернели скалы.

«Боком несет», — ужаснулся Артем, хватаясь за решетчатый настил. Рука нащупала мокрое, скользкое. Это была фуражка Ивана. Иван уже не висел, он сидел возле мотора и не моргая, расширившимися глазами смотрел на скалы, дергая румпель из стороны в сторону. Рыжеватые волосы прилипли ко лбу, из нижней губы сочилась кровь, размытой струйкой стекая по подбородку.

«Ну, сейчас, сейчас»... — шептал Артем, видя над головой каменную щучью морду и черные спины валунов возле борта. Затаившись, ждал удара, ждал скрежета и клекота прорвавшейся в лодку воды, но боковая волна, обнажив камни, отбросила лодку. Скала отодвинулась, пошла за корму, и впереди Артем увидел заливчик с сочными, зелеными берегами, неестественно спокойный в этом водовороте.

На берегу чернела лодка, Иван правил к ней на малом газу и потом совсем заглохнул мотор. Тишина поразила Артема. Он долго сидел без движения после того, как нос лодки бесшумно ткнулся в пологий травянистый берег. Он слышал, как колотится сердце, и не отцеплял застывших пальцев на краях бортов.

Иван, все еще бледный, смотрел туда, откуда только что выбрались. Вытянул из кармана штормовки мокрую пачку, она раскисла в руках.

— Ну как? — спросил он.

Артем, дрожа, как от озноба, глотнул слюну, промолчал.

— Хорошо, что не на середине поймала, а то бы — с приветом, — Иван замолчал, уставился на берег. Артем встрепенулся. Возле лодки сидел крупный, волчьего цвета пес, глядел на них изучающе.

— Дома Клубков, — подмигнул Иван. — Видишь, Соболь здесь. — Он вылез из лодки, подтащил ее. Пес узнал лесничего, заломленный на спину колечком пушистый хвост подпрыгивал.

— Собаке цены нет. — Иван гладил пса, щекотал за ушами. — Идет за любым зверем: за соболем, за маралом. Верись, один марала держит. Хозяина с полуслова понимает.

Артем, пошатываясь, вылез из лодки. Соболь подошел к нему, старательно обнюхал, очень смело, по-хозяйски и вдруг обернулся.

Из большого бревенчатого дома, одной стеной выпирающего из безрезника, вышла женщина. Посмотрела на них, медленно пошла навстречу.

— А я гляжу в окно, кто бы это? Один вроде как Иван, а другой незнакомый. — Голос у нее низкий, но звучный. Женщина немолода, а белолица, приятна. На плечах — стеганая телогрейка, на ногах — мягкие красные сапожки без каблуков, что-то вроде охотничьих обуви, такие Артем видел у лесников. В них очень удобно в тайге.

— Здравствуй, Семеновна. — Иван достал из лодки мокрую фуражку, выжал, встряхнул, расправлял в руках. — Сам дома?

— Дома. Отдыхает. — Задержала взгляд на Артеме. — Наполоскало вас, как мыши, мокрые. Ну, пошлите, обсушитесь.

Хорош дом у Клубкова. Лиственничный, в пять окон. И двор красивый: травка у крылечка зеленая, мягкая. Березка раскидистая до земли ветви опустила. Под окном пестреют цветочки: астры, флоксы, маргаритки. Скамеечка, крашенная охрой, тут же, среди цветов, — для отдыха.

Приятное место. Не верилось Артему, что хозяин, любящий чистоту и красоту, — тот самый браконьер, который ночью так ловко обвел его.

Вошли в кухню, сели на лавку в простенке между окном и дверью. Следующая комната, видно, была спальней и залом одновременно, как у многих полуденцев. Несколько удивило, что в таком большом доме мало комнат. Однако в коридоре видел еще двери, ведущие, судя по весту, в кладовки.

— Отец, мужики к тебе, — сказала Семеновна негромко.

Артем поглядел на дверь в горницу, но там — тихо. Ни поскрипывания кровати, ни шороха шагов. И тем не менее, знал, что отворится дверь и выйдет браконьер, ставший в его сознании страшным.

— Как живешь? — спросила Семеновна, косясь на Артема.

— Ничего, — сказал Иван.

— А Томка?

— Что ей делается, — беззаботно отвечал лесничий и, как показалось Артему, неискренне.

— Сам по делу нужен или просто?

— По делу.

— А что, к примеру?

— Да есть... — неохотно проговорил Иван.

Артем опустил глаза на крашенные охрой желтые доски пола, думал, с чего начать трудный разговор. В том, что Клубков откажется ехать в Полуденное, теперь не сомневался. Такой дом, усадьбу такую бросить — надо быть дураком.

— Чего язык распустила, — послышался негромкий, густой голос. — На стол налаживай. Видишь, мужики с дороги.

Артем вздрогнул от неожиданности, вскинул голову. За столом, напротив него, сидел Сам. Еще не старый, кряжистый. Глаза светло-серые, ливялые какие-то, кажется, даже — сизые. Очень зоркие.

Но больше всего поразили руки: не пудовые гири, какие ждал увидеть, а обычные руки деревенского мужика лежали на столе беспечно. Чуть крючковатые, как лапы беркута, сильные и цепкие, ни секунды без движения. То скатерку теребят, то поглаживают ее неожиданно плавно, будто пальцы без костей, так нежно скользят.

Артем не слышал, как вошел Клубков. Дверь не скрипнула, половицы не простились. Поразился кошачьей мягкости шагов.

— Здравствуйте, — растерялся Артем.

— Мой помощник, — подсказал Иван. — Из города.

— Слышал, — оживился Клубков, очень внимательно, ласково прищурясь, рассматривал. — Артемий, значит? — И не обращая внимания на утвердительный кивок, продолжал: — В наши края потянуло? А что, воздух тут здоровше, таежный воздух-то, он сильный.

— В тайге был, что ли, Тихонович? — ровным голосом спросил Иван, косясь на патронташ, висящий в углу над ружьем.

— Ходил... — небрежно бросил тот, с неохотой отрывая глаза от Артема. — Для интересу прошелся.

— Есть нынче белка?

— Мало. Ушла белка. Кедр на низах не родила. — Клубков пожевал полными губами. — Кобель трех штук загнал — черные еще, нет, поздно вызреет белка.

Семеновна поставила на стол цветастые чайные чашки с золотыми ободками, берестяной туес с маслом, слегка красноватым, булку домашнего хлеба положила.

— Спасибо, — поблагодарил Иван, наблюдая за приготовлениями Семеновны. — Лично я недавно ел.

— Я — тоже, — быстро проговорил Артем.

— Сытые, значит? — пожевал губами хозяин.

— Мы ведь к тебе по делу, Тихонович, директор зовет в Полуденное переезжать.

— Это как? — Линялые глаза хозяина потемнели, пальцы забегали по столу, скользящая нитяные узелки.

— Ну как, переехать в Полуденное. Там избу дадут.

— Какую еще избу! — настороженно прислушивавшаяся к разговору Семеновна сорвалась на крик. — Никакой избы нам не надо! Выдумали!

— Помолчи, — вполголоса произнес Клубков, не глядя на жену. Он пододвинул к себе чай, жестом пригласил других.

— Ко мне на днях Ларион приплывал... — выждал малость, наблюдая, как из чашек струится парок. Ничего не выражало его лицо. — Тебя, говорит, директор просит приехать к нему, — продолжал хозяин, отпив глоток. — А я Лариону и отвечаю: ежели надо, пускай ко мне директор сам придет. Я у него не служу. Вот как, милые.

— Дело-то серьезное, Тихонович, — предупредил Иван.

— Сурьезное, Ваня, очень сурьезное... Ты случаем не знаешь, пошто ваши мужики Сельгу вверху перегородили?

— Перегородили... Сельгу?

— Перегородили, Ваня, запрудили. Два дня валуны катали.

— Первый раз слышу.

Иван пожал плечами, усмехнулся криво, одной щечкой.

— Так как, Тихонович, поедешь в Полуденное?

— На кой оно нам сдалось, ваше Полуденное! — встряла опять Семеновна. — У нас тут своя изба.

— Тебя спрашивают? — Хозяин обернул к ней хмурое лицо.

— А чего молчишь? Ответь имя как следует!

— Помолчи! — недобро сказал Клубков, царапая скатерть. Повернулся к Ивану, пристально его разглядывая. — Ну, а ежели я не поеду, тогда как?

— Выселит директор, — каким-то чужим, с хрипотцой голосом сказал Артем и стал шарить в верхнем кармане штормовки, где лежала мокрая бумага с подписью Глухова.

Клубков остановил Артема:

— Не ищи бумагу, верю я. Речку, значит, перегородили, теперь я в заповеднике. Выбирай, Александр Тихонович: либо — либо. Так я рассуждаю?

— Вроде так, — согласился Иван.

— Ну вот ты, Ваня, партийный, объясни мне, темному мужику: по совести это или не по совести?

— А ты здесь по совести живешь?

— Да ты чего на них смотришь, пугани отседова! — обожгла Семеновна, пятясь от стола к ружью.

— Хватит, мать, — резко оборвал Клубков.

Семеновна отступила в угол, недобро наблюдала за гостями.

— Хорошо поговорили. Что передать Глухову? — спросил Иван, краем глаза следя за хозяйкой.

Клубков лениво усмехнулся:

— Не бойся, баба есть баба. Кричит только. А директору скажи, что Клубков родился в своей избе, в ней и помрет.

— Приедут люди, будут выселять...

— Ты меня знаешь, Ваня. — Судорога прошла по пальцам.

Артем глянул на Клубкова, на Ивана и поразился их схожести и разрезом глаз и выражением.

— Ну, плыть надо. — Иван распрямился на лавке, собираясь подняться.

— Пошли, Артем, — сказал Иван.

Пока Артем выходил в сени, чувствовал затылком ненавидящие

глаза Семеновны. Кожей чувствовал, волосами, каждой клеткой тела. И только во дворе перевел дух и нервно рассмеялся.

— Ты чего? — Иван остро глянул на него.

— Не знаю, — сказал Артем.

8.

У главного лесничего былолюдно. На стульях, на подоконниках сидели рабочие, кадили махоркой и, судя по размягченному, домашнему лицу Матвея, вели разговоры о том о сем.

Торчал тут и вездесущий Ларион, и Гаврила Афанасьевич, и Анисим, который сидел на подоконнике и ладонью-лопатой отмахивался от дыма, словно от мошки. Был обходчик Тихон, безликий, серый мужик, у которого все было серое: и телогрейка, и сапоги, и лицо, будто под налетом пыли.

Директор с утра уехал в Ключи, и они набились к Матвею обговорить личные дела и решить кое-что: одному надо крышу крыть, и он просит толи; другому надо оконного стекла на вторые рамы. На дворе — середина августа, лето кончается, за делами не заметишь, как подползет осень.

К Глухову с этими просьбами заходить побаивались. Он, может, и не откажет, но кто его знает, лучше к Матвею без риска. Человек свой, полуденский, ему не надо объяснять, что значит крышу вовремя закрыть. Каждого как себя знает и понимает.

Неожиданно проклюнулся новый звук, идущий издалека.

Столпились у окна, вытянув шеи, слушали, как нарастал звук, туго заполнял село. А потом увидели вертолет. Появился он не из-за перевала, откуда раз в неделю летал почтовый, а со стороны озера.

Вертолет, круто снижаясь, пересек кромку озера, завис и стал падать на поляну возле конторы, взметнув в воздух пыль и гусиные перья.

Мужики только головой покачали, видя, как ловко пристроился вертолет между конторой и магазином. Ясно, что не почтовый. Тот делает, обычно, заход перед посадкой, снижается плавно на свою площадку у поскотины, а этот — решительно.

По очерку не кто иной, как летчик-наблюдатель, или, как его тут называют, летнаб Лукашов. Человек лихой, немногословный, умеющий сажать свою машину в самых рискованных местах. Летал при леспромохозе теперь заповедник обслуживает, делает облет территории.

Гнутая дверца открылась прежде, чем замерли лопасти винта, на низкую гусиную травку выпрыгнул невысокий, поджарый, в годах уже, Лукашов. Рванул с сиденья планшет и быстро пошел к дверям конторы, немного франтоватый, как все вертолетчики: в нарядной, чистого снега рубашке, с наведенными стрелками на темно-синих форменных брюках.

Его легкие шаги по коридору послышались скоро.

— Привет! — Лукашов энергично поднял ладонь, приветствуя всех, однако без обычной улыбки на загорелом лице, щелкнул планшеткой по столу Матвея.

— Пожар, ребята.

Расстегнув планшетку, достал листок бумаги. Лукашова тесно обступили.

— Черный мыс горит. Метров триста от берега, — говорил летнаб, показывая пальцем на схеме местности, набросанной им в воздухе. Рисовать было неудобно, карандаш прыгал в руке, но понять можно. — С воздуха видно два очага. Огонь идет низом. Горит сухая трава, корни.

— От кордона далеко?

— С километр. Очаги на той стороне гребня, так что с берега дыма, возможно, и не видеть.

Матвей достал из стола крупноплановую карту.

— Огонь идет к пихтачу, — показывал Лукашов.

— А дальше — кедрач, — продолжил Матвей и присвистнул. — Как бы верховой пал не двинул. Ветер есть?

— Пока тихо. — Летнаб посмотрел на часы.

— Как думаешь, от чего? — лицо Матвея стало красным, будто сварилось, густые брови сошлись над переносьем, образовав выражение суровости и дремучести.

— По-моему, молния. Охотников в тайге нет, туристов вы не пускаете, жечь костры некому. — Распрямился, взял планшет. — Ну, ладно, я в Ключи, заправиться надо, сообщить в отряд. Думаю, сегодня еще появлюсь.

— Там директор, — вспомнил Матвей, — сообщить бы ему. Пусть бы бензину достал. Для пил, для моторов.

— Если найду.

Вертолет стрельнул, пустил клубы синего дыма, затарахтел по-мотоциклетному. Лопасты слились в сплошной круг. Он приподнялся над землей, примяв траву ветром от винта, завис в пространстве и, развернувшись носом к озеру, пошел вперед, резко набирая высоту.

Матвей проводил его долгим взглядом, по пояс высунувшись в окно, и когда вертолет растворился в дымке за перевалом и осталось только слабое дрожание в воздухе, обернулся к онемевшим мужикам. Обвел их глазами, спросил у всех и ни у кого:

— Где Иван?

Ларион сбегал позвал. Наверное, успел на ходу рассказать, потому что лесничий ни о чем не спрашивал.

Матвей сказал ему:

— Срочно: топоры, лопаты, веревки, ведра — на «Дозор»; всех, кого найдешь в Полуденном, — бери, плыви на Черный... — подумал

немного. — Нет, лучше на кордон. Там лошадь есть, фляги... — оборотился к Кугушеву вопросительно.

— Есть, все есть, — закивал старик. — Это мы найдем.

— Пару фляг с водой на лошадь и — к очагам. Сбивайте пламя лопатами, рубите просеки, делайте что хотите, только не допускайте верхового пала, иначе... — поморщился, не договорил. Да и не надо, все знали, что будет иначе — пропадет кедрач, много гектаров.

— Понятно, — коротко отозвался Иван. Подобрался весь.

— Постой, Матвей Матвейч, — сказал Ларион. — Мне за директором плыть надо. К обеду, говорит, будь за мной...

Матвей, казалось, растерялся, думал, не сводя глаз с Ивана, и заметил, как тот подобрал тонкие губы, в рысьих глазах почудился тайный, усмешливый свет. Но — только на мгновенье, потому что лесничий затенил глаза, и в них уже ничего такого не было, только суровость и ожидание.

— Он мне так и сказал. Ты, говорит, Зуев, к обеду будь... Глухов-то... К обеду, говорит... — бормотал Ларион, оглядываясь на мужиков, на Матвея, на Ивана.

Матвей весь поворотился к нему, чувствуя на себе многие глаза, и по особой тишине, и по выражению лиц понял, что люди ждут от него тех слов, которые единственно возможны, и что ошибиться сейчас ему никак нельзя.

— Поплывешь с ними, — сказал, будто обрезал, и отвернулся от моториста, чувствуя облегчение и доподлинно зная, что и все тут присутствующие тоже почувствовали облегчение.

Собрались и отчалили быстро. Молчаливо стояли на палубе, у правого борта, вглядываясь в далекий еще мыс, ждали увидеть дым и боялись одновременно. И увидели: над верховой тайгой Черного дыбился едва заметный сизый столб, расплывающийся в безветренном линиялом небе грязным облаком. Не говорили ни о чем, только смотрели.

Над тайгой висело заклятье. Каждый год в эту пору, в последние дни августа, когда на взгорьях жухла и становилась как порох высокая трава, когда каждый шаг отдавался треском пересохшего валежника и сверху небесом падала желтая хвоя, когда было по-осеннему сухо и проносились над тайгой сухие грозы, то здесь, то там стелились дымы.

Горело долго, до нудных, холодных дождей, и когда огонь умирал, оставляя после себя глубоко выгоревшую, мертвую землю да страшные, излизанные пни, зверь уходил из этих мест и долго не возвращался, пока гарь не зарастала мелким сосняком, сорными кустарниками.

Теперь вот горел Черный, и огонь подбирался к реликтовому кедрачу, самому большому кедрачу в заповеднике, самому населенному зверем и птицей месту, сытому, богатому. И люди еще не знали, как им придется там, понимали лишь, что нельзя допустить гибели кедрача.

Кедр — свят испокон. Эти люди помнили, как старики били по губам тех, кто курил поблизости от кедра.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда приторочили к бокам лошади две фляги с водой и пошли в гору. Тропа круто вела вверх, извиваясь между скал и оголенных корней сосен, вела в тайгу, в огонь.

Артем шел самым последним, вслед за лошадью. Посматривал, не ослабли ли веревки, крепящие фляги, в которых булькала озерная вода. Крутизна выбивала из сил не только людей. Бока лошади потемнели от пота, ее ноги срывались на камнях, оставляя серебристые царапины подков, и тогда Артем замирал, глядя на карабкающуюся лошадь.

«Сорвется — придавит или столкнет под обрыв», — думал он, прижимаясь к скалам, цепляясь за ветки маральника. Старался не смотреть по другую сторону тропы на далекую воду, но каждым нервом чувствовал гулкую пустоту.

Сердце бешено колотилось, ноги стали ватными. Он судорожно хватал ртом горячий воздух, надеясь, что товарищи остановятся передохнуть. Но те не останавливались.

Еще не видя пожара, не представляя, что это такое, по суровой молчаливости людей догадывался о тяжести случившегося. И еще подсознательно пришло понимание того, что надвигаются события серьезные, серьезнее тех, которые случались в его жизни, и что назревает в нем важный поворот, который может изменить всю его будущую жизнь, повернуть судьбу в ту сторону, о которой не думал.

Наконец, подъем кончился, тропа вывела на вершину. Здесь пахло гарью, впереди лежала горячая дымящаяся земля. Прошел низовой огонь, оставив на обгорелой, спекшейся земле белесый пепел хвои. Огню помешали скалы.

Шли дальше по тропе. Туго спрессованная, слегка опаленная сверху, она вилась в глубь тайги. С нее опасно было оступиться, по бокам — дымящийся дерн.

За спиной раздался омушительный треск. Артем инстинктивно обернулся. Шагах в тридцати поперек тропы лежала разломанная береза. Ее ветви отлетали далеко прочь, обнажив на сломх желтоватую древесину. Береста на расщелившемся стволе быстро сворачивалась и темнела. Из-под обугленных корней дерева вырывались едкие языки пламени.

Артем перехватил тревожный, прищуренный взгляд Ивана, тот остановился на миг и сразу пошел дальше. Артем ужаснулся: любое дерево с обожженными корнями могло рухнуть на тропу, на цепочку людей, и он опасно косился на ближние кроны: не качнется ли предсмертно одна из них.

Дышать становилось труднее. Прогорклый дым заволакивал тропу, клубился над землей. От него першило в горле, кружилась голова. Артем боялся, что долго не выдержит. Ему вдруг захотелось бросить все

и побежать назад. Но — впереди шел Иван. А впереди — опаснее. Наконец, копыта лошади зачавкали по заболоченной поляне. Мягкая зеленая травка казалась чудом среди золы и пепла. Дальше, на небольшой возвышенности, которую обступали скалы, шелестела сухая трава. Там и остановились.

— Так, — сказал Иван, прикидывая что-то. — Стригунов и Кугушев, останетесь здесь. Разжигайте костер, кипятите чай. А мы пойдем дальше, установим границы гари.

Сняли фляги с водой. Кугушев привязал лошадь к молодой лиственнице, стал сооружать костер. Артем ему помогал: забил суковатые колышки с развилками, вырубил перекладину, на которую нацепили ведро с водой.

Мужики сняли рюкзаки, сложили в кучу и ушли. Ушли беззвучно, как призраки, постепенно исчезая в дыму. Было страшно за них.

— Ну, вот что, — сказал Гаврила Афанасьевич, подкармливая костер хрустким сушняком. — Погляди, может лапнику наломаешь. Ночевать тут придется.

Артем обошел живой островок. На нем росли молодые лиственницы, и он нагибал ветки, ломал мягкие метелочки. Не обиделся, что лесник распорядился им, помощником лесничего. Это — ничего. У старика больше опыта, и он больше знает, что сейчас делать.

9.

Кобель принюхивался к следу, возбужденно фыркая. След зверя был свеж и горяч, сильно шибал в ноздри, щекотал их. Жесткая шерсть на загривке взбугрилась. Кобель глухо заворчал и обернулся к хозяину.

Человек к нему подходил спокойно, не обнаруживал охотничьего возбуждения. Он будто не видел, как напряжились мышцы собаки, готовой гнать зверя по приказному его взгляду, как наострились ее небольшие уши, нервно вздрагивающие от каждого шороха.

Коротко и негодующе взлаяв, собака стала рыть задними лапами землю, чтобы привлечь внимание сегодня такого странного, непонятливо-го хозяина. Из-под лап летели комочки земли и сухие стебельки трав.

Снисходительно усмехнувшись, Александр Тихонович склонился над тропой, придерживая ремень ружья на плече. Увидел на сыром черноземе ясный отпечаток медвежьей лапы: будто босой человек прошел, только подушечки пальцев круглее и впереди них виднелись царапины от длинных когтей.

Блекло-сизые глаза Клубкова глядели на след внимательно, по привычке определили возраст и вес медведя, но особого интереса не выказывали.

Бурые, крючковатые пальцы задумчиво теребили ремень ружья.

— Чернику жрал медведишко, — промолвил Александр Тихонович, оглядывая обочь тропы мятую, ободранную ботву черничника. Поймал собаку за шею, потрепал быстрыми пальцами.

— Пускай жир наедает. Он нам пока без надобности. Пускай до холодов погуляет. — И пошел вперед, следя за тропой. Человеческие следы его интересовали больше: на лесника бы не напороться.

Собака, не почувствовав азарта и заинтересованности хозяина в медведе, оставила след и побежала впереди, низко опустив морду к земле. Искала другие следы, которым хозяин может обрадоваться, и начнется охота, трудная и радостная, в которой весь смысл их существования.

Александр Тихонович шел медленно, будто прислушиваясь к самому себе. Рассеянно глядел на возбужденного Соболя, не радовался собачьей старательности. Пасмурно было на сердце, тревожно. Не шли из головы смутные думы. Вот ведь, как медведя обложили в собственном доме. Это его-то, Клубкова! Виданное ли дело!

Два дня был сам не свой Александр Тихонович после того, как уехал Иван с помощником, с пацаном этим, который чем-то приглянулся. Убедился уже — лихо придется, стал думать, как быть. Соболишек придется пустить в расход пары две—три, а может больше. Заранее не предугадаешь. Надо и копченой рыбкой подкормить кое-кого.

У него в Ключах были люди, которые если сами не имели большой власти, то около нее крутились и могли повлиять на ход тяжбы с заповедником.

Вот и пошел сегодня на заповедную сторону к рыбной реке Голубянке за хариусом, за ускучом. Жена накопит, навялит. Вяленого хариуса ключевские с пивом любят, копченого — с водкой.

Пойти-то пошел, но заняла в душе непонятная заноза, точит изнутри, тычется в самое сердце. Смурной день какой-то, сроду такого не видывал. Каждое дерево, каждый куст и травинка казались чужими, затаившимися в зловещем ожидании.

Да что же это такое? Откуда напасть свалилась? Горло перехватило, дышать не дает, в глазах стволы дwoятся, дрожат как в мареве. А Соболя? Глаза дикие...

— Соболя! — хрипло позвал хозяин, держась рукой за горло.

Соболь остановился, повернул голову. Точно: дикие глаза.

— Сюда, Соболя... — Александр Тихонович хлопнул по карману телогрейки. Его маленькие глаза были влажны и непонятны.

Незнакомые интонации и сонливая медлительность обычно властного, уверенного в себе человека насторожили пса. Соболь нехотя приблизился к хозяину, неуверенно шевельнул пушистым хвостом.

Откуда-то из неведомых уголков души поднялась эта неосознанная тревога, окутала разум зыбким страхом, спеленала по рукам и ногам.

Клубков затаился, ловил посторонние звуки, но тайга жила обычной жизнью. Над рябиновым кустом порхали сойки, склевывали красные уже ягоды. По корявому стволу ближней сосны торопливо карабкался бурундук: тоже осень чует, пора запасы делать. Пес внимательно следил за ним, но с места не двигался: не промысловый зверек, пустячный.

«Закурить, что ли...» Но тут же вспомнилось, что табаку забыл привезти. Кисет на кухонном столе оставил. Еще горше стало от забывчивости, казавшейся знаком нехорошим, идущим от беды.

Речка была уже близка, он слышал ее и шел быстрее, ожидая, когда она откроется. Голубянка показалась за кустарником. Она сильно шумела, перекачивалась по зеленым валунам, слепяще сверкала.

В этом месте каменистые берега, перевитые обнаженными корнями сосен, сужались. Из воды торчали размочаленные комли деревьев, вывернутые весенним паводком. Это был залом. Тут речка поднялась вровень с высокими берегами, образовав глубокую яму, в которую заходил хариус на нерест и держался до поздней осени.

Александр Тихонович спустился к воде, ступил на скользкий камень, держась за ветку маральника. Зачеркнул ладонью воды, омыл лицо. Холод, пришедший со снежников, ожег кожу, освежил. Полегчало. Он заглянул в зеленоватую жуть воды, увидел солнечные блики на далеком песчаном дне и темные тени.

Хлебнув воды, ушел с камня на берег, оглядывая молодой соснячок. Сосенки были одна к одной: высокие, прямые. Вырубил удилище, срезаемые ветки собрал и затолкал в гущу маральника. Размотал со спичечного коробка леску. На конце мохнатила «мошка» из медвежьей шерсти, которая скрывала остренький якорек. Мошка была рыжая, обсаленная, чтобы не тонула, скользила по поверхности.

Привязав к удилищу леску, взобрался на сухой камень недалеко от воды, в тени сосны. Сделал заброс на самую середину залома.

Вода подхватила «мошку», потащила сильным течением. Клубков, подрагивая удилищем, заставлял ее биться на середине: точь-в-точь упавшая неосторожная муха. На миг возле якорька, увитого шерстинками, мелькнул пронзительно-светлый бок рыбы, словно молния. И тотчас леску резко рвануло.

Александр Тихонович потянул выгибающееся удилище, выволок на камни хариуса. Подскочил, схватил рыбу, сдавил пальцами жабры, освобождая крючок. Далеко заглотила, пришлось вырвать. Хариус оказался приличным, грамм на семьсот. Малиновый плавник с фиолетовыми кружочками напоминал крыло бабочки.

«Хорошо начал», — радостно подумал Александр Тихонович, и все дурное, что омрачало его, ушло, растворилось в азарте. Он откинул рыбу подальше от воды на сухие, теплые камни, но хариус, резко выгибаясь, подпрыгивал, скользил к воде. Тогда Клубков хватил его о валун.

Рыба выгнулась, пуская кровавые пузыри из жабр, и затихла. Вытер руки о телогрейку, полез на свое место. И второй заброс оказался удачным. На берегу, разевая рот, трепыхался хариус поменьше. Добил и его.

«Они тут кишмя кишат», — мельтешило в голове.

Обычно Клубков вполголоса разговаривал сам с собой или с Соболем. Слова сами лезут на язык, и он им не препятствует — так веселее. Здесь же Клубков боялся говорить: недолго сглазить добычу.

Явно в масть угадал — шестую или седьмую рыбину выкидывал. А это уж не хариус, это ускучишка.

«Мошка» скоро совсем разлохматилась, на муху непохожа стала. В другом бы месте на нее уже ничего не поймал, а на Голубянке рыба шла, да еще как! Бросалась-таки, попадаясь то за глаз, то за брюхо, то за губу. Жор у хариуса, самое время ловить, благо конкурентов у Александра Тихоновича нет — заповедник.

Скоро на берегу светлела целая горка рыбин, а Клубков лишь в азарт входил. Подошла стайка крупняка, словно в очередь на крючок встала. Одна за другой на берег, в кучу. «Мошку» заменил новой, она побежала по течению, дразня рыбу ненастоящей своей жизнью. Ее с лету взял малиновый хариус, который потом бился на берегу, меняясь в цвете, изумленно разевал рот.

Александр Тихонович теперь осторожничал, не выволакивал рыбу на берег единым махом. У крупняка могла сторваться губа от собственной тяжести. Почувствовав, что добыча сидит прочно, Клубков выводил ее за леску к самому берегу, давал успокоиться и вдруг растопыренной пятерней ловко поддевал, переваливал на берег и уже двумя руками, мгновенно выпустив удилище, кидал в кучу. С детства привык к такому способу.

Валун из зеленоватого от лишайника стал красным — искровянился от рыб. Александр Тихонович даже подумал, что потом надо его смыть. Каждый раз склоняясь к куче, радовался: в самое времячко подгадал. Зря сомневался.

Руки устали держать удилище и мелко тряслись, в глазах мельтешило и все плыло, оттого что долго смотрел на быструю воду. Он даже качнулся, когда руки приняли сильнейший рывок. Не удержался, потерял равновесие от неожиданности. Машинально прыгнул с камня, но и прыгая, видел, как дугой выгнулось удилище, слышал, как взвизгнула натянутая леска. «Только бы леска выдержала», — подумал.

Сдал удилище назад, поймал леску — в ладони врезалась. Видно, порядочный ускуч взялся. Потянул к берегу. Рыба, сопротивляясь, была упруго. Клубков подступил к самой воде, наматывал леску на рукав телогрейки, сам смотрел вглубь.

Рыба медленно шла ко дну, взмучивая воду. Она показалась огром-

ной, около метра длиной, и Клубков вспотел от возбуждения и азарта. Рыба, увидев человека, рванулась вправо, влево, ударила хвостом, а Александр Тихонович все подтягивает, подтягивает. Уже возле самого берега рыба морда. Песок сквозь жабры гонит. Точно, ускуч!

И когда рыбак стал медленно подводить пятерню по скользкое брюхо ускуча, тот метнулся, ударил хвостом, так что брызги стеганули в разгоряченное лицо Клубкова, и тенью ушел в глубину вместе с оторванной «мошкой».

— За-ра-за! — громко выругался Клубков, и все черное напряжение выплеснулось в этом слове. Он долго смотрел в воду, будто надеялся, что рыба вернется. — Зараза, вот зараза! — бормотал он, освобождая побелевшие пальцы от лески.

Сел передохнуть. Азарт прошел.

— Больше пуда будет, — прикинул вслух, окидывая взглядом добычу, и плечи взныли, почувствовали на себе эту тяжесть. «Подико, выдюжу». — Достал из рюкзака полиэтиленовый мешочек с солью, брезентовый — под рыбу.

Вспарывая острым ножом рыбы животы, чутко слушал тайгу. Снова зашевелилось в нем чувство тоски и страха. Кончилась рыбалка, и вот они, будто за спиной дожидались. Изредка Клубков оборачивался на Соболя, лежащего на траве, но тот глядел лениво, ничто не настораживало его.

Вычистив внутренности и пересолив добычу, Александр Тихонович сложил ее в брезентовый мешок, а на мешок натянул рюкзак. Подергал за ляжки — не зря шел. Жаль только последнего ускуча.

Вымыл руки, счистил приставшую к ладоням чешую. В желудке скребся голод. Достал из бокового кармана краюху хлеба и кусок вяленой маралятины, завернутые Семеновной в белую тряпицу. Сытный дух пошел.

Кобель навострил уши.

— Соболю, сюда.

Пес подошел, облизываясь, сел в двух шагах. Не повизгивал, не елозил от нетерпения, как иные собаки. Просил есть достойно. Прямо и просто смотрел на еду. Знал: свое получит.

Клубков разломил хлеб надвое, положил на колени. Мясо разрезал ножом — тоже поровну. Часть мяса прижал к куску хлеба, протянул псу. Тот деликатно взял с ладони сначала мясо, проглотил с ходу, чтобы не задерживать хозяина, потянулся за хлебом. Хлеб отнес в сторону, на траву. Лег, зажав кусок между лап.

Клубков пожевал нежирные, отдающие печенью волокна мяса, вкуса не почувствовал. Опять тоска сдавила горло, не отпускала. Хлеб отдал собаке, с завистью наблюдал, как ел Соболю.

— Ну и денек, — сказал Александр Тихонович и, чтобы заглушить

тревогу, стал припоминать светлые дни, не из одних же бед жизнь складывалась. Но память рисовала ему то губастого Лариона, приезжавшего по директорскому наказу, то рысий прищур Ивана, родственничка, язвы его, и настроение вконец испортилось.

— Как бы в самом деле не прихватили меня тут, — проворчал Александр Тихонович, прислушиваясь к голосу, звучащему, как показало ему, странно, незнакомо.

Поднялся с камня, вскинул на плечи рюкзак, нацепил ружье на плечо. Огляделся — сплюнул с досады: удилище на берегу забыл. Сроду с ним такой забывчивости не случалось. Пришлось нагнуться, поднять удилище. Отломил кончик, смотал на него леску и в карман. Удилище запустил в кусты.

— Вроде бы все... А требуху воронье склюет. Кружит уж проклятое...

Вороны, чуя поживу, кружились над берегом, садились на верхушки сосен, ждали, когда человек уйдет.

Клубков вздохнул: «Ране-то ловить тут рыбку одно удовольствие было, а теперь как вор — нахватал мешок и деру». Еще вздохнул и стал карабкаться на обрывистый берег.

Отсюда шла тропка, но по ней идти не рискнул: с грузом следы глубоко вдавливаются, выдадут с головой, и он свернул на черничник. Трава распрямится, все скроет.

И вдруг нога провалилась в пустоту, ступню заклинило туго. Александр Тихонович дернулся вперед, услышал хруст в колене. «Вот оно!» — озарила жаркая мысль. На мгновение в рваном хороводе пронеслись вершины деревьев, которые склонились и легли набок. Мелькнул корявый ствол старой сосны, уже осветленный вечерним, низким солнцем. Заросли черничника жестко стегнули его по лицу.

10.

— Эй, парень, вставай, леший тебя дерит!

Артем приоткрыл глаза и сквозь тяжелые еще ресницы увидел над собой морщинистое, будто литое из бронзы, лицо.

— Хватай лопату, не слышишь, как лес-то пластает!

Только теперь Артем понял, отчего нависшее над ним лицо кажется бронзовым, отчего этот низкий гул и треск, который вошел в сон и стоял в ушах до самого пробуждения.

Он вскочил с хвойной подстилки, увидел меж стволов далекое красное зарево. Там ярко вспыхивало и трещало, будто работала согня газосварщиков, и перед сплошной гудящей стеной копошились неестественно маленькие и тонкие людские силуэты.

— Чё делается... Чё делается... — твердил Кугушев, суетливо со-

бирая в кучу заплечные мешки лесников. — Я это, проснулся, показалось, конь захрапел, а ветер уж огонь раздул. Ох, пластает! — Газрила Афанасьевич вдруг выпустил из рук чей-то рюкзак, схватил ведро, в котором плескалась вода, подскочил к Артему.

— Нагибайся!

— Зачем?

— Нагибайся, говорю! — и подняв ведро, окатил с головы до ног. Вода с ночи была холодная, у Артема полезли глаза на лоб, но раздумывать некогда. Ухватив лопату за черенок, спотыкаясь о вывороченные корневища и кочки, бежал к огню, чувствуя лицом недалекий жар. Бежал на силуэты размахивающих лопатами людей.

Люди стояли широкой цепью, направо и налево ворочая лопатами, били неистово, и их невозможно было отличить друг от друга, потому что лица прятали, заслонялись то рукавом, то полкой телогрейки.

Один обернулся. Это был Иван.

— Вставай сюда! Сбивай пламя, не пропускай! — и с размаху хлопнул почерневшим штыком лопаты по кусту жимолости, уже охваченному ярко-желтыми злыми язычками.

Огонь наступал, тесня людей, оставляя за собой полосу выжженной земли и обугленные подножия деревьев. И если его пропустить, он сожрет все, что встретит на пути. Вот он лижет траву у ног Артема, норовя перекинуться на низкие ветви молодой пихты.

— Нет, гад! — гаркнул Артем, давась жаром, и срезал пламя. Огонь под лопатой на миг исчез, но тут же возник снова, потянулся к ветвям упорно, неуступчиво. Артем ударил еще.

— Не дам пихту! Не дам! — хрипел он, видя, как от его одежды валит пар, чувствуя, как штормовка, высыхая, накаляется, как проникает жар сквозь кирзовые голенища сапог и припекает ноги. — Не дам! — наносил удары и ликовал, что огонь под лопатой растворяется в смолистом дыме.

Артем вдруг до боли понял всю нелепость, противоестественность гибели молодой пихты, и все его существо воспротивилось этому. К нему пришло вдруг неведомое раньше удалое отчаяние, от которого сердцу стало сладко и страшно.

Из-под лопаты летел легкий пепел и дым. Не видать огню пихты, лопатой его по рыжей голове. Плашмя! С придыхом! Ни травы, ни цветов, ни кустов ему! Плашмя!

Он работал средним в цепочке мужиков, краем глаза видел, как сгибают и разгибают они спины. Лица их были красны, словно у кузнецов; Артем подумал, что и у него такое же лицо и что у всех те же мысли, какие у него.

— Не отступлю... — шептал пересохшими губами, видя, как чахнет огонь под его ударами, как покачиваются над головой ветви пихты от

жаркого дыхания земли. Зеленые ветви! Живые! Это он, Артем, сохранил им цвет, жизнь.

— Постой, не машишь! — подскочил Гаврила Афанасьевич с полным ведром воды. Артем выхватил ведро. Он нестерпимо хотел пить, но прилипнуть спекшимися губами к краю ведра казалось непростительным грехом, кощунством.

Артем ступил сапогами в горячую золу, чтобы даром не пропала ни одна капля. Опрокинул ведро на подножие дерева, остужая обожженные корни.

Влажный жар и лепел ударили в лицо, он зажмурился и держал ведро перевернутым, чтобы даже капли пошли на пользу обгорелому дереву. Шипенье смолкло, черный ручей покатился вниз, вспенивая золу у кустов жимолости.

— Сгоришь, леший! — орал Гаврила Афанасьевич и тащил за полу штормовки назад.

— Лишь бы сапоги не сгорели! — смеялся Артем закопченным лицом, подпрыгивая, потому что подошвы уже дымились. Но ему все было нипочем. Неудержимая лихость захватила его и понесла, понесла.

Приплясывая, кинулся к Ивану, возле которого полыхал сухой маральник. С бегу взмахнул лопатой, стряхнул языки в траву, бешено топтался по ним, шурша раскаленной штормовкой.

Шиш-шиш-ши! — хлестали лопаты по кустам, сбивая мелкие горящие ветки. Вдвоем быстро задушили пламя и, когда маральник зачадил, мерцая искрами, Иван оперся на лопату.

Улыбнулся почерневшим лицом:

— Ничего, корни целые, переболеют.

— Весной оживут? — с надеждой спросил Артем.

Иван открыл рот, но ответить не успел. Выше, где без передышки махал лопатой Анисим, вдруг полыхнуло, тугая волна горячего воздуха шибанула в лицо. Анисим отскочил, согнулся, будто переламывался пополам, и, не разгибаясь, боком скатился вниз, потирая лицо ладонью.

Артем увидел рядом красные, сумасшедшие глаза Анисима без бровей и ресниц и, когда тот убрал руку с подбородка, насилу его узнал, странным казалось лицо Анисима без бороды. Вместо нее свисали грязные, обожженные клочки. Широко разевая рот, Анисим показывал ружью на вспыхнувшие пихты.

Иван остекленевшими глазами посмотрел на Спирина и, путаясь ногами в высокой траве, полез вверх, на пригорок. Анисим и Артем карабкались за ним.

Сбоку гудел низовой пал, подгоняемый горячим ветром. Печным поддувалом гудела сухая трава. В густоте пихтача с треском занялись заросли малинника. Пламя было нестерпимо ярким даже в утреннем свете.

До Артема дошло, что они отрезаны и от кордона, и от места ночевки огненной стенкой и, если эта стенка будет теснить их и дальше, то бежать придется к скалистому озерному берегу, где еще неизвестно, есть ли спуск к воде. Но эта мысль сразу забылась. Он карабкался вверх, вдоль пала, вдоль пихтача, точно зная, что деревья, мимо которых он бежит, сгорят, потому что просеку рубить будут выше.

Иван остановился, смотрел вниз, на ползущий огонь, рассчитывал: сумеют ли здесь прорубить или подняться выше. Он прикидывал, а Анисим махал рукой вверх, советовал подняться еще.

Иван отрицательно помотал головой. Ему жаль было отдавать огню большой клин леса, и, вытянув из-за пояса легкий охотничий топорик, одним ударом снял с корня пихточку, отбросил в сторону, принялся за другую.

— Рубите перешеек! — приказал Анисиму и Артему. — Тут всего метров десять. Успеем. — Лезвие топора так и сверкало.

Анисим, как медведь, врезался в бурелом — треск стоял. Топор у него оказался большой, с длинным топоричем, будто косил молодой лесок. Артем тоже подскочил, ударил пихту лопатой, но лишь рассек кожу, под ней блеснули прозрачные слезинки живицы. Ударил другой раз, третий и, обозясь, навалился на деревце всем телом. Потом, сообразив, что лопатой ничего не сделать, отбросил ее, принялся оттаскивать деревья, срубленные Анисимом и Иваном.

— Давай! Давай! — ревел Иван, топором и сапогами расчищая просеку. — А то нас тут прижмет!

— Бесполезно! — срывающимся голосом крикнул Артем, выскакивая на чистое место, расширившимися глазами глядя на близкий пал. На штормовку летели искры.

— Таскай! — рявкнул Иван, не оборачиваясь.

Гул огня резко наплывал. Густой, удушливый дым окутал перешеек, людей в нем не было видно, только неслись сочные врубы топоров. Из дыма вылетали срубленные пихты.

— Руби, руби! — твердил Иван из густоты дыма, отшвыривая искореженные тонкие стволы, но огонь — уже рядом.

«Надо было выше подняться», — думал Артем, пробиваясь к Ивану. Но когда он сунулся в просеку, клубы синего дыма осветились изнутри: на вершину дерева, которое собрался рубить Анисим, прилетела горящая ветка.

— Все... — выдохнул Иван отрешенно. — Сейчас верховой пойдет. Поташил Артема на поляну.

— Анисим! — позвал уже с поляны.

— Анисим! — пронзительно крикнул и Артем.

Но тот не отзывался, а может, и отзывался, да не было слышно в сплошном гуле, от которого дрожал воздух.

Иван вдруг бросился и растаял в дыму. У Артема сжалось сердце. Однако спина лесничего тут же показалась, он волок Анисима по траве, подхватив руками под мышки. Артем подскочил, помог. Вдвоем уволок Спирина на поляну. Анисим слабо сопротивлялся. Лицо посинело.

— Задохся было... — прохрипел он и улыбнулся вымученно, распухшими губами.

— Идти можешь? — в самое ухо прокричал Иван.

— Поди, могу... — Анисима подняли. Он пошатывался. Телогрейка во многих местах прогорела, дымилась вата.

А пихтач уже пластал единым пламенем. Вот он, верховой, самый страшный пал, от которого не уйти ни птице, ни зверю. Все трое неотрывно глядели на желтый дым, окутавший перешеек, словно чего-то ждали. Хвоя пропыхала быстро, чадили стволы деревьев.

Иван, еще не веря в случившееся, уставился на Анисима.

— Неужели успели?

— Кажись, — ответил тот.

И тут они услышали прерывистый, тархтящий звук. Он падал сверху, из облаков. Над поляной пронесся вертолет. Странно было видеть его здесь. Все трое, задрав головы, следили, как машина обходила кромку горящего леса.

Иван поднял над головой закопченные кулаки, весело скалился. Но вертолет потерялся за деревьями, держа путь к кедрачу.

— Анисим, — приказал Иван, — жми на кордон, скажи, чтобы мужики поднимались с той стороны хребта и возле кедрача сделали еще одну просеку. Для гарантии.

Анисим огляделся.

— Я по скалам спущусь.

— Давай!

Страшная усталость сковала Артема. Хотелось лечь и лежать долго-долго, ни о чем не думать. Удивился он тому, что, пока тушили огонь, усталости не чувствовал, а тут сразу, стоило опустить руки... Иван тоже тяжело дышал, веки покраснели и набухли. Пошатывался.

Верховой пал они остановили, но трава горела, огонь по-прежнему двигался на них, тянулся к сапогам. И не было сил тушить его. Они пятились, лениво смотрели, как сворачивается и темнеет трава.

— Надо уходить, — сказал Иван. — Задохнемся, да и стоять тут бесполезно: впереди — камни. Они остановят пал.

— А пихтач?

— Там до верхового не дойдет. Просека заглушила. Мы ведь вырубили дерн.

Иван закашлялся и пошел к берегу нетвердым шагом, поволакивая резиновыми сапогами больше обычного. Шел по еще живой траве, по поздним белым цветам, которым быть пеплом. Артем вслед за ним во-

лочил лопату. Глаза слезились, протирал их воротником рубашки. А когда протер, увидел, что Иван идет навстречу ему.

— Конь остался, — закашлялся Иван.

— Его мужики увели.

— По огню?

— По тропе увели, — настаивал Артем, с омерзением замечая, как бегают его глаза по сторонам.

— А если нет? Ты же видел, что оттуда верховой шел. Мужики на берег скатились. Это — точно.

Артем опустил голову. Ногам не стоялось на месте. Хотелось бежать. Куда угодно и сколько угодно, но только бежать, не стоять среди удушья и страха.

— Ладно, — лесничий резко махнул рукой. — Давай к берегу!

— А ты?

— Я к коню.

— Не надо! — Артем схватил Ивана за рукав. — Увели ведь коня, увели! Слышишь!

Иван боком от него отстранился и побежал, прикрыв рукавом рот. Артем в оцепенении смотрел на него и вдруг тоже побежал за лесничим, туда, где желтая, горячая волна пожирала сухую траву.

Иван прыгнул через огонь и растворился в дыму.

«Конец», — подумал Артем. Зажмурился. Боком махнул через огонь, поджав на лету ноги. Когда открыл глаза, увидел впереди нечеткий силуэт бегущего Ивана. Тот на ходу оглядывался, орал, махал рукой. Артем, догнав, прыгал через пни, сапоги проваливались в кипящую золу, тошнота спазмами сжимала горло, в глазахплыли оранжевые круги.

Но огонь был позади. Здесь горячий ветер ворошил пепел, взвихривал над обугленными стволами. Корни деревьев горели едким, чадящим пламенем, и любое из них могло упасть, похоронить в пепле. Это — самое страшное.

Уже обессиленные, Иван и Артем петляли среди мертвых деревьев. «Лишь бы не задохнуться, лишь бы не упасть», — мельтешило в голове у Артема, и он старался не терять из виду спину лесничего.

Иван остановился, прислушался и полез на скалистый пригорок.

Артем изнемогал. Стволы перед ним качались. Колени подогнулись, и он упал. Но тотчас вскочил, почувствовав сильный ожог, а земля снова клонила его к себе. С трудом держал равновесие. Стоял и качался, слепо шарил руками по сторонам, ища опоры.

— Ты что? — подскочил Иван. — Сдохнуть хочешь? — потащил за полу штормовки в скальную расщелину. Скалы были горячи, мох на них высох, потемнел, напоминал табак.

— Давай, давай, болото не помнишь? Оно за пригорком!

Кое-как влезли на пригорок, увидели бывший костер, возле которого торчали два суковатых колышка. На лапнике, уже высохшем, пожелтевшем, валялась пустая фляга. В кустах билась лошадь. Она шарахнулась к людям, храпела, дико кося глазами.

Иван поймал конец веревки.

— По скалам ее не спустишь. Плохой скалолаз, — облизнул он распухшие губы, повел лошадь вниз, к болотцу. Зачавкала под копытами изумрудная травка, казавшаяся такой неправдоподобной, словно из другого мира.

Иван отпустил веревку, лошадь ткнулась мордой между кочек, шумно тянула ноздрями — искала воду.

Оба сели на кочки, Артем погрузил руки в траву, вдавил их во влажную землю, грязью потер лицо. Кожу защипало.

— Ветер переменялся, — сказал Иван. — Видишь, дым обратно пошел. Кончается северянка.

Артем не реагировал. Пристраивался лечь.

— Со всех сторон — гарь. Понял? Сдохнуть можем. — Лесничий внимательно рассматривал своего помощника: лицо в ожогах, под глазами сине от удушья. — Я говорил — спускайся. Зачем пошел? С меня, понятно, спрос и за лошадь, и за все. А ты?

— Не знаю, — прошептал Артем, лежа в траве. — Пошел и все.

11.

Катер приближался к Полуденному по легкой, искрящейся воде. Артем вглядывался в размытый расстоянием берег. Но прежде, чем различил крыши домов, почувствовал едва уловимый запах дыма. Это был не тот тяжелый дым гари, который душил его в тайге. От Полуденного тянуло уютным, сладковатым дымком печей.

Вспомнил свои ромашковые шторы на окнах, Норда, скрипучее крыльцо, вспомнил то состояние покоя, которое он всегда испытывал в своем доме, и радостно стало от возвращения.

Наверное, те же чувства испытывали люди, стоящие возле него. Они жадно смотрели на берег, узнавали с детства родное и знакомое, возбужденно переговаривались между собой и поминутно курили. И Ларион, уловив это общее состояние, вдруг высунулся в открытую дверь рулевой рубки, подмигнул мужикам и крутанул сирену.

Пронзительный, будоражащий душу вой взвился над заливом, полетел к берегу, и там стали заметны черные точки людей. Они стекались к причалу и там замирали. Артем вспомнил Риту. Сердце дрогнуло и заторопилось.

Ларион нахлобучил морскую фуражку, до этого висевшую на крючке за спиной, и лихо причалил.

Мужики на берег ступали покачиваясь. Виновато улыбались, когда жены подходили к ним. Соскучились, слов нет, да только неловко на людях нежность показывать. Нежность глаз не любит.

Когда Вера, смущенная, в широком платье, прикрывая уже заметный живот, прижалась мокрым лицом к груди Матвея, он, большой, грубоватый, только легонько погладил ее по плечу и тоже засмутился.

Иван старался на берег не смотреть, деловито ходил по палубе, собирая в кучу закопченные ведра, топоры и лопаты. Он давно отметил, что Тамары среди встречающих не было, значит, еще здится.

Артем принялся помогать Ивану, чтобы не оставлять его одного. Таскал в носовую часть катера хозяйственный инвентарь, зная, что с этим можно не торопиться: никуда ведра и лопаты не убегут, никто их не украдет.

— А тебя, кажись, встречают, — шепнул Иван.

Артем повернулся к людям и увидел Риту. Она была в своем сером вязаном платье, выжидательно смотрела на палубу.

— Ты иди, — сказал Иван. — Барахло я сам соберу.

— Да ладно... — смутился Артем.

— Давай, давай, мне тут еще долго.

Артем протопал сапогами по гулкой палубе, ступил на трап.

Небрежно бросив рюкзак за спину, покачиваясь по-мужицки с плеча на плечо, шел в праздничной толпе. Сапоги вдавливал в песок прочно и ноги расставлял шире обычного.

Так же уверенно приблизился к Рите, сказал:

— Здравствуй.

Рита перехватила многозначительные улыбки женщин, заалела, в серых глазах отразился испуг. Тихая ласковость, которая до этого светила на ее лице, затенилась.

— С возвращением, — ответила она просто и поглядела на щеку. — Что это у тебя?

— Головешка отлетела, — небрежно отмахнулся он и медленно пошел от причала, не сводя с Риты взгляда, понимая, что и она тоже пойдет, потому что кого приходила встречать — встретила.

Рита и в самом деле неуверенно качнулась, но пошла.

Артем подумал, что она стесняется женщин, возможно, не уверена в нем. Ведь он так смело подошел к ней и так откровенны были его глаза. И все поняли: это — серьезно. При людях сделать такой шаг — не просто. Надо заранее все обдумать и решить. Ведь молва пойдет сразу.

— Тебе больно? — спросила Рита.

— Полечи парня, — смеялся Ларион, которого тащила за рукав худенькая жена. — Бабья рука аккуратнее перевяжет. Враз заживет.

— И перевяжу, если надо. Тебя не спрошу, — не растерялась Рита.

Они медленно шли широкой тропой к домам, будто хотели удлинить короткий путь до перекрестка, где он пойдет к своему дому, она к своему.

— Хорошо, что ты меня встретила, — улыбнулся он.

— А ты хотел этого? — голос ее был задумчив.

— Конечно.

— Почему? — Рита опустила голову, шелестела туфелькой по сухой траве обочь тропы.

— Просто хотел и все.

— А тебе письмо из дома, — вспомнила Рита. — Я тебе его на стол положила.

— Спасибо. А почему всего одно? Где другое?

— Какое другое?

— А помнишь, ты обещала нежное, нежное?

— Я шутила... — подняла голову и новыми глазами осмотрела Артема. Переменился парень. Повзрослел или огрубел, сразу не разберешь. Но этот налет грубоватости ему идет, не портит, как других мужчин.

— А я думал — серьезно, — нарочито вздохнул Артем. — Какие еще новости в Полуденном?

— Самая главная, чуть не забыла: генерал приехал.

— Какой генерал? — Артем даже остановился.

— Обыкновенный генерал. Из Москвы. Прохотиться тут хочет. Он у директора остановился, — оживилась Рита.

— Еропла-ан... — сказал Артем, но тут же забыл о генерале, потому что они стояли на перекрестке и пора было расходиться.

— Артем, — проговорила Рита, помолчав, — ты приходи вечером, как стемнеет, к той лодке. Помнишь?

Артем радостно кивнул и тут же подумал, что всегда называла Артюша, а тут — Артем, и имя в ее устах прозвучало отчужденно. Этому удивился. Он хотел увидеть ее глаза, чтобы прочесть в них то, чего не выразила словами, но Рита уже шла по улице, гордо неся свою грациозную, аккуратную голову.

— Ну, пропал парень, — зычно ввернул Матвей, проходя мимо под руку с Верой.

— И правильно! — громко, чтобы все слышали, отозвалась та. — Чего такому парню холостому ходить. Мужики нельзя без заботы. — И еще крепче уцепилась за мужа. Маленькая, простенькая, счастливая.

Следом за ними шел Глухов, веселый, праздничный, как всегда одетый изящно и строго. Он громко разговаривал с лесниками, приветливо им улыбался всем лицом и блестящей лысиной. Одобрительно похлопал Артема по плечу:

— Молодцом, молодцом!

Материно письмо лежало на краешке стола. Разорвал конверт, пробежал глазами строки, сел на кровать, стал читать по порядку. Письмо

как письмо. Мать беспокоилась, корила, что редко пишет. Просила бегать себя, реже плавать на моторке, потому что слышала: на озере часто тонут.

Положил письмо на кровать, закурил, шагая по комнате из угла в угол, думал. Он, конечно, напишет матери, что у него все в порядке. Здесь ему нравится, а работа совсем не опасная. И он бережет себя, лишь изредка катается на лодке возле берега.

«Пусть это будет ложь, но она необходима», — размышлял он. Береги себя... Как он мог беречься, когда горел живой лес, когда люди, не дорожа собой, лезли в самое пекло.

Матвей приехал со вторым рейсом на «Дозоре». Он пошел с лесниками нижних кордонов рубить в пихтаче просеку. Он шел кромкой горящего леса не с нижней стороны, где были Иван и он, Артем, а верхом. И там его придавило верхушкой горячей пихты. Штормовка на главном лесничем вспыхнула. Катаясь по траве, Матвей потушил пламя и, хотя был весь в ожогах, не вернулся на кордон, стерег кедров.

Сберегли кедров, а могли не сберечь. Запросто. Стихия есть стихия. Когда директор привез помощь из Ключей — рабочих леспромхоза, тем осталось заглушить тлеющие колоды. А они с Иваном? Вспомнил слон едкого дыма, который ворочался над болотом, сумасшедший треск огня, ошалелое ржанье лошади, которая их чуть не затоптала.

Он помнил, как вертолет Лукашова повис над болотом, как в открытую дверцу летнаб махал рукой и как они отказались, надеясь, что пал скоро кончится и по остывающей земле уведут лошадь на кордон.

Но пал не кончился, и ветер не уносил дыма. Они уже не помнили, когда Лукашов прилетел еще, и уже из рассказов лесников знали, с каким риском летнаб посадил в болото свою маленькую машину, не глуша двигатель, чтобы лопасти винта отбрасывали в стороны летящие сверху огненные ветви.

Лукашов сам втащил их в вертолет, потому что они были без сознания. Колеса завязли в обманчивой зелени болота, вертолет был перегружен и взлетел с большим трудом. Их положили на сухой песок у озера. Лица посинели, как у мертвецов, мужики долго приводили их в чувство.

Смерть рядом вертелась, уже, считай, за шиворот держала. А лошадь все равно погибла. Но странное дело, Артем почему-то не жалел, что пошел вместе с Иваном.

Рита уже сидела на старом месте, поджидала его. Она пришла в темной кофте, в которой ее еще ни разу не видел и сначала не узнал. Поскрипывая галькой, подошел к лодке, долго всматривался в белеющее лицо.

— Здравствуй еще раз, — прошептал радостно и сел рядом.

Рита не ответила, молчала, не глядя на него, будто его тут вовсе нету.

Артем заглянул ей в лицо. Она опустила голову. Ему почудилось, что на ее глазах — слезы.

— Ты что? — испугался он.

Рита не ответила. И он чувствовал, как вздрагивают ее плечи. Растерялся Артем, стал соображать. Припомнил многозначительные улыбки женщин, подмигивания мужиков. Пошла молва по Полуденному, теперь не остановишь ее. Сосватали. Повинил себя перед ней, что как к невесте подошел к ней на берегу. Он — мужик, с него как с гуся вода, а ей как? Разговоры, намеки, сплетни пойдут.

Пожалел ее Артем, хотел обнять, но Рита не далась, и он, положив руки на колени, слушал, как ворочалось озеро в темноте, никак не засыпало, словно еще не успело сделать нечто важное, без чего не успокоиться.

И он вспомнил, как говорил ему Иван: «Зимой тут — ад». Не только Иван, многие рассказывали, что северянка дует днями, неделями. Так раскачает, взбудоражит озеро, что оно и после затихания ветра долго не может успокоиться. И Рите, женщине, страшно одной коротать долгие, лютые зимние ночи. Ему все-таки легче.

А почему легче? Он и дров заготовит, напилит, наколет и в Ключи на моторке за продуктами съездит, привезет то, что зимой потребуется. Разумеется, заповедник не оставит Риту, выделит дров, продуктов даст. Но одно дело, когда дают то, что есть, другое — когда сам выбираешь.

Чуть что — в лодку и пошел в районные магазины, а она не съездит. Если и приспичит, жди попутного рейса, договаривайся с Ларионом, сули бутылку.

И даже не в дровах, не в продуктах дело. Почему вон тот же Ларион, кажется, и не просыхает, а жена цепко за него держится? Потому что — мужик. И поскандалит, и покуражится, а все равно без него — никак. Он в доме, пусть не всегда трезвая, но — голова. Любой дом мужиком держится.

И уже не осторожно, не тайком, а уверенно обнял Артем Риту, поднял ладонью подбородок, уже уверенный, что она не оттолкнет, не противится, потому что в душе его созрело что-то крепкое, устойчивое.

— Давай поженимся, — выпалил он вдруг. Слова произнеслись как бы сами собой, помимо его воли, но Артема тут же осенило: нет, не случайно они вылетели, а лишь выразили то, что в нем давно назревало.

Рита подняла на него мокрые глаза и глядела долго, изучающе. Она не убрала его рук, только медленно, как бы в раздумье, отрицательно покачала головой.

— Я не нравлюсь тебе?

— Знаешь, Артем... Я хотела сказать, что нам... — она запнулась. — Ну, в общем, я больше не приду к тебе.

— Почему? — даже опешил.
— Так будет лучше.
— Кому лучше?
— И тебе, и мне.
— Ради этого ты и позвала меня сюда?
— Ради этого. — Рита поднялась, вылезла, качнув лодку, пошла от берега, ее кофта сливалась с тьмой.

Артем закурил, нервно затягиваясь сигаретой. Шорох шагов растаял. Немного погодя, пошел к Ритину дому. Постучал в темное окно. Скрипнула дверь.

— Ты что? — холодно спросила она.
— Извини, но мы недоговорили, — сказал грубовато.
— Зря пришел, — вздохнула и села на ступеньки крыльца.
— Объясни, я уйду.
— Ничего у нас не получится. Я ведь не девочка, все понимаю. Поживешь и уедешь, а я останусь. Не умею жить с оглядкой. Так что лучше — не надо. Иди...

— Ну, если гонишь...
— А какой смысл встречаться? Замуж за тебя нельзя. Ты еще сам не определился. А если просто так, с кем другим — не знаю, с тобой — нет.

— Ну что же, давай с кем другим, — сказал жестко. И — ушел.

Ларион так и сяк пристраивался у двери, заглядывая в узкую щель. Ничего не увидел. Покрутился у окна — бесполезно: занавешено изнутри шторами. Стал влезать на подоконник, уронил в пыль свою мичманку.

— Живой он там? — спрашивали мужики, которых собралось порядком возле клуба.

— Кажись, живой. Слышать, как половицы скрипят, — ухмыльнулся Ларион, очищая рукавом белой рубашки тулью фуражки.

Артем, тоже одетый празднично, так как выставка — событие для полуденцев, прогуливался по берегу, вороша ботинками точеную гальку. Посматривал в сторону толпы. Хотел увидеть Риту. Он услышал скрип гальки. Навстречу шел высокий, пожилой мужчина. «Генерал», — сообразил Артем, хотя тот был в сером штатском костюме.

Мужчина остановился, приветливо поглядел на Артема. Поздоровался.

— Хорошо тут у вас, — сказал он и посмотрел на размытую дымкой озерную даль.

Они вместе пошли к клубу. И вовремя. Анисим уже распахнул дверь, смущенно улыбаясь.

— Билет надо куплять или бутылку? — спросил Ларион.

— Тебя-то без бутылки пуцц. Где тебе, лишенцу, ее взять?

Люди заходили в зал осторожно, несмело приближались к картинам. Генерал остановился напротив крупного полотна, чуть откинув голову назад, всматривался. Артем встал позади него. На картонной табличке прочитал: «Рев».

Да, это был рев. Крупный марал с ветвистыми рогами, зрелый и сильный, вытянув шею, приоткрыл в крике рот. Под скалой, на которой он стоял, желтели березы. Осень...

Но и березки, и скалы, и темная зелень лиственниц были сознательно размыты художником, чтобы внимание сосредоточить на марале, который выписан был до мельчайших подробностей.

Генерал обернулся. Ему хотелось с кем-то поделиться мыслями.

Приметил Артема, улыбнулся.

— Безусловно, очень способный человек!

Артем медленно двигался вдоль стены, рассматривая картины поменьше. Здесь были и весенний растрепанный медведь, только вылезший из берлоги, и мышкующая на заснеженной поляне лисица, и много другой живности, обитающей в приозерной тайге. Все звери и птицы жили своей жизнью, не позируя, не обращая внимания на зрителей.

Народ все прибывал. Тесно и шумно стало. Артем двинулся к широкому полотну, возле которого стояли Иван с Тамарой. Оба сосредоточенные, слишком серьезные.

Это — центральная картина, самая крупная по размеру. Озеро написано было могучим и суровым. «Северянка» двигалась на зрителя. Артем даже поежился и вдруг увидел Риту. Она стояла к нему спиной, глядела на картину.

Артем протиснулся поближе. «Обернись», — приказал мысленно. И Рита обернулась. Удивленно векинула глаза, губы дрогнули. Выбралась из толпы и ушла.

12.

Иван сидел хмурый, обхватив виски ладонями. Скоро начинался осенний учет зверя по заповеднику, и он должен подготовить инструкции для лесников и обходчиков, составить план учета. Дел было много, но работа на ум не шла. Только что у них с Тамарой произошел крутой разговор, и Иван заново пережил его, разматывал с невидимого клубка слово за словом.

В это время к нему заглянула Рита.

— Тебя Дмитрий Иванович просит.

Иван захватил с собой шкурки соболей.

Глухов в кабинете один. Он пригласил Ивана сесть, пересел с ним рядом на диван, чему лесничий очень удивился.

— Ну, как будем дальше? — спросил Глухов.

— Что дальше? — Иван сделал вид, что не понял.

— Как существовать дальше будем? — уточнил Глухов, внимательно рассматривая лесничего.

Иван пожал плечами.

— Сколько мы ни работаем, а общего языка не нашли. Если не найдем, нам придется расстаться.

— Я, Дмитрий Иванович, тут родился, и меня не так просто будет выкурить, — дрогнувшим голосом сказал Иван.

— Место рождения еще ни о чем не говорит, — нахмурился директор. Он все разглядывал собеседника в упор, и его синие глаза были ясны, спокойны, властны. — Вы — человек взрослый. Поймите сами: заповедник еще молодой, мне очень трудно налаживать дело, а вы, лесничий, вместо того, чтобы помогать, мешаете. Восстанавливаете против меня людей. Сами скажите: как я должен поступить в данной ситуации?

— Это ваше дело.

— Я долго присматривался к вам... — директор задумался. — И решил, что вы человек умный. Тайгу знаете, могли быть очень нужным заповеднику. Собственно, поэтому терплю вас.

Глухов подошел к дивану, снова сел.

— Есть у меня для вас серьезное поручение, а сомневаюсь: давать или не давать. Боюсь, снова не поймете. Рискну, пожалуй. Так вот: у нас в Полуденном гостит генерал. Боевой генерал, человек заслуженный.

— Слышал, — кивнул Иван.

— Приехал он к нам с письмом из управления. Нас просят дать товарищу отдохнуть. Скоро ему уезжать, и он бы хотел напоследок поохотиться.

— Ясно, — качнул головой Иван.

— Мы подумали и решили: пусть старик потешится. Убьет марала — не велика потеря для заповедника.

— Конечно, Дмитрий Иванович, для такого человека не жалко, но как мужики на это посмотрят?

— А при чем тут мужики?

— Как при чем?

— А вот так: при чем тут они? Я — директор, выписываю разрешение на отстрел марала для научных целей. Генерал его убивает — и дело с концом. Вам я предлагаю быть дударем у генерала. Мясо, думаю, старику не надо. Шкуру да рога возьмет, остальное нам.

— Скользкое дело...

— Нисколько — все будет законно. Ну как, согласны?

— А если нет?

— Я бы желал, чтобы вы согласились.

— Почему обязательно я? Вот Анисим отличный дударь.

— Хочу вас, — упрямо сказал директор, и в его льдистых глазах затвердела решительность. — Я забыл сказать: генерал обещал нам самоходный военный понтон. Конечно, не новый, но для перевозки продуктов, бензина и прочего — очень нам сгодится. Поймите верно: марал ни при чем. Он обещал от чистого сердца, а я в знак благодарности, что ли.

— Да, — покачал головой Иван. — Это бы хорошо. — Он вспомнил, с каким трудом на неприспособленном «Дозоре» возили они продукты из Ключей. Да и много ли на катер погрузишь? Ну, десяток ящиков, две-три бочки с бензином — и пошел. А осенняя волна зла. Того и гляди, послетают ящики в воду. Одно мученье. Понтон бы, конечно, лучше. На него и цистерну приспособить можно.

— Ладно, согласен.

— Я всегда верил, мы найдем общий язык, — искренне обрадовался Глухов и уже приветливо смотрел на Ивана. Подошел к карте, ткнул тонким пальцем.

— Мы с главным лесничим советовались по этому поводу. Решили дело повернуть на кордоне Кугушева.

— Там же гарь.

— В противоположной стороне. Там и переночевать можно и вообще, по-моему, Кугушев — приветливый человек. Как?

— Да, конечно.

Иван написал докладную о соболях, директор прочитал ее, положил в стол и проводил его до дверей.

Иван вышел на улицу — задумался. Пока он сидел у Глухова, прошел слабенький дождь. Опустошенные тучки разрозненно висели над селом, понемногу рассасывались. В полыньях между ними бледно-голубые осколки неба. По омытой вязкой травке к озеру бежали гуси, суматошно крича и размахивая крыльями.

От разговора с директором остался неприятный осадок на душе: «Уломал-таки дурака», — неприязненно думал о Глухове. Он и сам еще разобраться не мог, правильно или неправильно поступил, что согласился дударить на охоте.

С одной стороны, вроде ничего в этом страшного нет: пусть генерал убьет марала для «научных целей», человек заслуженный, воевал за народ, неужели для такого человека марала жалеть?

С другой... И скребло в сердце неосознанное сопротивление.

13.

Полные дни Александр Тихонович проводил сидя на бревнах, отрешенно глядел на озеро, почти не разговаривал, все молчком, будто вместе с ногой и язык отнялся.

Раиса Семеновна и жалела мужа, и кляла свою судьбу. Как вышла

за него шестнадцати лет, как привез ее сюда, на Щучий, с тех пор словно раба заколдованная. День-деньской занята. Ни субботы тебе, ни воскресенья красного: то корова, то куры, то утки, коих пробовали разводить, да таймени и щуки перетаскали; то онять свиньи — так и гляди за ними, как бы дом или сарай не подрыли окаянные.

За всеми ухаживай, успевай, Райка, да на мужика посматривай: не обдырявился ли в своей тайге. А потом две девки народились. Снова заботы.

Когда приплыла с Сашкой в эту окаянную глухомань, он еще хвастал: «Гляди, вот она, волюшка-то. Никаких тебе заплотов, не от кого отмежеваться. Все тут наше: и лес, и покос, и река».

Заскучала, было, молодая жена без подруг и знакомых, а Сашка уж тут как тут: «А на что тебе люди? Люди — они свидетели, от них одно беспокойство». Потом ей скучать стало некогда. С утра до ночи оба отдыха не знали, хозяйство сколачивали да деньги копили.

Сашка из тайги не вылазил. Пушнину заготовителям сдавал редко, и то захудалую. Хорошую сплавлял по дорогой цене бойким людям. Ночной порой маралов валил, мясо оптом сбывал ключевским спекулянтам, которые наловчились торговать в городе, где цены — втрое.

А она, Раиса? Масло сбывала, рыбу коптила и тоже — на продажу. Кому все это достанется? Замужним дочерям? А они-то давно как чужие. А толку? От Клубковского рода и фамилии не останется.

Как-то поплыла в Полуденное за солью. Зашла в магазин. Там бабы тараторили. Увидели ее, умолкли, глаза таращат, будто не человек, а медведь в магазин зашел.

Позавидовала бабам. Пусть живут победнее, зато веселее. Есть к кому пойти, есть с кем словом перекинуться о своем бытье, пожаловаться или похвастать. Раисины же радости и горести никто не узнает, никто не посочувствует. Она тут чужая, непонятная никому. Вот так и старость подползет за саботами, оглянуться не успеешь.

А тут вдруг захотелось ей на себя со стороны взглянуть. Баба все-таки. Бабе всегда интересно, какова она. Много уж в зеркало не гляделась. Не перед кем. Мужик все бывало в тайге, а корова и без красы молоко даст.

Нашла обломок зеркала за умывальником. Мужнин. Бреется перед ним изредка. Зеркало запылилось, Раиса Семеновнадохнула на него и потеряла рукавом кофты.

На нее глянула нестарая еще женщина с загорелым лицом. Губы жесткие, редко целовал их муж. «Ничего, еще справная», — подумала успокоенно. Только под глазами, еще не потухшими, морщинки обозначились.

Решительно дрогнули губы. Она побежала в кладовку, достала мешок с соболями, принесла в избу. Вынула пару самых дорогих, накинула

на плечи. Ух, какая! Даже сама смутилась, увидев в зеркале статную женщину со здоровой, золотистой кожей в обрамлении искрящихся соболей, нежно ее греющих.

Пальтишко бы подходящее купить, пришить к нему шкурки да пройтись по городу этак важно, по-лебединому. Все бы встречные мужики глаза тарачили. Вот взять оставить эту пару ей на пальто. А что, лицом не подходит? Покачала головой. И лицом подходит и заслужила, да куда она в соболях выйдет, на берег разве? А кто ее увидит на берегу-то? Никто не увидит. Пусто на берегу, одни камни...

А Клубкову тоже вспомнилось прошлое. Задумал жениться: на кого хозяйство оставишь, идя в тайгу, как не на жену? Поехал сперва раз, потом другой и третий — в Ключи. Жену выбирать. Под парусом ездил, моторов в помине не было.

Раз после кино в клубе остался, танцы посмотреть. Танцевать Сашка не умел. Где было танцам учиться, да и считал их не мужицким занятием. Чего сапоги шоркать?

На танцах и заметил Раису. Рослая девка, спелая уж, с полными, крепкими икрами. И вся она была белая да упругая, так и светилась, будто наливная. Танцует с кем из ребят, белокурую стриженую голову откинет назад, выгнется вся — ну королева. Глаза синие, детски ясные, а уж цену себе знает. Губки пухлые, бутончиком — марьин корень.

Затосковал Сашка в углу, на нее глядя. Невысокий, плотный, просторный в плечах, глаза лесным светом горят — молодой волк. Только что зубами не клацкает. Смотрит — не моргнет. Рая кому из парней улыбнется мимолетно, он уж на того парня исподтишка скалится, и светится в его жадных глазах звериное неистребимое упрямство.

Его давящий, странный взгляд часто ловила на себе Рая и терялась: может, в одежде что не так? Незаметно оглядывала себя. Пугалась немигающих сизых глаз.

Каждую субботу в углу появлялся нездешний диковатый парень, сторожил ее глазами, и она иногда улыбалась ему, недоумевая, почему он не пригласит ее на танец. Смешной какой.

Однажды после танцев подошла с подругами к калитке своего дома, простилась и уже искала рукой щеколду, как Сашка тенью вымелькнул от забора, грубо схватил, прижал к заплуту, зашептал:

— Выходи за меня, слышь!

Она испугалась, него забила в его руках, но потом разглядела, что это тот самый дикарь, который так непонятно на нее смотрел, успокоилась, угадав свою силу над ним.

— Я вот сейчас кликну тятюку, он тебя оженит. Наскочил как коршун. Убери ручищи-то, все плечи помял.

Он ослабил пальцы, но не выпускал, пьянел от запаха ее волос, от частого дыхания.

— Слышь, выходи, у меня дом есть, хозяйство, заживем. Я тебя как королевну одену, на руках носить буду, — лихорадило Сашку. Он говорил, не переставая, откуда и слова брались.

— У меня, может, жених есть, — засмеялась Рая ему в лицо.

— Кто такой? — выдохнул Сашка и уперся рукой в запяток, даже столб заскрипел.

— А тебе что до этого?

— Люблю я тебя, слышь... Страшно люблю. С этого места не сойти, если не женюсь на тебе.

Она сумела незаметно отодвинуть засов и, выпорхнув из его рук, побежала к дому. Растерянно озираясь, Сашка слушал перестук тупфелек по ступеням крыльца.

Ночевал в лодке, укрывшись парусом. Утром бродил по селу, искал Раю. Ему всегда везло, повезло и на этот раз. Увидел в магазине с корзиной в руках. Подождал на улице. Как вышла — подскочил к ней.

Рая отшатнулась, но день был воскресный, на улице ходили люди, бояться нечего.

— Напугал ты меня вчера, — сказала, неясно улыбаясь.

— Пошто? — встревожился Сашка.

— Больно страшной был. Даже во сне привиделся.

— Правда? — заколотилось сердце.

«Жаль, не темно, поговорили бы», — подумал он, но и от светлого дня извлекал выгоду: рассматривал девушку.

Рая была в красном платье горошком, в широковатой, видно, материной малиновой вязаной кофте, но и этот наряд поразительно шел ей. Ведь есть от рождения счастливые женщины, которым идет буквально все, даже самая незрочная одежда облагораживается ими, становится краше.

Шагала Рая не широко, но упруго. При каждом шаге из-под краешка платья округлялись колени.

— Кто ты? — спросила она, покачивая в руке корзинку с булкой хлеба и желтыми пачками махорки.

— Сашка Клубков. Из Щучьего.

— Щучье? — приоткрыла влажные и блестящие, будто помазанные маслом губы. — Где это?

— В самом конце озера есть мыс Щучий. Оттуда.

— А зачем сюда едешь?

— За тобой, — твердо посмотрел ей в глаза.

— Ну тебя... — передернула плечами и пошла быстрее, покраснев, опустив глаза на дорожную пыль.

— Ты от меня никуда не денешься. Все одно — женюсь на тебе, — громко шептал Сашка, догнав ее и идя рядом. — На свете жить не буду, если не женюсь.

Она посмотрела на него внимательно, губы дрогнули, приоткрылись, но ничего не сказали. Она, наверное, поверила ему или хотела поверить, потому что помолчав, сказала серьезно:

— Меня тятка замуж не пустит.

— А я тебя украду.

— Как? — живо спросила она.

— Посажу в лодку и увезу домой.

И ведь на самом деле увез. На другой неделе приехал, тоже в воскресенье, посадил в лодку, как обещал; поднял парус, ветер попутный, и — напрямик к Щучьему.

А через неделю нагрязнул к нему ее отец, рыжий ключевской плотник Семен. Молодожены были дома. Сашка чинил сеть, Рая мыла поддойник, время подошло доить корову.

И тут он заходит. Рая, хоть и белолица, совсем побелела. У Сашки чуть бечевка из рук не выпала. Он, конечно, знал: отец разыщет их, — но не ожидал, что скоро.

— Так... так... — сказал рыжий Семен, оглядывая комнату. Печь, стол, скамья, мешки с продуктами в углу, заправленная шерстяным одеялом кровать со взбитыми белыми подушками. Как у людей.

Перевел глаза на дочь:

— Корову доить собралась?

Кивнула, не поднимая глаз от пола.

— Иди дой, корова любит, когда ее в срок доят.

Ни жива, ни мертва выскочила в сени. Какая дойка: руки трясутся. Слушает, что дома. А дома — тихо.

Семен, как выпроводил дочь, оборотился к Сашке, тоже белому, глаза, казалось, и то побелели.

— Ты, что ли, зятек мой?

Сашка молча полез под кровать, вытянул старый ремень от патронташа, подал и уже смело, просто посмотрел в глаза Семену.

Семену ремень понравился. Он сложил его вдвое, повернул безропотного Сашку, врезал три раза по заду изо всей мочи, а потом еще два раза, уже не больно.

Сашка, не моргнув, перенес это, и тогда Семен спросил:

— Что ты мне скажешь?

Ответил, преданно глядя на тестя:

— Воля отцовская.

— Ой да-а парень! — удивился тот. Вынул из кармана штанов бутылку водки, крепко поставил на стол, хлопнул донышком.

— Ну, а теперь давай об деле говорить.

Вошла Рая, не вынеся тишины, ахнула: сидят, выпивают. Что же отцу оставалось делать, не везти же ее домой. Не девочка теперь, женщина. Вот как было.

Да, было. Все было. А теперь вот он один. Один, как подстреленный старый волк. И никому он не нужен. Ни единому живому существу. Никто к нему с добром не придет, и самому ему идти некуда, потому что никто и нигде его не ждет.

Волк...

14.

Дмитрий Иванович, в легком плаще, накинутом на городской черной костюм, в начищенных ботинках, стоя у самой воды, с готовностью протягивал руку, улыбался. Мужчина отмахнулся от протянутой руки, сошел самостоятельно. Небрежно поправил седой ежик волос, с интересом оглядывал окрестность: дом на берегу, привезистую баньку, сарай с покосившейся крышей, огород с желтыми шляпками подсолнухов.

Все ему тут понравилось: и местность, и сам хозяин, растроганный приездом такого гостя. Генерал восхищенно качал крупной головой, повторяя:

— Хорошо, братцы!

Ларион снес на берег два ящика. Иван взял картонный, с напечатанной на боку красной рюмкой и изостранными словами. Артем — другой, деревянный, аккуратно прикрытый сверху мешковиной. Понесли к дому, слыша, как булькают бутылки в такт шагам. Из кухни уже бил запах жареной рыбы, на столе тоненько позванивало расставляемое стекло.

На крыльцо вышел размягченный, добрый старик.

— Пошли, мужики, у меня ноне праздник.

Иван с Артемом вошли, а Лариона директор потихоньку спровадил к катеру. Боялся — начнет куролесить.

Сели за стол, в центре которого важно стояли пузатые бутылки из картонного ящика. Вокруг них, как солдаты, толпились тонкостенные праздничные рюмки. Жарко дымились тарелки с ухой. На блюдах сочно розовел жареный таймень: сети не промахнулись.

Подняли тост за приезд, выпили нерусского вина, Иван встал, поблагодарил.

— Куда же вы! — обиделся генерал. — Так мало!

— Им нельзя больше, Павел Васильевич, — склонившись к генералу, с улыбкой разъяснил Дмитрий Иванович. — Они сейчас туда, на перезал. Разведают, как и что. Там и ждать вас будут утром.

— Значит, разведка? — удовлетворился Павел Васильевич. — Ну, тогда за разведку.

Гаврила Афанасьевич смотрел на него не мигая, и его уже давно подмывало рассказать о немецком офицере — «языке», которого он тащил в лес, к партизанам, и о многом другом, ожидал только подходящего момента. Для него кроме генерала ничего не существовало.

Иван с Артемом ушли незаметно. Вышли из комнаты, взяли на «Дозоре» рюкзаки и небыстро зашагали вверх по змеившейся между скал тропке в противоположную сторону от гари. Шли не останавливаясь, шаг за шагом поднимаюсь в гору. Склон был южный, редколесный, и солнце казалось не по-осеннему жарким.

До перевала добрались часа за два. Там прохладнее. Обдуло со всех сторон. Возле самой тропы, под старым кедром, горел костер. Возле него лежали Анисим и Тихон.

— Здоровы были! — удивился Иван, снимая рюкзак.

— Здорово, — откликнулся Тихон равнодушно.

Анисим гулко смеялся. Трубный смех у него, жеребчий. Показывает зубы крупные, но редкой белизны. Доволен встречей.

Иван повел носом, деланно задумался. Пошуровал в золе, выкатил подумянившуюся картофелину.

— Ну, пес, — восхитился Анисим. — Сквозь землю видит. С таким носом кобеля держать не надо. Все сам сыщет.

Лесничий повалил картофелину в сухой траве, потер о полу штормовки, разломил. Белая, рассыпчатая. Подал половинку Артему.

— Как вы тут оказались? — спросил Анисима.

— Да вот шли, покушать сели.

— Куда шли?

— Черники хотели подрать, — хитро шутился Анисим.

— А если серьезно?

— Тропы с Тихоном спаровались совместно почистить да завернули сюда посмотреть, как генерал будет охотничать.

— И пять километров крюку дали?

— А чего нам, — сказал Тихон, ковыряя прутиком в золе.

— Не видали, как марала бьют?

— Видали, да уж забыли. Да и генерал же, — произнес Тихон каким-то серым, без интонации голосом.

Иван доел картошку, вытер рот и прилег у костра, прикрыв лицо фуражкой. Одну бледную щеку видать.

— Марал внизу есть нет? — спросил он.

— Есть, — отозвался Анисим. — Следов много.

Артем отошел от костра, осмотрелся. Далеко, в кристальном, по-осеннему чистом, без дымки воздухе синели гряды гор и напоминали застывшие волны сезерянки. А внизу, под ногами, раскинулась долина: редкие кедры, болотца, замшелые камни с бегущими между ними чистыми ручьями. Маралы сейчас там. На гольцах упал снег, и они спустились. Забыли о выстрелах. Заповедник. Подумал, что завтра карабинный выстрел расколет тишину, и грустно стало.

Вернулся к костру, где Анисим строгал веточку самодельным ножом, а Иван сидел напротив.

— Так-то оно так... — Анисим веточку дострогал, отбросил. Не глядя, нашарил рукой плоский камешек, стал точить лезвие: чирк-чирк. — Сегодня генерал приехал, завтра еще какой гость...

— А чё, — хохотнул Тихон. — Тайга вона какая, зверя много. Кто его тут считал, зверя-то. На одного больше, меньше ли — без разницы.

Анисим все вострил лезвие, пробовал ногтем и снова чирк-чирк, уже упорнее, сердясь.

— Верно, это не колхоз. Там приехали, пересчитали коров, подняли бумаги: ага, одной недостает. Иде она? Отвечай! А тут... — отбросил камешек, сунул нож в ножны, даже остроту проверять не стал. — Ежели кто и поинтересуется, ему: иди в тайгу, считай сам. Крыть и нечем.

Иван нахмурился, не смотрел на мужиков, на Артема тоже не глядел. Шурился в сторону, на соседний хребет, где барахталось солнце и никак не могло закатиться.

— Я вот о чем думаю, — привстал на колени Тихон. — И никак уразуметь не могу. Ответь, Прокопич, ты грамотнее нашего. Ты партийный и понимать должен побольше...

— Ну? — деревянно отозвался Иван.

— Вот какой интерес меня берет. Природа, она, значит, наша, — загреб руками в кучу. — Общая. Всему народу принадлежит.

— Допустим, — неопределенно сказал Иван.

— А почему один может охотничать, а другому запрет? Почему, ежели ты не простой мужик, а скажем, генерал, так и позабавиться тебе можно, а другому и для нужды нельзя зверя добыть? Ответь, Прокопич, а то я чё? Неграмотный.

— Видишь ли, Тихон, — начал Иван странным, чужим голосом. — Человек заслуженный, у него награда... И... в общем... не я это решаю, — проговорил Иван трудным голосом.

— Верно, не ты, — поддакнул Анисим. — Твое дело — сторона. Приказали — ты и побежал с дудкой.

— А ты бы не побежал? — перебил Артем. Он представлял, как Ивану сейчас трудно. Даже непривычную жалость ощутил к нему, обычно насмешливому, жестковатому, уверенному в своей правоте.

— Мне не доверят, еще испорчу чего...

Иван молча поднялся, отряхнул штаны от сухих стебельков и бурых хвощиков, сощурившись, оглядывался.

Солнце перевалило уже за гребень, напоролось на каменное зазубренное острие, прорвалось желтком, из него ударили прямые лучи по низким облакам.

Утром, ни свет, ни заря, приехали генерал с Гаврилой Афанасьевичем. Артем давно не спал, поднял голову. В полночь на перевал упала роса, он продрог до костей. Костер еле тлел, пришлось тащить сушняк, подкармливать огонь.

Угольные силуэты всадников маячили на звездном небе. Оба в штормовках, с надвинутыми капюшонами. У переднего за плечом торчал ствол карабина. Звеня удилами, кони подошли ближе. Всадники посмотрели на спящих, спешились:

— Подъем! — ласково пропел Кугушев. — Давайте, мужики, пора!

Ворча, продирали глаза, вставали, пошатываясь со сна. Поднялся и Иван. Тоже плохо спал. Ворочался, курил. Перед утром задремал.

— Значит так: Дмитрий Иванович передал, что ты, Иван Проконьич, с Павлом Васильевичем идете вниз, а мы остаемся. Как дело сделаете, дадите знак дудкой. Приедем свежевать, — Кугушев гордился своим положением и пытался говорить строго, по-военному. Как-никак, генерал рядом.

Иван молча достал из рюкзака нож, прицепил к поясу под штормовку. Вынул завернутую в тряпицу кедровую дудку. Легонько продул, сунул в боковой карман штормовки.

Небо едва посветлело. На востоке, над тенями хребтов, проклюнулась робкая светлая полоска. На кедре уже ссорились кедровки, суматошно хлопали крыльями.

— Вы готовы? — спросил Иван генерала.

— Да, да, разумеется, — ответил тот торопливо и поправил на голове капюшон. Заметил Анисима. Кивнул и сразу отвернулся.

Шлось легко. Мшистая тропка пружинила под ногами, приятно на нее ступать. С горы — не на гору. Успевай переставлять ноги с места на место. В низкорослом пихтаче спугнули невидимую стайку рябчиков. Слышно было, как птицы шарахнулись от людей, воткнулись в густоту ветвей.

Не останавливаясь, спускались вниз, в расходящийся туман, и скоро достигли долины. Туман парным молоком лежал на травах. Роса на листьях матово светилась. В камнях звенел ручей, Иван свернул к нему.

Между камней, поросших зеленоватым лишайником, проступала черная вода. Пошли по течению, шурша высокой, мокрой травой, обходя скользкие глыбы камней. Иван остановился на лысом берегу, низко оплывшем над водой.

— Смотрите, — сказал он, отступая.

Павел Васильевич стал смотреть на журчащую ледниковую воду, от вида которой пробирала дрожь, на кусты карликовой березки и молодая, облепивших берега.

— Да нет, — терпеливо объяснял Иван. — Вниз смотрите, под ноги.

На влажной почве проступали следы, глубокие отпечатки раздвоенных копыт. На их дне блестела вода, просочившаяся из земли.

— Это маралий след? — спросил генерал, осознавая неловкость: пришел убить зверя, следов которого не знает и без помощи провожатого не нашел бы. — Я ведь, по правде говоря, маралов на природе не видел.

Не довелось, знаете ли. Служил все на западе. Ездили на уток, на зайцев...

— Маралушка прошла, — проговорил лесничий негромко. — У быка копыто округлое, а у маралухи лодочкой. Видите, удлинённая такая туфелька.

— Ишь ты, туфелька, — добродушно усмехнулся Павел Васильевич, вспомнив, что этого хмурого, молчаливого проводника директор нахваливал, и судя по всему — не зря. Захотелось как-то развеять молчаливость парня, вызвать на разговор.

И он спросил:

— В армии служил?

— Служил. Вычислителем. В ракетных войсках, — ответил тот, как бы подчеркивая исчерпывающим ответом, что к разговору не расположен. И огляделся. Они находились у подножия склона, редко поросшего пихтачом, островками карликовой березки. Кое-где громоздились кедр.

Место лесничему понравилось. Он вынул толстую кедровую дудку, напоминающую рожок, приложил к губам.

Резкий, серебряный звук пронёсся над долиной. Это был крик молодого быка, таинственный и прекрасный. Наступила осень, и ему, созревшему, страстному, колкий горный воздух будоражит кровь. Он зовет самку, истомленный одиночеством, чтобы постичь любовь, неизвестную еще, но зовущую, к которой готовился от самого рождения, и принадлежит ей весь, от новых, еще не сбитых копыт, до полированных кончиков рогов. Это его первый крик, неуверенный, ломкий, но страстный.

Замер рев, ответом его прокатилось по горам. Далеко раскололось осколками над долиной, кедром, травами.

Иван снова поднял дудку. На этот раз он звал пронзительнее, нетерпеливее. Молодая страсть и неопытность трепетали в смутном, оживающем рассвете.

Оба прислушались, затаились, ловя последние дрожания воздуха. Павел Васильевич мало охотился в своей жизни. Не то чтобы желанья не имел, а все как-то не удавалось. Засасывали большие и малые дела, и теперь он досадовал на громкие удары сердца, которые мешали слышать звуки тайги.

И он вздрогнул, когда с их же склона протрубил густо и хрипло старый бык. Грозно ответил на рев двухлетка. Я стар, но еще силен. На рогах зазубрины и сломы — следы прошлогодних боев. Крепко стерегу свой гарем из черноглазых маралушек, готов столкнуться с любым, кто посягнет на тонконогий табунок.

Иван обернулся к спутнику.

— Наш вызов приняли, — шепнул он. Дудка в руке дрожала. В ней рождались новые звуки.

— Где? — напряжился Павел Васильевич, твердея лицом. Снял с

плеча карабин, опустил приклад в мох. Проснулся в нем инстинкт охотника, древний и жгучий.

Они пошли в сторону ответного рева. Ноги скользили в мокрой траве, на камнях, обнятых коварным лишайником, который соскальзывал вместе с ногой. Но Иван шагал ходко, сноровисто минуя препятствия.

Павел Васильевич задышал тяжело, часто. Вопросительно глянул на Ивана, но тот только прибавил шагу.

«На кой черт генералу эта охота? — зло размышлял он. — Ну, гулял бы в Полуденном по бережку, наслаждался чистым воздухом, надоело — дальше, по скалам в тайгу прошел, там интересные места. В крайнем случае, если уж так маралы интересуют, можно было на рева сходить без ружья. Так нет, убить ему надо».

Вошли в пихтач. Пихты черны и остры. Достаточно рассвело, а под низкими ветвями стелется густая тьма.

— Видите, ниже поляна и кедр на ней? — показал Иван. — Ложитесь под кедр и ждите... Получше замаскируйтесь, — добавил он, едва сдерживая раздражение.

Протянул руку, взял тяжелый, прикладистый карабин. Увел назад затвор, вместе с которым пополз в стволе рыжеватый, в смазке, патрон. Положил карабин на локоть согнутой руки, потянул затвор сильнее. Патрон выскочил с сухим щелчком. Поймал на лету, а на его месте — другой. Все в норме.

Генерал принял оружие, не обиделся за проверку. В карабинах он разбирался отлично, однако лишний раз осмотреть — не повредит. К тому же лесничий несет ответственность за него. Он только молча, внимательным долгим взглядом посмотрел на Ивана.

Иван сел на зеленый валун, наблюдая, как, немного сеутулившись, уходит охотник, как покачивается в руке тяжелый карабин. Он хотел закурить, но вспомнил, что нельзя. Зверь учует дым. Сорвал веточку пихты, размял в зубах колючие терпкие иглы. Во рту стало горьковато и свежо.

Охотник тем временем подошел к кедру, оглядывался, ища глазами проводника. Не нашел: пихтач темен, не просматривается. Постоял немного и, не выпуская оружия, стал ломать лапник для подстилки.

«Ну, зачем это? Под кедром без лапника мягче, чем на перине. Хвой под кроной много, толстая, сухая подстилка и так чудно пахнет. Тепло на ней. Ложись, что ли...» — никак не унималось раздражение.

Павел Васильевич лег и сразу исчез. И одинокий кедр получил новое качество. Что-то пугающее появилось в его настороженной одинокости. Там затаилась смерть.

Кедровка, сидевшая на вершине, поспешно улетела. Генерал остался один. Иван поднялся с валуна. Глубоко вздохнул, набирая в легкие побольше воздуха, и поднес дудку ко рту.

Охотники неслышно отошли от костра, растворились, а Артему все виделся взгляд Ивана. Он знал: перед уходом лесничий обязательно на него посмотрит. Не понимал, почему, но уверился: посмотрит. И — посмотрел. Станным казался прощальный взгляд. От него осталось ощущение неясной тревоги.

Пока мужики балагурили возле костра, развиднелось. И хотя солнце еще пряталось за горами, томилось там, день начинался. Попискивали сеноставки под деревьями, резали траву острыми зубами, волокли к норкам, складывая аккуратными стожками. Сытней будет у них зима, если маралы не обидят. Кедровки и вороны перепархивают с дерева на дерево озабоченно — промышляют.

— Не слышать что-то нашего дударя, — сказал Анисим.

— Услышим, — уверенно произнес Гаврила Афанасьевич. Он сперва рассерчал, увидев мужиков на перевале, а потом решил, что пригодятся подсоблять: тащить, грузить. Настресение у Кугушева светлое, на мужиков посматривает свысока.

— Стой! — крикнул Анисим и поднял голову, прислушиваясь.

Тишину вспорол протяжный крик, напоминающий звук трубы.

— Кто это? — выдохнул Артем, поражаясь необычному звуку.

— Вроде бык, — проговорил Гаврила Афанасьевич.

— Ну да, это Иван дударит, — хмыкнул Анисим.

Снова раздался рев, но голос уже грубее, с хрипотцой.

— Вот теперь — бык, — шептал Анисим.

Гаврила Афанасьевич, вспомнив, полез в рюкзак, потянул сумку с биноклем. Сумка зацепилась за коробку с рюмками, старик, нервничая, тянул ее сильно, чуть рюмки не выронил.

Снова молодым быком продудел Иван. Задиристо, отчаянно: я народился, созрел, почувствовал инстинкт к продолжению рода. Отдай черноглазую маралушку с мягкой шерсткой на шее.

Старый бык грозно ответил: нет, не отдам без драки. Шел на дударя, раздраженно трубя, и когда Иван замолкал, сам подавал голос, словно опасался, что соперник струсил и хочет уйти безнаказанно.

Гаврила Афанасьевич смотрел, смотрел в бинокль — ничего не увидел, безнадежно махнул рукой.

— Дай-ка, — попросил Анисим, прилипая к окулярам. Он, наверное, тоже ничего не увидел, потому что полез на обломок скалы, под которой змеилась тропка вниз.

А голоса уже звенели почти рядом друг от друга, и старый бык разглядывал ельник, где прятался соперник.

— Вижу, — пробросил Анисим, не отрывая бинокля от глаз.

— Где? — подскочил Кугушев.

— Вон, у самого низа кедра, а под ней зеленое пятно — генерал. А с поляны, правее, бык идет. Вот остановился, смотрит.

— Точно, — шепотом согласился Кугушев, будто боялся спугнуть зверя. — Сейчас его, миленького...

— Дай, — потянул бинокль Артем. Приник к окулярам, и расстояние исчезло. Где же этот кедр? Ага, вон он. А правее? Он видел только высокую желтую траву, не понимая, где же Анисим разглядел марала. Голые ветви какого-то кустарника, суковатые, толстые. Дальше опять трава — желто и буро.

И вдруг суковатые ветви качнулись. По брюхо в траве, рыжеватый с подпалинами марал сливался с местностью, самостоятельно Артем не разглядел бы его. Шевельнулись рога, бык приподнял морду, нюхает воздух. Сейчас затрубит.

— Метров двести осталось, — волнуясь, сказал Артем. — Вот осматривается, идет к пихтачу!

— Сейчас стрелит... Сейчас... — ждал Кугушев и потянулся за биноклем. — Ну, стреляй!

Мужики напряженно ждали, и у Артема было такое чувство, будто не марал, а он сам шел доверчиво на затаившуюся под кедром смерть и чувствовал на себе черный зрачок ствола. Палец на курке сжимается...

У Артема гулко стучало сердце, ломило виски от напряженного ожидания, и он даже дыхание придержал, чтобы лучше слышать.

А выстрела все не было.

— Он чё это? — оборотился к мужикам Кугушев.

Анисим поскреб в бороде, но промолчал.

— Он чё это? — Гаврила Афанасьевич еле держался на ногах. — Пошто не стреляет? Уйдет бык-то!

Тихон взял бинокль, смотрел, смотрел, вернулся с камня.

— Отохотничались.

Ему никто не ответил. Анисим лег на спину, положив руки под голову, задумчиво покусывал травинку.

Охотники пришли через час. Гаврила Афанасьевич боялся спрашивать, выжидал, не сводя глаз с потного лица генерала.

К обеду спустились на кордон. Там Глухов отозвал Ивана, ни о чем не спрашивая, смотрел в упор.

— Он не стал стрелять, — сказал Иван и почувствовал: Глухов понимает, что причиной тому он, лесничий. Круто повернувшись, ушел на берег.

Там сидел на скале, курил сигарету за сигаретой, пока не подошел Анисим и не сказал, что неподалеку у него спрятана лодка. На ней и уплыли, прихватив с собой Артема.

Сентябрь в Полуденном стоял обычно теплым и солнечным. Осень сюда всегда запаздывала: пока она переползет через хребты. В прошлые годы этой порой на скалах кое-где раскрывались розовые бутоны маральника, обманутые теплом, и даже трудно было понять, какое наступило время года.

Но сейчас в природе что-то случилось, погода выбилась из колеи. На Громотухе выпал снег и не таял. Над селом повисли нудные, бесконечные дожди, солнце днями не появлялось, скрытое серой завесой однотонных туч. Ветер носил по раскисшей улице березовые листья, тронутые ранней желтизной.

Туманно стало в Полуденном, тоскливо. Люди появлялись на улице редко. Днем — на работе. Вечером — сидели по избам. Над каждой трубой стлался дым, серый, как небо. Иван редко показывался в конторе. Работал дома — готовил лесничество к учету.

Дмитрий Иванович снова не замечал лесничего. Мужики предостерегали: «Смотри, Иван Прокопьевич, директор не такой, чтоб простить. Затаился, выжидает». Иван храбрился, что, мол, он мне сделает, выгнать — предлога нет. Однако тревога не оставляла его.

Как-то под вечер скрипнула калитка протяжно и незнакомо. Мелькнула красным околышем фуражка Васи-милиционера. И хотя Вася выезжал в Полуденное, как участковый, знал Ивана еще по Ключам и мог зайти просто так, почаевничать, нехорошо стало Ивану, холодком в душу повеяло.

Вася поздоровался, сел на табуретку, теребя фуражку в руках. И по его смущенному, виноватому виду Иван определил: худое на него наедвигается.

Кипел на плите чайник. Все в доме спали. Иван поставил на стол две дымящиеся пиалы, вопросительно посмотрел на Васю.

— Спасибо, Ваня, за чай, — покачал головой гость. — А только не могу я с тобой чай пить.

— Что так? — спросил Иван, и словно струнка внутри лопнула.

— Я ведь к тебе с обыском.

— С обыском? — озадачился Иван, думая, что же можно у него искать. И сразу вспомнил Клубкова, его угрозы.

— Из-за тозовки?

— Но-о, — кивнул Вася, не поднимая головы. Сбивал щелчками дождя с красного околыша. — Клубков накапал.

Иван принес из кладовки пыльную винтовку, поставил к порогу, стошел.

— Ты знаешь, как она ко мне попала?

— Как? — Вася поднял глаза.

— Заблудились в прошлом году на гольцах геологи. Чуть не пропали. Я их встретил, вывел. Вот отдали.

— Ты хоть помнишь, откуда они? Написать бы письмо, пусть подтвердят, что подарили.

— Я адрес не спрашивал.

— Зря... зря... — Вася вздохнул, оглядывая комнату. Задержал взгляд на спящем сыне в горнице, обернулся к Ивану.

— Эх, Ваня, ядрена кость... Сколько времени не мог приехать. Может, зарегистрировали бы. А теперь как? Пропадешь ни за что.

— Так уж и пропаду? — улыбнулся Иван обескровленными губами. — Из-за тозовки?

— Слышь, у тебя в исполкоме нелады какие?

— Да вроде ничего нет... — И вдруг догадка кольнула под сердце. Вспомнил и неясные угрозы инструктора, которого прогнал летом из заповедника. И как вошли боль и нехорошее предчувствие, так уж не уходили.

— Плохо там у тебя, ядрена кость... Здорово там на тебя один сердитый. Накажем, говорит, другие бояться будут, как держать незаконное оружие. Только это я от себя. Ты уж никому. Ладно?

— Понимаю, — Иван взял пиалу, стоя хлебнул горячего чаю, но чай в глотку не лез. Только теперь понял, как круто может все обернуться.

Вася поднялся, переминаясь с ноги на ногу. Маленький, щуплый, с каким-то беззащитно-детским затылком, а власть, сила. Он посмотрел на мелкокалиберку.

— Ты ее не обтирай. Пусть в пыли так и будет. Видно, что не пользовался. В стволе, поди, паутина.

— Целый год в кладовке стояла. Я уж забыл про нее.

— Ладно, готовься, я утром за тобой зайду.

— Постой, Вася, к директору заходил?

— Заходил. Положено.

— Ну и что он?

— Непонятный Глухов у вас мужик, ядрена кость. Другой бы забеспокоился: как-никак лесничий, а этот хоть бы что, даже вроде рад. Надо попросить, пусть добрую характеристику напишет на тебя. Пригодится.

— Слушай, Вася, — напрягся Иван. — Ты на чем приехал?

— На моторке.

— Ночевать собрался тут?

— В гостинице пересплю. У тебя нельзя. Сам знаешь...

— Поехали сейчас.

— Куда на ночь-то? — удивился Вася. — Я северянку пережилал в Кедровке, вот и припозднился.

— Поехали, озеро чистое. А то с утра дунет — и будем сидеть.

— Что так торопишься?

— Уж лучше — сразу.

— Смотри, мне все равно...

Молча отчалили, поплыли. Вася беспокойно ерзал на своем сиденье, хмурился и, когда потерялось вдаль Полуденное, вдруг заглушил мотор.

— Ты чего? — недовольно спросил Иван.

Вася потянулся за мелкокалиберкой, подержал ее в руках и резко бросил за борт.

Всплеснуло. Оба смотрели, как пошли круги, как исчезли.

— Не нашел я у тебя никакой тозовки, — сказал Вася и улыбнулся. — Ее вообще у тебя не было. Понял? Кто сомневается, пусть ищет. Глубина тут, наверно, метров двести? Вот и порядок. И — молчи.

— Зря ты, Вася, — вздохнул Иван.

— Ничего не зря. Клубков и еще кое-кто тебя сожрать хотят, а мы не дадим. Ты человек нужный заповеднику, ядрена кость! Подавятся они тобой.

— Кто это «мы»?

— Мы и все. Понимай, как хочешь.

— Ну, и куда мне теперь? — после некоторого молчания спросил Иван.

— Поехали назад.

— Нет уж вези в Ключи, раз забрал, Там переночую. Хочу в рай-коме побывать. Поговорить о наших делах.

Вася глубже надвинул фуражку и взялся за стартер.

16.

Артем проснулся с ясным ощущением, что в природе произошло какое-то важное изменение. Он еще не знал, какое, но перемену погоды почувствовал еще лежа в постели.

Он вскочил с кровати, сунул ноги в тапочки, сшитые из выпрошенного у Ивана куска медвежьей шкуры, и выскочил за дверь. Его встретила резкая прохлада, так не идущая к ясному, чуть подсиненному небу. На затененных березой досках крыльца сахарился иней. Он был так необычайно чист, что манил прикоснуться к нему руками.

Заморозки! А огород? Кинулся за дом. Норд, обрадованный резвостью хозяина, прыгал на Артема, и тот еле отстранился, ворча:

— Вымажешь, а кто стирать будет?

Протиснулся в узенькую калитку огорода. Побегал между грядок, обжигая щиколотки ледяной росой на диких, невыполонных травах. Поражался, откуда такая сила у сорняков? Помидоры целое лето холил, то воды им не хватает, то затеняют другие растения, то почва не взрыхлена, а сорняк без ухаживания так вымахает, что хуже некуда.

Скажи кто два года назад, что он станет работать на собственном

огороде, рассмеялся бы. Матвей предлагал кормиться у каких-нибудь старичков, а его на свое потянуло. Стал копать землю, и это неожиданно понравилось, даже удовольствие испытывал, чувствуя светлую радость от прикосновения к земле, которая его отблагодарила.

По пути в контору Артем думал, что надо собрать семена для будущего года, чтобы не просить у соседей. Ранней весной в избе на окнах зазеленеют всходы в деревянных ящиках. Как у людей. Интересно, как бы мать к этому отнеслась, если бы написал ей обо всем?

В полутемном коридоре конторы его встретила Рита.

— Тебя Дмитрий Иванович ищет, — сообщила холодно.

Артем смотрел на нее. Очень изменилась. Лицо похудело, стало строже, в глазах — грусть. Избегала Артема, хотя он несколько раз порывался с ней поговорить.

— Как живешь? — спросил он, улыбаясь. Много раз мечтал: вот встречу и обо всем серьезно поговорим. В голове теснились стройные мысли — умные, убедительные. А вот встретил сейчас, и снова в голове каша, и снова мнется перед ней в поисках нужных слов, которые так неожиданно развеялись.

— Нормально живу, — она хотела уйти, но Артем задержал за рукав кофты, заглядывая в глаза.

— Пусти, мне на почту надо.

— Я тебя так давно не видел.

— Почти каждый день видимся.

— Ну, это мельком. Это не считается. Близо не видел.

— А надо? — кольнула она.

— Я к тебе сегодня приду.

Рита зажала ему рот ладонью, потрянула волосами.

— Не вздумай, слышишь? Не надо.

— Приду, — горячо шепнул он и вдруг чмокнул ее в щеку.

Рита с изумлением на него посмотрела, выскользнула, побежала по коридору, услышав, как кто-то засмеялся.

Артем хотел догнать ее, но тут ходили лесники, что-то весело говорили ему, он стиснул зубы, пошел в приемную.

И здесь услышал громкие голоса из-за неплотно прикрытой двери, остановился в нерешительности. Разговор шел на высоких нотах. Узнал голос Матвея.

— Это дело ваше, — говорил директор торопливым, срывающимся голосом. — Как хотите. Можете хоть сейчас.

— А я — сейчас. Мне недолго. Но вы, Дмитрий Иванович... — слышались глухие удары. Видимо, Матвей стучал кулаком по полированному столу. — В райкоме будут знать. Это я точно обещаю! И вам этого не простят. Понятно!

В ответ Глухов что-то тихо говорил. Но что — не разобрать.

— Да он-то от Клубкова дальше, чем вы! Вот вы с Клубковым-то как раз пара. Одинаковые! Отгородились от людей! — снова гремел Матвей. — Не Иван, а вы с ним родственники!

Артем отодвинулся от двери и вовремя. Вылетел красный Матвей, ничего не замечая на пути. Протопал по коридору к лестнице. Ступени стонали под его сапогами.

Директор выглянул и увидел Артема.

— А-а, заходи. — Глухов был багров, даже лысица покраснела и казалась раскаленной. Тонкие губы подрагивали. Он ходил взад-вперед по кабинету и о чем-то напряженно думал.

— Ах, да-а... — директор вынул из ящика стола вдвое сложенную бумажку. — Поезжайте на Щучий, отдайте Клубкову. И пусть в течение недели выметается. Давай, Зуев ждет на «Дозоре». Артем тяжело вздохнул:

— Может, разрешим перезимовать, Дмитрий Иванович? Все равно осенью выселять не разрешат...

— Вы мне эту анархию бросайте! В заповеднике не положено жить постороннему, — резко сказал директор. Он смотрел на причал. Покусывал губу. Что-то его там сильно интересовало, потому что даже шею вытянул — смотрел.

Отошел от окна, сел за стол, повертел красный карандаш, черкнул на подвернувшемся листе бумаги, смел со стола. Загремев стулом, снова встал, пристроился у окна сбоку, так, чтобы и причал и Артема видно было. Заговорил уже спокойнее.

— Никакой весны! Он там за зиму дел наворочает. Немедленно поезжайте и никакой самовольщины. Слышите? Разболтались! — Стал глядеть на причал прищуренными, гневными глазами.

Артем вышел с бумажкой. В коридоре повертел ее, спрятал в карман. Не понимал, почему всегда спокойный и выдержанный Глухов, который раньше относился к нему хорошо, так разошелся. Да и Матвей вылетел, как угорелый. Что произошло между ними, и почему директор так смотрел в окно?

Отправился на причал. Не доходя до берега, увидел, как из-за дамбы выплыла лодка и, оставляя пенный след, рванулась на середину озера, взбитого темной рябью северянки. На корме виднелась массивная фигура лесничего.

На дамбе стоял Ларион в мичманке набекрень.

— Ну, колесо закрутилось, — ухмыльнулся он Артему. — Теперь башки затрепчат. Это точно.

— А что случилось, почему все такие?

— Чё, чё... не знаешь, что ли? Ивана в милицию забрали. — И вдруг заспешил: — Садись, да поплыли, чего резину тянуть.

— Как забрали? — пробормотал ошарашенно Артем.

— Как забирают. Приехали и увезли.

— Врешь!

Ларион обиженно отвернулся.

— Да, — причмокнул моторист толстыми губами, — Глухов не простит Рытову, что генерал не стал стрелять.

И тут случилось с Артемом такое, чего сроду не было: забыл, зачем он на «Дозоре», куда собрался плыть. Стоял на палубе, рассеянно поглаживая холодные трубы поручней, и морщил лоб. Зыбкая волна северянки билась о борт, раскачивала катер.

Он вспомнил-таки, зачем здесь. К Клубкову плывет на Шучий. Вспомнил зачем. И тут же подумал, что неловко, ах, как неловко будет ему смотреть в глаза Клубкову. Хотя Клубков браконьер и по натуре кулак, а все-таки выселять его надо было здорового, когда он мог принести вред заповеднику, а не сейчас, когда он болен и безвреден. Но вот к чему может привести человека волчья жизнь!

И нет Ивана, самого нужного человека, с которым он мог все обговорить и обдумать.

Нет, все-таки сегодня он только вручит бумагу. Это ничего не изменит, бумаге Клубков явно не подчинится. А потом надо поговорить с Иваном...

Волна разыгрывалась при ясном небе. Холодные, сверкающие брызги летели на палубу, ветер надувал штормовку, но Артем не уходил в рубку, в безветрие. Ему казалось, что только здесь, на ветру, под брызгами, глядя на близкие гребни волн, он может наконец понять, как жить дальше, чтобы не совестно было перед Иваном, чтобы прямо и спокойно мог смотреть в глаза людей, чтобы было в душе стерильно.

17.

Береза совсем пожелтела, уже по краям краснотой стало трогать ее лист. Был он сух, неподвижен и тонок, казалось, осеннее золоченое небо просвечивало сквозь него.

Это Александр Тихонович заметил только теперь, когда устало отложил на бревно нож и расколотую чурку, из которой выстругивал напльвы для сети, когда разогнул спину и посмотрел вверх. Он чуточку удивился: каждое утро, выходя из дому, видел дерево и не замечал, как оно желтеет.

Он смотрел на березу, листья на которой держались еще крепко, и думал, что однажды увидит, что ветви голы, непривычно пусты. Так и с человеком. Однажды удивится он старости, как неожиданности. Разве не знал Александр Тихонович, что годы к закату идут? Знал, да только по-настоящему понял, когда полз по траве, волоча большую ногу.

Клубков усмехнулся своим мыслям, взял нож и чурку. Воздух был

горьковат, прохладен, но солнышко еще припекало, и можно работать без телогрейки.

Раиса ездила в Ключи, привезла плохую новость. «Верные люди», к которым муж наказал зайти, от нее ничего не взяли. Глухов бумагу получил на выселение Клубкова.

Больно ему стало и страшно. И даже не слишком порадовало, что на Ваньку завели дело в отделении. Хотя порадоваться можно бы. Вот, де, Ваня, клюнул жареный рябок. Зря клацкал зубами, обмарали тебя, не скоро отмоешься.

Он ходил по двору, и двор казался чужим, и стены чужими, и все, что знал с детства, тоже казалось чужим, уже не его, и казалось, что Соболь смотрит на хозяина жалостливо. Однажды ночью проснулся Александр Тихонович от собачьего воя. Вышел на крыльцо, ругнул кобеля, тот примолк, но заснуть Клубков не мог. Все размышлял: «Не к добру воеет».

Чтобы как-то занять руки, принялся чинить старые сети, выстругивать утерянные поплавки. Руки делали привычное, а душа оставалась безучастной. Раньше как бывало: лишь возьмет сеть, сразу припомнит, как билась в ячеях таймени, к нему приходили азарт, радость. Теперь ничего не чувствовал, будто не сеть в руках.

— Саша! — услышал он крик жены. Негромко, но страшно позвала Раиса, будто птица в ночи прокричала.

Александр Тихонович вздрогнул, нож замер в руке, тоненькая стружка качалась на острие. Он поднял голову, непонимающе уставился на жену, которая стояла на крыльце и смотрела не на него, а куда-то за спину, на озеро.

Нехорошо стало на сердце у Клубкова. Он еще не видел, что там такое за спиной, а уж чурка выпала из рук, покатилась под ноги, и не торопился подбирать ее.

Опираясь руками о бревна, он встал. К ладоням прилипла вытопленная солнцем из бревен смола. Вытер руки о рубаху. Поворотился к озеру, зная заранее, что именно увидит.

Озеро было сине от волн. Тяжело переваливаясь, к мысу приближался ослепительно белый под солнцем «Дозор». Стекла рубки поблещивали. На палубе чернела фигура человека.

— Ну, вот оно... — выдохнул Александр Тихонович.

Припадая на больную ногу, пошел в избу. При каждом шаге нога отзывалась тупой болью, он не слышал боли. Воротился быстро. Возле крыльца переломил ружье, загнал в стволы два патрона с волчьей картечью. Быстро, словно кланяясь земле, костылял к скалам. Соболь, наострив уши, запрыгал возле него.

«Дурак», — подумал хозяин.

Раиса Семеновна вдруг опомнилась, догнала, повисла на муже, при-

читая как по покойнику. Александр Тихонович отшвырнул ее, не оглядываясь, шел дальше. Она снова загородила путь, раскинув в стороны странно белые, сияющие, обнаженные руки. Клубков сильно толкнул ее в грудь, жена упала, заголосила, уже не поднимаясь.

«Убью... Кто первый ступит на берег, того и убью», — решил Клубков и лег на скалу, под которой синело озеро. Соболь настороженно глядел на хозяина, на плачущую Раису Семеновну, которая, лежа на спине, царапала себе лицо.

Катер уже подходил. Сбавил ход, покачивался. Сейчас Ларион застопорит машину, сбросит трап. Круглая черная мушка на конце ствола пробегала по воде, успокоилась на зеленой травке возле воды, куда, по расчетам Клубкова, должен лечь конец трапа.

Александр Тихонович прищурился. Солнечные зайчики прыгали по белому борту катера, слепили его. Глаза набухли, их защипало. Клубков моргнул, стал протирать глаза подрагивающей рукой. Долго протирал. А когда прояснилось, увидел, что трап спущен и к его дому легко бежит помощник лесничего с ясным лицом. Вот он вошел в сени. Сейчас обнаружит, что хозяев нет, и появится на крыльце.

Появился.

«Ох, не тебя хотел, другого», — екнуло сердце у Клубкова.

— Эй, хозяева! Александр Тихонович! — крикнул Артем в никуда, рупором приложив ладони ко рту.

И еще эхо не успело умереть в скалах, увидел Клубкова.

Несколько секунд, недоумевая, смотрел на черные зрачки стволов, губы упрямо дрогнули, и вдруг пошел к Клубкову, поражаясь, что раньше в ужас приходил от этого имени, а теперь идет навстречу вскинутому ружью, а в душе — ни страха, ни отчаяния. Есть только уверенность в тяжеловатых, враскачку шагах по шелестящей траве, и сладко от этой уверенности.

Мушка дернулась, поползла вниз. Ружье концом ствола чиркнуло о гранит.*

* Повесть Е. Гущина публикуется в сокращении.

Теннадий ВОЛОДИН

А ВСЕ Ж МЫ ДУШОЮ СЕЛЯНЕ

Вл. Казѣкову

Рассветные тонкие краски,
Нечеткие тени в снегу,
Полузаметенные прясла,
Стога на другом берегу,
Дома невелички-деревни
В один невысокий этаж:
Какой он немислимо древний,
Вот этот сибирский пейзаж!
И если уедешь куда-то,
В иные какие края,
Увидится, вспомнится свято
Родная деревня своя.
В ней скромная школа, в которой
Постичь все науки хотел,
И флаг над совхозной конторой
На длинном сосновом шесте.
Увидится, вспомнится тропка
К любимым тобою местам
И сверстник твой, Мишка иль Степка,
Работать оставшийся там.
И снова бывшее нагрянет
И светом далеким обдаст.
...А все ж мы душою селяне,
Хотя и живем в городах.

* * *

Нет ни звезд, ни месяца.
Ветер спит в логу.
Птичья куролесица
Началась в лугу.

А вдали за ельником
Утро во всю мочь
Золотистым венником
Выметает ночь.

* * *

Ровно выснежен излог,
Тишь да гладь окрест.
Ни за что бы я не смог
Жить без этих мест.
Без забытого людьми
Всеми зимовья,
Без петляющей лыжни,
Без следов зверья,
Без похожих на кайму
Отдаленных гор.
Чем привязан, не пойму,
К ним я с давних пор?

А синица: тень! да тень!
Где-то в ивняке.
Я иду, а рядом — день.
Тоже налегке.
Вот спускаемся в излог
По тропе крутой.
Зимовье, как теремок.
Дым над ним густой.
И мне хочется опять
(Странный человек!)
Лечь на землю и обнять
Этот слобный снег.

* * *

И ничего б не надо,
Лишь так, как в давний год,
Пить белую прохладу
Из кринки у ворот.
Потом шагать степенно
Тропинкою туда,
Где душно пахнут сеном
И небо, и вода.
Брать грабли или вилы
Там в дуговой тиши
И, не жалея силы,
Грести, метать, вершить.
Казаться полубогом

Себе. И песню петь.
Потом упасть под стогом
И сладко захрапеть.
Не слышать крик кукуший,
Не знать, что из села,
Подружек не послушав,
Ты вновь ко мне пришла.
У изголовья села
На сохнувшей траве
И гладила несмело
Меня по голове.

Петр БОРОДКИН

ИЗ ЦИКЛА „ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ О БАРНАУЛЕ“

БАРНАУЛЬСКАЯ „ХОДЫНКА“

12 июня 1900 года барнаульцев потрясла неприятная новость. Афишные будки и заборы в городе украсили царские повеления о призыве запасных воинских чинов. Тревожная весть незримо и с поразительной быстротой облетела самые отдаленные уголки Барнаульского уезда.

По глухим сельским проселкам затарахтели крестьянские телеги. В них тряслись запасники, успевшие изрядно забыть опостылевшую солдатскую службу. Сидели мрачные, неразговорчивые, оттого что воскресало забытое и душу терзала неотвязная тоска от предстоявшей разлуки с привычной жизнью, насиженными гнездами, с родными и близкими людьми.

На Барнаульской пристани творилось небывалое: собрались, сбились в огромную, плотную кучу тысячи запасников и провожающих. Серый разношерстный берег казался живым: двигался и бурлил. Нестройный гул многоголосой толпы прорезали дикие вопли, плач, полупьяные голоса, тиснетно подстраивающиеся под визгливые переборы гармоной-однорядок, заунывное треньканье балалаек.

С воды из берег немо и удивленно смотрел окнами, наглухо задрапированными ребристыми деревянными жалюзи, белоснежный красавец-пароход. По борту он был щегольски перехвачен ярко-красной полоской.

Чуть ниже пристани через Обь без усталости сновал приземистый и черный от дыма и масла парободидшко. Он таскал большегрузный паром, с которого на берег выкатывали десятки подвод и щедро пополняли людское скопище у пристани. Здесь же, у паромного причала, за грубыми столами сидели офицеры и с ходу расписывали запасников по командам. В сутолоке мало кто обращал внимание на высокого, поджарого человека, одетого, несмотря на жару, со всей строгостью: серый костюм-тройка застегнут на все пуговицы, черная бабочка-галстук намертво стиснула ворот белоснежной рубашки.

Человек метался, донимал запасников вопросами и время от времени делал какие-то записи в пухлой тетради.

Неожиданно человек остолбенел. Около него появился высокий, дюжий детина, от руки которого протянулась живая лесенка: шестеро ребятишек. Старшему лет девять, младшему не больше трех

— Куда же вы с ними?

Удивление человека, похожее на участие, остановило запасника. Он ответил нехотя и чуть резковато:

— Туда же, куда и другие: на военную службу, стал быть...

— А дети? Их место дома, а не на службе!

— Где он, дом-то! Был, да сплыл, как хозяйка умерла. Считаю, два месяца тому назад. Не бросишь их, чай не волчата. А ну, выводок, шагай дальше!

Человек опередил запасника у стола, где шла запись.

— Господин поручик! Взываю к милосердию — шестеро малышей на руках вдовца!

Безучастным, строгим голосом офицер зачастил трафаретными вопросами.

— Фамилия, имя, отчество, возраст?

— Санников Мирон Савельевич. От роду тридцать два года.

— Из какой деревни?

— С дальних выселков, за Бобровкой.

Офицеру явно понравилась четкость ответов запасника.

— Молодец! Не забыл солдатской выучки! Зачисляешься в двадцать шестую команду. Проходи дальше!

— Но это же бесчеловечно!

Поручик впервые оторвал голову от стола и тотчас попытался улыбнуться.

— Ах, это вы, господин корреспондент! Извиняйте, что сразу не распознал! Ничего не могу поделать-с! С просьбами обращайтесь к самому полковнику. Он где-то там.

Офицер махнул рукой в сторону пристани и занялся очередным запасником.

У причала гуще задымил, протяжно и басовито прогудел красавец-пароход, возвещая начало посадки партии запасников. На берегу сразу же бурнее закипела толчея, хлестче занялись крики, ругань.

— Ай-яй! Пошто так давят-то!

— Ой, мамоньки, жизни лишают!

— Господа, расступитесь же!

— Двадцать шестая команда на посадку!

Никто никого не слушал. Стремительным и жарким потоком люди вливались на пароход через широкий, тяжелый трап, который угрожающе скрипел и трещал. Забивали палубу, трюм. Было видно, как от чрез-

мерного груза скрылась в воде красная полоска. Пароход, казалось, сел на речное дно. Людское нашествие приостановилось, когда, наконец, трап с пушечным треском переломился надвое.

После долгих и безуспешных поисков корреспондент все же встретился с полковником, который стоял на берегу в окружении офицеров, беспомощно наблюдавших за происходившим.

Против ожиданий полковник чрезмерно участливо отнесся к просьбе корреспондента.

— Говорите, отец шестерых детей? Нда-с! Есть поговорка: лес рубят — щепки летят! Так, господин корреспондент, кажется, писатель Шеллер-Михайлов назвал один из своих романов?

Полковник неопределенно потерял кончики седеющих усов, неожиданно и решительно скомандовал:

— Немедля вернуть с парохода того Сачникова и отправить домой! Капитан Иванков, слышите!..

По новому трапу теперь уже с парохода стремительно скатывались провожающие и те, кто не состоял в двадцать шестой команде. На берегу путь им преграждала прочная людская пробка, сзади же напирали, громко чертыхались выходявшие из себя солдаты. Поневоле с трапа приходилось плюхаться в воду, втиснуть чуть не по пояс в прибрежной илистой грязи. Оттого крепчали, неслись громче отборная ругань и безадресные проклятья.

Матросам удалось выдернуть трап из-под ног людей, покидавших пароход последними. Прощальный гудок получился протяжнее и громче, будто пароход вздыхал с приходом долгожданного облегчения.

Отчаянно заколотили колесные плицы, за кормой тугими желваками забегала вода.

Когда пароход вырвался на фарватер и пошел вниз по реке, набрав скорость, толпа с ревом сорвалась с места. В стремительном беге она сокрушала в мелкие щепки летние караульные будки, лодки-дощаники, разбросанные по берегу.

— Смотрите, какая жуткая картина! Не правда ли, толпа напоминает заклинателя, который взывает о возвращении раз и навсегда потерянного сокровища! Тысячи рук, протянутых неизвестно к кому, крики мольбы и неступления подтверждают это сходство!..

Корреспондент не закончил драматически взволнованного монолога: вокруг не было никого. Офицеры разбрелись в поисках солдат. Неизвестно куда скрылся и полковник.

В неравном состязании с пароходом толпа растягивалась, редела. Вскоре она как-то сникла, примолкла и распалась на мелкие группы.

После только что пережитого, бурного и не подвластного разуму, люди просто не знали, что делать дальше, куда и зачем идти. Они бесцельно слонялись по берегу с выражением безразличия и тупости на ли-

цах. Среди этих людей невольно выделялся человек с быстрой и беспокойной походкой. Корреспондент без труда узнал в нем Санникова. Обрадованный встречей, не заметил выражения тревоги и озабоченности на лице своего подопечного.

— Поздравляю вас с возвращением домой!

Санников вроде и не слышал сказанного. Неуверенным от волнения голосом заговорил совсем о другом.

— Выводка вот своего не найду. Тут-ка на берегу оставлял...

— Непременно найдутся дети! Сейчас я наведу справочку!

Корреспондент кинулся в сторону, где стояли два скучавших полицейских. Один из них, старше возрастом, солидно ответил:

— Трех мальцов отправили в приют для сирот до выяснения. Наверняка ваши, потому как иной отправки не было. Касательно остальных трех, то надобно на берегу смотреть. Бывает всякое.

Полицейский в подтверждение небрежно ткнул пальцем влево. Корреспондент вздрогнул от увиденного. На песке валялись четыре женских трупя, истерзанных до неузнаваемости ногами толпы.

На этот раз полицейский пояснил вкрадчиво мягко:

— Может и те ребяточки неподалеку где... ведь несмышленные и малосильные они... куда им супротив такого миру...

Ошеломленный, подавленный корреспондент сам уподобился тем людям, которые все еще шатались по берегу, и потерял из вида Санникова...

Лишь спустя два месяца, корреспондент описал события на барнаульской пристани в нескольких номерах иркутской газеты «Восточное обозрение».

«У мостков переполненного парохода, — писал он, — образовалась такая давка, что мне невольно припомнился гнетущий призрак «Ходынки».

ВСПЫШКА

На углу Соборной переулкa и Томской улицы красовался изящный и строгий одноэтажный дом Барнаульского общественного собрания. Узкие, вытянутые, всегда затемненные окна, толстые кирпичные стены верно охраняли тайны происходившего в здании от плебейской части населения. Ведь здесь часто собирался тесный круг барнаульской знати. И не только для решения самых важных вопросов жизни города. Чаще всего, чтобы поглазеть на представления заезжих артистов или просто отвлечься, забыться от повседневных дел в разнузданном веселье.

Стояла знойная, июльская пора, а окна народного собрания плотно закрыты, задрапированы так, что между тяжелыми бархатными штора-

ми-портьерами только мухе пролезть. От этого в помещении царил таинственно-торжественный полумрак.

В уютном банкетном зале заседали отцы города. На возвышении — круглый стол на точеных ножках, украшенных оскаленными львиными головами.

За столом плотным полукольцом восседал президиум. Краткую вступительную речь держал городской голова Лесневский.

— Господа! Мы собрались сюда по случаю события, которому не было равных по важности не только для нашего города, но и всей Российской империи, всего русского народа. Вот высочайший документ, только что нами полученный для широкого оглашения и безотлагательного исполнения...

Лесневский потряс бумагой. Сделал паузу, чтобы унять дрогнувший голос. Закончил с видимым облегчением:

— Его обнарудует господин Мельников...

Прокурор Барнаульского окружного суда Мельников обладал сильным и выразительным баритоном.

Над головами, глубоко запавшими в плечи, медленно-отчетливо поплыли слова. Была в них строгая торжественность, неотразимо гнеущая сила.

«Высочайший манифест об объявлении военных действий между Россией и Германией.

Божией милостью Мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, царь польский, князь финляндский и прочая, и прочая...

Объявляем всем верным нашим подданным...

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные...»

С каждым словом прокурорский голос крепчал, набирал силу. Шеи у людей вытягивались. На лицах проступали пятна гнева и возмущения, то мертвенно-бледные, то рдяно-багровые. На губах, словно накрепко зашнурованных, — разливы синевы.

«В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри... да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага...

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое...»

Первым сбросил путы оцепенения владетельный барнаульский купец Смирнов. Его торговый пассаж затенил в городе другие купеческие заведения. Он не уместился в целом квартале по Московскому проспекту, загнул концами на улицы Пушкинскую и Кузнецкую.

Универсальный магазин Смирнова до отказа набит русскими и за-морскими товарами — от иголки до самых дорогих ювелирных изделий.

Над магазином размещался Русский для иностранной торговли банк.

Поборов возмущение, Смирнов заговорил размеренно-спокойно:

— Я так думаю, господа, что с мобилизацией в Барнауле образуется скопление запасников. Внутренние распри, о которых говорит высочайший манифест, могут возникнуть и в нашем городе. Я прежде всего за то, чтобы местная администрация, особенно полиция и воинские власти, не разжимала кулака.

Владелец пивоваренного завода Ворсин горячо поддержал Смирнова и высказался более конкретно. В памяти заводчика не стерлись события 1905 года.

— Главное, господа, в том, чтобы обезопасить собственность от возможных посягательств. Только при том сохранится в столь ответственный момент нужный для нас порядок.

Не удержался от рационального предложения и уездный полицейский исправник Григорьев. Кого другого, а его больше всего беспокоило предстоящее.

— Господа, часто смуты народные возникают там, где пьянка. Предлагаю не выдавать призванным в местах скопления кормовых денег. Всякие беспорядки подавлять воинскими силами в самом зародыше.

Начальник барнаульского гарнизона полковник Стажевский, слышавший за либерала, пояснил глухим, чуть раздраженным голосом:

— Касса воинского присутствия совершенно пуста. Гарнизон не располагает достаточными силами...

Возникшим пересудам положил конец жандармский ротмистр Назаревский.

— Война есть война, господа. Она не терпит малейшего замешательства. Высочайший манифест надлежит привести в действие и немедленно.

Ротмистр пыхнул в лицо уездного исправника ароматным папиросным дымом.

— Думаю, что мы с вами обеспечим надлежащий порядок. Не так ли?

Самонадеянность ротмистра не рассеяла подавленного настроения исправника. Вопрос остался без ответа.

Прибывших запасников власти размещали на окраине города в полуразвалившихся бараках, заброшенных, замшелых сараях.

Осмотревшись, запасники густыми потоками хлынули на центральные улицы города. Поражала внушительность купеческих заведений. От обилия товаров в них и пустоты в карманах запасники постепенно мрачнели. Дольше обычного задерживались возле хлебных и колбасных ла-

вок. Вид соблазнительно вкусной пищи растревлял пустые желудки. Стоило больших усилий обуздать разыгравшиеся аппетиты.

За городом запасники вплотную подступили к ограде винного склада. От людского скопления тесно — дождевой капле некуда упасть.

У склада разговоры заводились разные.

— Почему кормовых денег не дают?

— Доколе вместо хлеба пальцы грызть!

— До фронта не дотянешь — желудок, как сорванный лопух на солнце, посохнет!

На кирпичном столбе высокого забора сидел запасник внушительной наружности: с красивым лицом, четко оттененным черной, с первыми сединами бородой; широкоплечий и, судя по свисавшим ногам, высокий.

Возле бородача гуще толчея. И разговоры здесь были иные.

— Скажи, Потапыч, как она, война с ерманцем, придется солдату?

— Скажу одно — не сладко! Порт-Артур, братцы, у меня в трех местах засел.

Бородач указал на грудь, правое и левое бедро.

— А с ерманцем посерьезнее драка будет. В ней не то, что царапина, а руки, ноги не в счет. Голову дай бог сносить.

Запасник, протиснувшийся к забору из середины толпы, подковыристо съязвил:

— Пророк явился! Откуда тебе-то знать!

Потапыч с достоинством, умело осадил:

— Если грамотен, пропиши, как меня зовут. Если нет, возьми на память. Когда жарко придется, вспомнишь.

Внезапно толпа захохоталась, зашумела, словно порывистый ветер рванул над головами. У ворот послышался лязг сбиваемых замков. Потом все заглушил победно-торжествующий рев.

— Пей, братва, сколь душа желает!

— Хоть и голодно, зато весело!

Над толпой запрыгали, заблестели на солнце, отливая холодной стеклянной зеленью, бутылочные, четвертные посудины.

— Бра-а-тцы! Не берите водки! Только и проку, что начальству руки развяжете! Не бе-ри-и-и-те!

От оглушительного голоса Потапыча лишь на какой-то миг унялась было толпа, потом разразилась озлоблением.

— Чево-й-то не брать-то!

— Не дают, сами возьмем!

— Все равно головы складывать!

Из конторы склада высыпала полурота солдат. Офицер долго и растерянно пучил глаза на хмельшую толпу. Солдаты стояли в разомкнутом строю, отдельными кучками — не ощущали твердой руки. По их ли-

цам и разговорам угадывалось далеко не воинственное настроение. Толпа еще больше утвердилась в своих намерениях.

От прикосновения к плечу офицер вздрогнул, как ужаленный, и резко обернулся назад. Перед ним стояли жандармский ротмистр, прокурор, уездный исправник и несколько полицейских.

— Что же вы, голубчики, созерцаете? Действовать надо.

С офицера, как пыль ветром, сдуло растерянность. Приосанившись, ответил с независимым видом:

— Я подчиняюсь только приказу начальника гарнизона. Самовольничать и играть с оружием не собираюсь!

— Понятно, откуда ветер дует, — многозначительно сказал ротмистр, — впрочем, без вашей помощи обойдемся.

— Бесконечно благодарен. Желаю успеха! Вам-то что, господин ротмистр, а мне с сегодняшними запасниками, неровен час, воевать придется.

Офицер повернулся к солдатам, построившимся без команды.

— Полуро-о-та! На выход через помещение шта-а-гом арш!

Гремел баритон прокурора, на высоких срывающихся тонах дрожал голос ротмистра:

— Прекратите бесчинства!

— Арестую, засужу по законам военного времени, на тюремные тюфяки переделаю!

Толпа взорвалась от смеха.

— Ха-ха! Охо-хо! Ну и сказанул! Шел бы подобру-поздорову, вышескобродь. Больно хлипкий ты супротив силы народной. Не выстоишь, раздавят, как яичную скорлупу!

Вконец вышедший из себя ротмистр выхватил револьвер.

— Расходись! Иначе стрелять буду!

Те, которые стояли вблизи, было попятиться назад, замерли. И не столько от страха, сколько от затаенного ожидания.

Эффект угрозы захватил ротмистра, за спиной которого готовилась расправа.

— Расходись же, предупреждаю в последний раз!

Один из запасников разбил о голову ротмистра тяжелую четвертную бутылку.

— Не погнучайся, испей, вышескобродь! За компанию!

Ротмистр безмолвно осел на землю, обливаясь кровью, смешанной с водкой.

— Нас не запугаешь игрушкой! Бей его!

И снова голос Потапыча заглушил рев толпы:

— Не трожьте ротмистра! Какой в том толк! Не тро-о-жьте!

В минуты замешательства толпы полицейские поспешно унесли избитого до потери сознания ротмистра в помещение.

По толпе пронеслись новые призывные всплески.

— В город пошли!

— Поили, закусить впору!

— По-о-шли!

Винный склад горел, неизвестно кем и как подожженный. Рвались бочки со спиртом. Под грохот взрывов толпа через ворота выплескивалась на простор.

— Бра-а-тцы! Опомнитесь!

Голос Потапыча не оказал и минутного отрезвляющего воздействия на толпу.

Не час, не два гуляли запасники по городу. Вламывались в магазины, настезь гостеприимно раскрывали двери для горожан — бери, что душа просит!

Ночные сумерки прорезал огонь.

Горел пассаж Смирнова, пристанские пакгаузы, дома компаний по закупке сибирского масла на Луговых улицах, мануфактурные склады купцов Морозова и Сухова.

Треск и шипение огня укротили винтовочные залпы воинских подразделений, присланных в Барнаул по приказу командующего военным округом.

Исправник Григорьев, дом которого чудом уцелел от огня, доносил Томскому губернатору, что под его руководством только в одном пассаже Смирнова убито 10 и ранено 102 человека. Люди, погибшие в доме от того, что с началом пожара были опущены железные жалюзи-шторы, в счет не шли. Ничего не говорилось и о количестве арестованных.

На другой день над Барнаулом плыли облака дыма, едкие удушливые запахи гари. Запасников в спешном порядке формировали в команды, увозили из города. Потапыча сжимало упругое людское кольцо. Запасники говорили, как на покаянии, глухо, с виноватыми лицами.

— Прав ты. Нашумели, начудили, а что из того...

Сначала Потапыч угрюмо отмалчивался, потом отмяк и вразумил:

— Ежели заваривать кашу, то настоящую и не так.

— Это как же?

— Время подскажет. Узнаете.

НИНОЧКИН РАЗЪЕЗД

К землям отдаленным,
Что ни день — подряд,
Мчали эшелоны
Молодых ребят.

В Красноярск,
Акмолинск
И в Алтайский край...
Пели ветры в голос:
«Хлопцы, выбирай!..»

А в степи звенели
Сталью топоры.
По ночам горели
Красные костры.

Их дожди гасили,
Жадные до тьмы,
Ветры уносили
За собой думы.

В той степи целинной
С раннего утра
Бороздою длинной
Плыли трактора.

Давней той порою
Там, где степь окрест,
Был тогда построен
Путевой разъезд.

Крытый свежей краской,
Как игрушка весь,

Домик с крышей красной—
Стрелки подле рельс.

Точкою невзрачной
Встал на карте он,
Цифрою трехзначной
В ней определен.

И на «точке» строгой
К празднику как раз,
Как открыть дорогу
Дочка родилась.

Собрались ребята —
Каждый придет,
Вроде для парада,
Как бы на банкет.

Спорили, молчали,
Кто-то напевал.
И сказал начальник
Нужные слова.

— Эти цифры, с ними —
Взвоешь от тоски.
Дать разъезду имя
Надо, по-людски.

Сделался серьезен.
— Как считаешь, мать?
Надо нам разъезду
Имя дочки дать!

И в ответ ребята
Хором, без речей
Подтвердили: «Надо —
Как подарок ей!..»

Поезда дорогой
Мчатся сквозь леса.
Их гудков далеких
Слышны голоса,

И, как прежде, ветер
Вдаль несет дымы...

Вырастают дети,
И стареем мы.

В памяти, известно,
Есть в былое дверь.
Только ведь невеста
Ниночка теперь.

И, пожалуй, в мире
Нет таких невест —
Лишь один, в Сибири,
«Ниночкин разъезд»!..

ЛЕС

Здесь тишина огнем опалена,
Здесь каждый ствол контужен и изранен.
А новый лес, когда прошла война, —
Своим цветеньем беззаботным странен.

Он шелестит веселою листвою
Среди дубов, погибших молчаливо.
Он не слышал снарядов хриплой вой,
Не падал, как подкошенный, от взрыва.

Его судьба жестокой не была,
Он не стонал, обугленный когда-то,
Ему живые корни не секла
Трагическая солдатская лопата.

Но в нем, зеленом, тот былой воскрес
В тиши озер, заросших буйной ряской.
И все зовут его, как раньше, — лес,
С почтеньем величая — Партизанский.

И знает он, листвою вновь одет,
Как внук, который видит раны деда,
Что стоит жизнь, и этот солнца свет,
И светом тьму рассекшая — победа!

* * *

Городские люди,
Вы в ночном не зябли.
Пеньем не разбудит
Поутру вас зяблик.

Звезды перед вами,
Будто просьбе внемля,
Не прольют свой пламень
Искрами на землю.

Не пахнет вам клевер
Медом на покосе,

Перед вами в гневе
Не закружат осы.

Не бродить лесами
Первой вам порошей.
Ваших рук губами
Не коснется лошадь.

Зимней ночью снится
Вам она не будет —
Спелая пшеница,
Городские люди.

Виктор КИРЯСОВ

СЧАСТЛИВЫЙ ХАРАКТЕР

О черк

— А чего это тебя в Буян потянуло? — уже в самом конце пути удивился вдруг Иван Афанасьевич Анциферов, шофер, везший меня из Крутихи в колхоз имени Кирова, мой давний знакомый. — Или наш колхоз разонравился?

Да вот, отвечаю, есть у них комбайнер, Леонид Волков. Семнадцать тысяч центнеров намолотил за сезон, в Сибири такого результата еще никто не добивался. Еду познакомиться с ним. Но только помнится мне, говорю, что я с ним уже знакомился лет шесть назад. Тогда у них Александр Соколкин десять с лишним тысяч намолотил. А Волков вроде бы соревновался с ним и был вторым или третьим.

— Хо! А я так его отлично знаю, — оживился Иван. — Его больше Алексеем зовут, Леонид — это для паспорта. В 1966 году — я еще тогда в «Сельхозтехнике» шофером был — отвозил я от его комбайна зерно. От это парень, скажу тебе! Звереет на работе. Он тогда больше одиннадцати тысяч выдал. Первым и по колхозу, и по району оказался. Работящ, сметлив, к технике громадное прилежание. И не то чтобы только для себя старается, рвачом его никак нельзя назвать. Бывают такие среди передовиков. Алексей — душа-человек. Отбуксировать ли кого надо, в ремонте или запчастью помочь — он завсегда готов... И вот, слышь, какой тогда у нас эпизод вышел. Приезжает к нам как-то начальство из Камня, кто — не помню уж, шут его знает, во время уборки много всякого народу бывает. Да... А с нами работали ставропольские комбайнеры. Один, старший, однако, Звезду Героя имел. Но надо сказать, наши им ни в чем не уступали. Так вот он, старший ставрополец, и говорит приехавшему начальству:

«Обратите, говорит, самое серьезное внимание вот на этого парня. Это на Алексея, значит. Я, говорит, всю уборку за ним наблюдаю. Спирной, затылком агрегат чувствует. И большую добросовестность имеет во всем. Из него, говорит, классный комбайнер выйдет, если на него серьезное внимание обратить».

Не знаю, обращали или нет на Леху внимание, а геройский комбайнер из него вышел однако... Ну, вот и приехали, это их, кировское, правление. Вылезай, мне обратно скорей надо.

— Постой, раз ты его хорошо знаешь, тогда Расскажи мне о нем побольше...

— Некогда, — перебил Иван. — А рассказать тебе тут о нем как-дый расскажет сколько хочешь. Не сумлевайся.

И уехал.

А я действительно очень много услышал о Леониде Ивановиче Волкове.

СЕМЬЯ

По праздникам, а часто и в банные дни семья Волковых собирается у одного из братьев. Их четыре брата, и все они механизаторы широкого профиля. Старший Николай и младший Александр работают шоферами, а Алексей и Иван — комбайнеры.

Обязательно присутствуют при сем мать и сестра Ольга, самая младшая в семье. Она было тоже недавно на курсы шоферов хотела по-даться, да в последний момент передумала, коров жалко бросать.

— Ладно, — сказали ей на это братья, — дояркой тоже хорошо, самое женское дело.

В минуты таких семейных сборов мать любит исподтишка осмотреть на своих сыновей. Все они рослые, широкоплечие, прямо-таки богатыр-ский у них вид. А когда после бани придут и сядут за стол, румянец у каждого так во всю щеку и играет.

И как это мне удалось вырастить орлов таких, думает с тихой ра-достью, каждый раз удивляясь. Время-то какое тяжелое было. В войну росли, всю силу голода испытали. Да и потом долго нелегко было.

С Алексеем вот чуть беда не случилась. В первом классе еще за-болел. Так тяжело, думала, и не выживет.

Нет, выжил, и несмотря на скудную еду, стал подниматься и на-ливаться силой, как молодой дубок. После шестого класса пошел он вслед за Николаем работать в колхоз, чтобы помочь ей прокормить младших. Мешки таскал наравне со взрослыми. Все боялась, что надо-рвется.

Теперь все четверо выровнялись, один к одному. И особенно радует мать, что все они остались в родном поселке, на родной земле, которая помогла ей вырастить их, вспоить и вскормить.

По селу за братьями Волковыми укрепилась слава молчунов, людей положительных, спокойных, невозмутимо рассудительных.

— Повезло молодухам, — судачат в Буяне женщины. — Сами они,

как одна, боевые, за словом в карман не полезут, иной раз и зря шумят. А мужики им достались — золото. Дурного слова ни один не скажет, пальцем никого не тронут.

Но на этот раз, когда Леонид вернулся из Барнаула, оживленно чувствовали себя все. Николай, которому Леонид еще раньше рассказывал о поездке, теперь излагал приключения брата по-своему.

— Ну, позвал его Анатолий Матвеевич (это председатель колхозного правления Тригуб) и говорит:

«Никитенко, наш районный профсоюзный бог, звочил. Оформляй командировку, поедешь с ним в край. Он тебя в Камне ждет».

В Камне Никитенко уже не было, уехал на машине в Барнаул, а Алеше наказал двигаться поездом. Велел передать, что встретит на вокзале.

Приехал наш активист — никто не встречает. Часа два, однако, прождал с утра-то. Ну, думает, самое время заседать, если для этого вызвали. Да вот беда, города не знает...

Подходит к таксисту.

— Подвези, — говорит, — к этому... к дому Советов или Союзов, что ли...

— Нет, — отвечает тот, — маршрут не туда.

Достаёт тройку, таксист соблазнился, повез. Возил, возил — привез в крайисполком. Смотрит Алексей — все раздеваются, он тоже. Народу в коридорах полно. Обращается к одному седому, представительному:

— Вы тут наших каменских, делегацию то есть, не видели?

Тот говорит:

— Поднимись этажом выше, зайди в зал заседаний, спроси, может там.

Зал нашел, а Никитенки нет. Оделся — и на вокзал. До него, оказывается, минут десять ходу, не то чтобы за тройку. Дождался поезда — и домой.

Все весело смеются, и Леонид вместе со всеми.

Мать тоже улыбалась, а про себя думала: «Вот ведь какой! Уж, конечно, там не так было. Алексей своего добьется и зря никуда ездить не будет. Да и таксиста, пожалуй, баловать не станет.

Николай все придумал. А он хотя бы для вида рассердился».

ЗИМНИЙ ТРАКТОРИСТ

— Воля у Леонида Ивановича железная, характер — кремень. С другой меркой к нему не подойти.

Это утверждает Анатолий Матвеевич Тригуб, колхозный председатель.

— И вот пример. Комбайнером Волков во время уборки работает. В остальное время — на тракторе. Весной — на севе и обработках. А в основном он у нас так называемый зимний тракторист. Что значит работать зимой на тракторе, многие знают. А кто работал зимой 1968—1969 года, когда в течение почти трех месяцев стояли сорокаградусные морозы, тот вполне познал, почему фунт лиха. Волков же тогда в буквальном смысле слова спас и колхоз, и население.

Председатель несколько не преувеличивает, все именно так и было.

Зима в тот год обрушилась неожиданно суровая даже для здешних широт Сибири. «Лет сто, однако, такой не было», — кричали, натянув тулупы, старики.

А углем не удалось, как это нередко бывает, по теплу обеспечить в достатке ни колхозную котельную, ни школу, ни население. Буян, надо сказать, стоит в безлесой степи. Только с севера его окружает небольшой березовый колок. Но там сельчане не срубят ни одного деревца. Это — украшение поселка и любимое место отдыха.

В правлении задумались: что делать? На угольных складах в Камне пусто, гортоп отпускает уголь маленькими порциями. Ну что ж, решили мы, и это выход в таком положении.

Но только кому поручить это нелегкое дело? Не каждый возьмется, да и не каждый сумеет. Посудили, порядили и сошлись на том, что кроме Волкова — больше никому.

Закрепили за ним трактор с мехлоснатой, приладили на сани короб.

— Ну, выручай, Алексей! На тебя вся надежда.

Часов в пять утра, укутавшись в тулуп, выходил Алексей из дома, когда самая лютая стужа сковывала воздух и звонко постреливали в избах смолистые бревна. Шел к трактору, умудрялся завести его и часов в шесть уже выезжал в Камень. Там обычно в течение всего дня соскребал на дворе гортопа угольные крошки вместе со щепками и снегом, перекидывая их в короб. И так до тех пор, пока короб не наберется полный. Редко удавалось пожить добрым угольком.

Домой возвращался нередко за полночь. И все равно его ждали. Люди с ведрами, мешками, корзинами, кошелками, салазками встречали трактор километрах аж в четырех-пяти от села. И пока он подъезжал к котельной, половина, а то и большая часть угля из короба уже была разобрана. И так изо дня в день в течение почти всей зимы.

Поначалу ему удивлялись. Главное, знатоки предсказывали, что трактор, который ему выделили, должен был чуть ни в первую поездку развалиться. Но он, на удивление знатокам, не разваливался, ходил себе и ходил, а в кабине со временем даже тепло появилось.

— За ту зиму, за тот подвиг его наши колхозники готовы единогласно проголосовать за присуждение ему Звезды Героя, — заключил рассказ председатель.

СЛУЧАЙНОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Анатолий Александрович Гусарь, колхозный парторг, в приподнятом настроении ехал в поле к Волкову. Предстояло рисовать на бункере его «Сибиряка» очередную, одиннадцатую звездочку. Уборка едва перевалила за половину. Если и дальше так пойдет, размышлял Гусарь, то и новое обязательство — намолотить 13 тысяч центнеров зерна — Волков намного перевыполнит.

Эта часть алтайского Приобья, где расположен колхоз имени Кирова, пожалуй, самая трудная для земледелия зона края. Пашни здесь много. Но весна наступает, как правило, позже, а дождливая осень приходит раньше, чем в других районах. Поэтому искусство механизаторов здесь играет решающую роль.

Уборка 1970 года радовала тучным колосом. И именно поэтому особенно остро ощущалась тревога за судьбу выращенного великим трудом урожая. Был конец августа, вот-вот должны были начаться осенние дожди и через месяц зазимки, а хлеба еще не подошли.

В районе разработали условия соревнования для всех занятых на уборке. Особая ставка была на комбайнеров. Ориентир для каждого — выдать из бункера не менее 12 тысяч центнеров зерна. Рубеж, которого из-за сильно сжатых сроков уборки еще никто не достигал. Победителю награда — мотоцикл «Урал».

Гусарь помнит, как однажды уже в разгар уборки открыл он районную газету, а там черным по белому было написано: «Первенство в районном соревновании комбайнеров удерживает сейчас... (называлась фамилия и хозяйство), он уже намолотил 4800 центнеров хлеба». Да как же это так, начал возмущаться Гусарь, Волкову вечером надо будет уже восьмую звезду рисовать, всего на полтысячи отстает от него Володя Чепелин, а они там с пятью тысячами за передовиков кого-то выдают. И он кинулся в поле к Волкову.

— Алексей, тринадцать тысяч намолотишь?

— Как погода, а то и больше дам.

— Тогда будем в газету обращение готовить. Пусть и другие за тринадцать тысяч борются

— Стоит ли шум поднимать? А вдруг что случится?

— Не о себе думай. Видишь, уборка какая трудная? Твой призыв и других подхлестнет. Хлеб надо спасать.

Обращение опубликовали. Волков поднажал еще больше. Что ни сутки, то у него новая звезда на бункере. В иные дни за световое время более 800 центнеров отгружал. Обслуживали его два шофера: брат Николай и Юлий Баженов. Они только головами покачивали от удивления и мотались от комбайна к току, как угорелые.

Раньше Волкова у комбайнов никто не появлялся, позже его никто домой не уходил. Гусарь к его агрегату приезжал чаще, чем к другим. Парторгом он был всего месяц, до этого одиннадцать лет проработал в колхозе главным инженером. Его увлекала работа Леонида и с чисто профессиональной точки зрения.

Волков был старшим в группе комбайнеров. Иногда вся эта группа из девяти комбайнов работала на одном поле. Волков, как правило, ходил первым. Особенно, если поле трудное, с косогорами, со сложной конфигурацией. Таких полей в колхозе хоть отбавляй.

Идет Волков, скоростями варьирует, где притормозит, где прибавит газу. Остальные в точности повторяют его маневры. Потому что знают: Леонид все делает с расчетом, с умом. Очень рационально работает, прямо хоть научную организацию труда с него копируй.

Да, многое отличает Волкова от других комбайнеров. Видел и понимал Гусарь, что он не просто хорошо знающий и машину в целом и каждый агрегат в отдельности механизатор. Он их буквально чувствует, ощущает в работе.

Вот с такими приятными мыслями, а оттого и в приподнятом настроении ехал колхозный парторг в поле к своему коммунисту Леониду Волкову рисовать одиннадцатую звезду.

Размышления прервал близкий рокот комбайна. Он посмотрел вперед на дорогу и увидел сам комбайн, мчащийся навстречу на предельной скорости.

— Стой! — резко тормознув, Гусарь поднял руку. Сердце у него тревожно екнуло. С мостика прыгнул Волков и застыл в понурой позе.

— Что случилось?

Волков только рукой махнул, но Гусарь уже сам увидел: обрезало вал главного контрпривода. Это была беда. Машина весом около полутора центнеров могла лопнуть только в результате заводского брака. Так и оказалось.

— Я когда первый раз завел комбайн и пустил молотилку, он мне сразу не понравился, — заговорил, наконец, Волков. — Чувствую, что не должен он так бить. Пошел к Чепелину — у него нормально. Обошел остальных, у них тоже нормально. С Володькой ломами его попробовали — закреплен вроде бы хорошо. Надо же, из всех шести один мой такой оказался.

И попробовал пошутить, но усмешка вышла горькой:

— Говорил же, Анатолий Александрович, чтобы не ставили на моего «Сибиряка» тринадцатый номер! Поневоле начнешь в приметы верить.

— Ну, вот что, — к Гусарю вернулась решительность. — Я в контору, буду звонить в «Сельхозтехнику». Такие валы вряд ли у них есть. Но в мастерской должен еще старенький «Дип» работать. Только на нем

этот вал по длине уляжется. Будем реставрировать. А ты давай жми в Буян, разбирай агрегат.

Волков разобрал узел минут за пятнадцать, и вал увезли в Крутиху. Все это было часа в три дня, а в девять вечера вал, благодаря распорядительности и настойчивости парторга, уже сгрузили около комбайна. На него в месте среза наварили втулку, а затем проточили.

Волков с братьями Николаем и Иваном принялся за сборку. В четыре тридцать утра комбайн был готов, а в шесть Леонид уже уехал в поле.

Через два дня вал по стыку опять разошелся. Но к этому времени уже удалось найти новый.

А тут случилась еще одна поломка, тоже обидная и непредвиденная. У СК-3 и СК-4 таких никогда не бывало — лопнул пополам вал наклонно-плавающего транспортера. К счастью, у «Сибиряка» он точь-в-точь такой же, заменить его было чем. Только с ним пришлось провозиться всю ночь. Утром Гусарь даже обругал ретивого комбайнера:

— Ты спал нынче?

— Спал.

— Что болтаешь! Тебе, такому чумазому, жена подушку-то не дала бы.

— Да я в бункере.

— В такой-то холод?! С ума сошел! Все. Теперь сам буду следить, чтобы ты вовремя с работы уходил и выходил не спозаранку, когда и делать-то еще нечего.

Вскоре бухгалтерия дала справку: Волков намолотил 13052 центнера зерна. Тут его вызвали в правление.

— Просят тебя в Долганский совхоз. Мы теперь и без тебя управимся, а у них худо. А ты им, кроме всего прочего, и моральную поддержку окажешь. Поседешь?

Он поехал. Работать там было хуже, подводили шоферы. Случалось, за день только по три бункера выгружал. Но тем не менее сумел еще четыре тысячи намолотить.

Так родился новый сибирский рекорд.

МОЖНО. ВСЕ МОЖНО!

Втроем сидим в кабинете у Гусаря.

— Письмо-то читал, Алексей? На, вот, — парторг протянул ему конверт. — Гаврилов прислал из Красноярска, главный конструктор комбайнового завода.

Волков углубился в письмо.

— О поломках обязательно надо написать, их вина, — сказал, прочитав письмо, Волков. — Да и не только о них. Вообще-то комбайн неплохой. Честно говоря, я и не думал, что мне нынче «Сибиряк» вырешат. Ведь мой-то еще, как часы, ходил, хоть и проработал я на нем три года без единого ремонта.

— Ну, тебе в любом случае дали бы, — перебил его Гусарь. — Кому, как не тебе, новую технику осваивать. Ты вон как раскрыл его возможности. Ведь никто не ожидал такого рекорда.

— Я с 1956 года на комбайнах работаю, считай, десять лет, если службу на границе вычтешь. Как техника за это время изменилась! Когда меня после училища на С-4 посадили, главной силой считался прицепной «Сталинец». Старики только его признавали, а на самоходки молодежь, вроде меня несмышленного, толкали. Ну и мучились мы. Мотор слабенький, молотилка узкая. Чуть масса побольше, слышишь — предохранительная муфта затрещала. Берешь лом — барабан проворачивать.

Алексей все больше и больше оживлялся. Видно, любимой темы коснулся.

— Когда СК-3 появились, считали — лучше комбайна уже и не придумать. Потом СК-4 пришли, а вот теперь «Сибиряки». Мотор мощный, два барабана... Знаете, как-то в дожде подошел ко мне Володька Чепелин и говорит:

— Давай попробуем, как он сырые вапки брать будет!

— Давай.

Подтянули немножко деки, подрегулировали с учетом на сырую массу и пошли. Через несколько метров остановились, проверили — не хуже чем в ведро получается.

Потом еще прошли, еще — и опять неплохо. Правда, зерно сырое. Но при нужде лучше, чем если будет ждать свой черед в валках, пока не прорастет... Сырое-то можно высушить.

— Постой, постой, — беспокойно заерзал на стуле Гусарь. — Ты на завод собираешься писать, ты не с прошлым сравнивай, а вперед смотри. Все недостатки перечисли, чтоб машина еще лучше была.

— Недостатки есть. Крови они нам, «Сибиряки», попортили много. Очистку у них надо переделывать. Грохот плох. Зерно не протрясается, идет в солому. Тут то ли клавиши надо удлинить, то ли число оборотов прибавить...

— Так вот, давай обо всем этом и напишем на завод, других ребят поспрашиваем, — загорячился Гусарь, в котором заговорил не только парторг, но и инженер.

И они углубились в свой, одним им понятный, специфический разговор о звездочках, о разгрузке одних валов и дозагрузке других и прочем.

Когда они немного поутихли, я спросил:

— Леонид Иванович, а больше семнадцати тысяч за нашу короткую сибирскую осень можно намолотить?

Он ответил, как мне показалось, очень буднично, чересчур спокойно:

— Конечно, можно. Больше двадцати можно дать.

* * *

В нынешнем году в жизни Леонида Ивановича Волкова произошло два больших события. Он награжден орденом Ленина. Народ, для которого он трудится, избрал комбайнера депутатом в Верховный Совет СССР.

Он и впредь будет пахать землю, сеять, выращивать и убирать хлеб — делать самое великое, самое нужное для людей дело. И делать не как-нибудь, а по призванию, талантливо, с богатырским размахом. Отсюда и его уверенность и уверенность в нем.

Все это было в прошлом году, и рекорд Волкова по намолоту ушел в прошлое. Он нынче побит по крайней мере десятью комбайнерами.

Перед началом страды комбайнер из Родинского района Семен Вдовин послал Волкову от имени своих товарищей вызов. Он сообщил, что родинцы идут на побитие его рекорда.

Не сразу дал ответ Леонид. Он знал, что в Родине уборку начнут на неделю, а то и на две раньше. Так и получилось. Ходили слухи, что и урожай там нынче повыше, чем на каменных полях. И это подтвердилось: родинские хлеборобы намолотили на круг по 19 центнеров, а каменные — по 17,6.

Было над чем подумать. И только когда начал уборку и сумел уже за первые пять дней намолотить 4700 центнеров зерна, послал ответ: вызов принимаю, тоже иду на побитие рекорда!

И даже в этом случае надо подивиться смелости и уверенности Леонида. Ведь его соперники С. Вдовин, П. Кошкин, Г. Петкау, Н. Суслин из совхоза «Степной» к этому времени уже имели на бункерах по 13—10 звездочек.

И вот подведены итоги. Лучшим комбайнером края стал Петр Кошкин, намолотивший за сезон 23486 центнеров зерна. Леонид немного отстал.

Что ж это, поражение? Нет, это новое, еще более значительное достижение. Ведь Леониду приходится работать в условиях с повышенной трудностью по сравнению со степной Кулундой. О том, что там полевые работы, и прежде всего уборка, начинаются раньше и что урожай там нынче оказался выше, уже говорилось. К этому следует добавить, что там и погодные условия для жатвы благоприятней, ровней поля, почти

идеальна их конфигурация. А каменское Приобье — это косогоры, поля с частыми вкрапинами березовых колков. Прямой гон здесь удается сделать редко. Весна наступает позже, осень с дождями приходит раньше. А как важно это для производительности труда!

Всю нынешнюю страду Волков был маяком для соревнующихся комбайнеров, на него равнялись. Каждому постоянно хотелось знать, как дела у рекордсмена? И если кто-то узнавал, что он впереди Волкова, то это придавало ему сил и он нажимал еще. А если кто чуточку отставал, то непременно пытался догнать и перегнать. Еще бы, честь большая — победить самого Волкова!

Благодаря соревнованию высокая выработка на комбайн стала нынче в крае массовым явлением. И именно это помогло в небывало короткий срок и без потерь убрать большой алтайский хлеб.

Ну, а сам Леонид Иванович считает, что он еще не сказал своего последнего слова. Правильно считает. Он молод, впереди у него большая трудовая жизнь. А к труду коммунист Волков относится творчески. И это будет служить залогом его дальнейших успехов.

Колхоз имени Кирова,
Каменский район,
Алтайский край.

А. ЛУШНИКОВ

ДОСТОЕВСКИЙ НА АЛТАЕ

[К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ]

11 ноября 1971 года исполнилось 150 лет со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского. Спустя сто лет произведения Достоевского продолжают волновать читателей, потому что в них писатель со всей остротой поставил и мучительно пытался разрешить извечные проблемы человеческого бытия. Каждому мыслящему человеку Достоевский дорог своей неустанной борьбой за справедливость, за победу сил добра над силами зла, за человеческое достоинство «униженных и оскорбленных». Достоевский близок и понятен нам своими нелегкими поисками истины, поисками, во время которых было совершено немало ошибок, но сделаны гениальные открытия. По словам Виктора Шкловского, «Федор Достоевский был одним из величайших открывателей мира».

Мы, конечно, решительно отвергаем те, подчас реакционные выводы, к которым пришел писатель в результате своих религиозных исканий. Но мы с еще большим уважением относимся к Достоевскому, видя, что это отнюдь не составляет его духовной сущности. Главное в Достоевском — не знающая предела в своей мощи бунтующая мысль, которая органически чужда религиозной умиротворенности. Титаническая работа мысли и могучий художественный талант писателя создали гениальные произведения, значение которых необычайно велико и в наши дни.

Именно поэтому 150-летний юбилей гения мировой и русской литературы — величайшее событие в культурной жизни всего человечества. И в юбилейный год с особенной гордостью думаешь о том, что история нашего родного Барнаула и нашего края связана (пусть весьма незначительно) с именем Федора Михайловича Достоевского.

За участие в революционном кружке Петрашевского Достоевский был осужден «в каторжную работу в крепостях на четыре года, а потом рядовым». В январе 1850 года писатель прибыл в Омский острог. Не владевший каким-либо ремеслом, он был зачислен в разряд чернорабочих и все четыре года отдал тяжелейшему труду в невыносимых условиях.

«Надо поражаться, как не погиб здесь писатель», — замечает М. Н. Гернет в «Истории царской тюрьмы».

В феврале 1854 года Достоевский, отбывший полный срок каторги, был направлен в Семипалатинск для несения службы рядовым в Сибирском 7-ом линейном батальоне.

Здесь жизнь писателя также была беспросветно тяжелой. Солдатчина давалась ему с трудом, так как Федор Михайлович ненавидел процветавшую в царской армии бессмысленную военную муштру.

К тому же писатель переживал глубокий духовный кризис. Расправа над петрашевцами, четыре года нечеловеческой каторги подорвали волю Достоевского, заставили его дрогнуть идейно, впасть в отчаяние.

Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов в Семипалатинске.

И вот, в столь трудные для него дни, к Федору Михайловичу пришла любовь. Мария Дмитриевна Исаева была замужней женщиной, женой мелкого таможенного чиновника. Больной алкоголизмом, Исаев мучился сам и мучил жену. Он часто оставался безработным, что обрекало семью на жалкое существование. Исаев отчасти послужил Достоевскому прообразом Мармеладова.

Мария Дмитриевна, как и Достоевский, была глубоко несчастна, так же, как и он, страдала. Это сблизило их.

«Это ангел божий, который встретился мне на пути, и связало нас страдание», — писал Достоевский своему брату.

Вскоре семья Исаевых переехала в Кузнецк.

К тому времени в жизни Достоевского произошли некоторые перемены. В Семипалатинск прибыл молодой прокурор А. Я. Врангель. Врангель был человеком либеральным, к тому же увлекался литературой. Пять лет назад он присутствовал на спектакле казни петрашевцев, сокрушался об участи Достоевского, произведения которого знал и любил.

И теперь, оказавшись в Семипалатинске, на посту областного прокурора, немало сделал, чтобы облегчить жизнь Федора Михайловича, с которым тесно сдружился.

Достоевский был избавлен от многих тягот солдатской жизни. Он получил возможность встречаться с местными интеллигентами, в том числе с казахским ученым-просветителем Чоканом Валихановым, которого знал еще в Омске.

Федор Михайлович остро тосковал по любимой женщине. В своих письмах он умолял ее о свидании. Наконец, договорились встретиться в алтайском городе Змеиногорске — на дороге от Семипалатинска к Кузнецку. Достоевский отправился туда вместе с Врангелем. Из Семипалатинска пришлось выехать тайком: Федор Михайлович не смог получить даже кратковременного отпуска. Дорога была каждая минута, друзья спешили. В Змеиногорске выяснилось, что напрасно. Мария Дмитриевна прислала записку — болен муж.

Через некоторое время Достоевский получил официальное разрешение на поездку в Змеиногорск и вновь договорился с Исаевой о встрече. Врангель и на сей раз сопровождал друга.

В этот приезд писатель пробыл в Змеиногорске пять дней, успел хорошо ознакомиться с жизнью города. «Змиев» был расположен у древнего сибирского рудника. Змеиногорское общество — преимущественно горные инженеры — было значительно культурнее семипалатинского. Друзей встречали очень радушно, отвели им квартиру у богатого купца. Время проходило в балах и обедах. Настроение у Достоевского несколько улучшилось, но ненадолго. Он даже отказался от экскурсии на прекрасное Колыванское озеро. Исаева вновь не смогла приехать. В Семипалатинск Федор Михайлович вернулся в крайнем отчаянии. Он не мыслил себе жизни без Марии Дмитриевны.

Через некоторое время она сообщила ему о смерти мужа.

В июне 1856 года Федор Михайлович совершает служебную поездку в Барнаул и самовольно заезжает в Кузнецк для встречи с Марией Дмитриевной.

В феврале 1857 года Достоевский, уже произведенный в прапорщики, снова едет в Кузнецк для устройства свадьбы с Исаевой. По пути он делает остановку в Барнауле, хочет повидаться с близким другом. К кому же направляется Федор Михайлович?

5 августа 1856 года молодой путешественник, магистр ботаники Петр Семенов, прибыл в Семипалатинск. Его встретил адъютант генерал-губернатора Демчинский. По дороге предупредил: «Вас ожидает сюрприз...» Войдя в кабинет, Семенов увидел шагнувшего ему навстречу худого, изможденного солдата. Что-то в его облике показалось Семенову знакомым. Мгновением позже Петр Петрович крепко обнял Федора Михайловича Достоевского. Они были знакомы по Петербургу, где Семенов часто посещал «пятницы» Петрашевского. Семенов не разделял революционных идей петрашевцев, но произведения Достоевского его покорили. И вот теперь встреча в Сибири...

Они проговорили до полуночи. Всего несколько часов потребовалось, чтобы хо-

рошие знакомые стали самыми близкими друзьями. А на следующий день Достоевский провожал спешившего к неизведанным «Небесным горам» путешественника. Пройдет полсотни лет, и к фамилии Семенова навсегда будет прибавлен почетный титул «Тянь-Шанский». Друзья прощались на берегу Иртыша. «Я буду счастлив, когда ты станешь свободным», — сказал Семенов.

Петр Петрович также сказал, что зиму, по всей вероятности, проведет в «сибирских Афинах», то есть в Барнауле, который считает наиболее интеллигентным из всех городов Сибири. Достоевский обещал навестить друга...

И вот Федор Михайлович приехал в Барнаул. Семенов был удивлен почти щегольским видом Достоевского. «Ты выглядишь как жених», — засмеялся ученый и неожиданно услышал радостный ответ: «Угадал. Еду жениться». Долго в этот непогожий февральский день слушал Семенов исповедь писателя. Но Достоевский не только рассказывал о себе, он живо интересовался и тем, как прожил эти месяцы молодой путешественник, расспрашивал Петра Петровича о подробностях его путешествия на Тянь-Шань.

Великий писатель проявил интерес к нашему городу.

В это время Барнаул был не только центром горнозаводской промышленности Сибири, но и «цивилизованным», как называли его приезжавшие сюда европейцы, городом. Путешественники вспоминают, что главные улицы, обсаженные двумя рядами тополей, были широкими и прямыми.

Украшением города был сооруженный на Конюшенной площади гранитный обелиск в честь столетия Кольвано-Воскресенских заводов. Конюшенную площадь называли «уголком Петербурга». И это не случайно. Автор архитектурного ансамбля Я. Н. Попов был учеником знаменитого Карла Росси, одного из основоположников стиля ампир. В Барнауле он старался продолжить творчество своего учителя.

Славился Барнаул своим чудесным музеем, первым музеем в Сибири, открытым еще в 1823 году стараниями ботаника Ф. В. Геблера и начальника заводов П. К. Фролова, образованного и прогрессивного человека. Богатые коллекции и интересные экспонаты барнаульского музея восхищали даже светила европейской науки. В Барнауле была библиотека, любительский театр.

В горном училище в эти годы преподавал немецкий язык выдающийся этнограф-путешественник В. В. Радлов и получил первоначальное образование известный писатель Иван Кузнецкий.

Барнаул был исходным пунктом для экскурсий с целью изучения Алтая. Здесь побывали великий Александр Гумбольдт, профессор Дерптского университета Леденбург. Неоднократно совершал экспедиции в малоисследованные районы Алтайских гор доктор Ф. В. Геблер.

Достоевский прогостил у Семенова две недели. Приятели ходили по барнаульским магазинам, закупая все необходимое для свадьбы. Посещали любительские спектакли, которыми оставались довольны. Гуляли по городским окраинам и катались на лошадях по зимнему простору Оби.

Но самыми волнующими были часы, когда Достоевский читал главы из еще не оконченных «Записок из мертвого дома». Чтение дополнялось рассказами об омском остроге, о каторжниках.

Впоследствии престарелый Семенов вспоминал в мемуарах о «потрясающем впечатлении», какое произвело на него содержание этого гениального произведения Достоевского. И вот к какому интересному выводу о значении для самого писателя его жизни в Сибири и «Записок из мертвого дома» пришел Семенов: «Конечно, никакой писатель такого масштаба никогда не был поставлен в более благоприятные условия наблюдения и психологического анализа над самыми разнообразными по своему характеру людьми, с которыми ему привелось жить так долго одной жизнью. Можно сказать, что пребывание в «мертвом доме» сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога. Но нелегко достался ему этот способ развития своих природных дарований. Болезненность осталась у него на всю жизнь».

В феврале 1857 года в Кузнецке Федор Михайлович Достоевский обвенчался с Марией Дмитриевной Исаевой. Свадьба была скромной и малолюдной. Через несколько дней Достоевские отправились в Семипалатинск и по пути остановились в Барнауле у Петра Петровича.

В дороге Федор Михайлович много рассказывал жене о своем друге, которого очень ценил и уважал, о барнаульцах, с которыми успел познакомиться, обещал сводить в театр, где ставились неплохие любительские спектакли — на них блистали горные инженеры Самойловы, братья знаменитой актрисы Александринского театра. Настроение писателя было приподнятое.

Но в Барнауле случилась неожиданная беда. Достоевского свалил тяжелейший припадок эпилепсии. В течение нескольких дней после него Федор Михайлович находился в состоянии почти полной прострации. Вызванный к больному барнаульский врач констатировал несомненную эпилепсию и сказал, что припадочки, безусловно, будут повторяться и если не будет предпринято самое энергичное лечение, то один из них может кончиться смертью больного от горловой спазмы.

Врач заметил, что в Сибири о сколько-нибудь эффективном лечении не может быть и речи. Испуганная и подавленная, Мария Дмитриевна не отходила от постели больного мужа.

Достоевские пробыли в Барнауле четыре дня. Как только Федор Михайлович смог встать, супруги уехали в Семипалатинск. Таким печальным событием было отмечено последнее пребывание великого писателя в Барнауле.

В своих письмах к А. Е. Врангелю Достоевский часто упоминает о Барнауле. В 1856 году Федор Михайлович очень желал перейти на статскую службу в Барнаул. Он просил Врангеля о содействии: «Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу именно в Барнаул (выделено Достоевским — А. Л.), то ради бога, не оставляйте без внимания!».

В фактах, связанных с пребыванием Достоевского в Барнауле, еще много «белых пятен». Более или менее известны подробности посещений города зимой 1857 года, когда Федор Михайлович встречался с Семеновым.

А вот интереснейший документ — отрывок из письма писателя в Петербург А. Е. Врангелю от 21 декабря 1856 года:

«Я ездил в Барнаул и в Кузнецк... В Барнаул мы приехали 24 декабря (день именин Х.), и Гернгросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас... на бал. Он мне очень понравился. О барнаульских я не пишу вам. Я с ними со многими познакомился. Хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных талейранов! В Барнауле я пробыл сутки и отправился в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле».

Установлено, что в 1856 году Достоевский в июне имел служебную командировку в Барнаул, во время которой на два дня самовольно заезжал в Кузнецк, о чем сообщал в письме к Врангелю. В процитированном же отрывке идет речь о посещении Барнаула в декабре, причем Достоевский пишет, что это было при поездке в Кузнецк. Обратимся к книге Л. Гроссмана «Достоевский», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Исследователь сообщает: «В последних числах ноября Достоевский в офицерском мундире приезжает в Кузнецк... В начале декабря Достоевский уезжает из Кузнецка с решением сыграть свадьбу до великого поста». Здесь нет ни слова о посещении Барнаула. Но вполне возможно, что, совершая эту поездку в Кузнецк, Достоевский останавливался в Барнауле. В письме же допущена ошибка в датах, и вместо «24 декабря» следует читать «24 ноября», в противном случае получается абсурд: как в письме, датированном 21 декабря может говориться, что «в Барнаул мы приехали 24 декабря»? Но главное, на основании этого отрывка можно предполагать, что Достоевский был не чужим в высших кругах барнаульского общества: ведь упоминаемый в письме Гернгросс — полковник и начальник Алтайских заводов, и он запросто приглашает прапорщика Достоевского на бал. Некоторый свет на их взаимоотношения проливают следующие строчки: «Начальник Алтайских заводов полковник Гернгросс

очень желает, чтоб я перешел служить к нему, и готов дать мне место с некоторым жалованием в Барнауле».

В настоящее время нельзя твердо сказать, сколько раз Федор Михайлович приезжал в наш город. Вероятно, у него еще были поездки в Барнаул, о которых пока нам неизвестно. Предстоит еще немалая исследовательская работа, прежде чем мы будем располагать всеми фактами, связанными с пребыванием великого писателя в Барнауле.

В заключение хочется привести добрые слова Федора Михайловича Достоевского, сказанные в Твери в 1859 году: «...Поговорим о старом, когда было так хорошо, о Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, ...о милейших — Змеинской и Барнауле, где я... бывал довольно часто»...

А. УМАНСКИЙ

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ НАЗВАНИЯ

БАРНАУЛА, БИЙСКА, ГОРНО-АЛТАЙСКА, ДРУГИХ ГОРОДОВ И СЕЛ, РЕК, ОЗЕР, ГОРНЫХ ВЕРШИН НАШЕГО КРАЯ

В экспозиции Алтайского краевого музея есть текст, поясняющий, что «Барнаул» — слово тюркское и означает «хорошее пастбище».

Во введении к недавно выпущенной в свет краевым издательством книге «Барнаул» автор исторического очерка Т. А. Полухин разделил всех, кто пытался объяснить значение слова «Барнаул», на 3 группы. Одни из них, якобы, считают правильным то объяснение, которое дано в экспозиции краевого музея. Другие будто бы полагают, что «Барнаул» — киргизское слово и по-русски означает «община Барна», а третьи придерживаются особой точки зрения, содержания которой Т. А. Полухин не раскрывает. Но на самом деле оба приведенных Т. А. Полухиным объяснения значения слова «Барнаул» — типичные примеры народной этимологии.

Расшифровкой названий рек, озер и других географических объектов занимается особая наука — топонимика. Главным ее оружием является языкознание.

С позиций лингвистики народная этимология не выдерживает критики. Приведем один пример. У нас бытует мнение (оно проникло и на страницы газет), что река Катунь получила свое имя от тюрко-монгольских слов «Катун-хатан» («госпожа, «повелительница»). Как заметил известный топонимист Э. М. Мурзаев, в таком толковании «есть логика народной этимологии, но меньше всего присутствует здравый смысл и вовсе отсутствует логика географии». ¹ На самом же деле название р. Катунь происходит от утерянного ныне древнетюркского слова «катын», «хатан», что означает «река».

Не выдерживают критики и оба народных толкования слова «Барнаул». Во-первых, ни в одном из тюркских языков выражение «хорошее пастбище» вовсе не звучит как слово «Барнаул». Во-вторых, ни у киргизов, ни у казахов не встречается мужского имени Барна. В-третьих, тюркское слово «аул» на русский язык переводится словами «селение», «поселок», но не словом «община». ²

Для правильного названия, научного объяснения значения любого топонима необходимо установить его наиболее раннее, а если можно, то изначальное звучание, освободить его от искажений и наслоений позднейшего времени.

Прежде чем говорить о научной этимологии слова «Барнаул», напомним, что многие города получили свои названия от рек, на берегах которых они возникли. Так и наш Барнаул именован по названию речки, которую сейчас называют Барнаулкой. Название этой речки в разных начертаниях было известно русским людям еще в

¹ Э. Ш. Мурзаев. Центральназиатские топонимические миниатюры. «Топонимика Востока. Новые исследования». Москва, 1964, стр. 9.

² Малая советская энциклопедия, изд. 3, т. 1, стр. 654.

XVII веке, то есть тогда, когда здесь не было русских поселений, а кочевали телеуты и другие племена.

В самом конце XVII века по царскому указу на местах были составлены чертежи всех сибирских уездов. На чертежах Кузнецкого уезда эта речка называется «Бороноулом». На других чертежах этого же уезда она именуется «Боронуром», а на чертеже Томского уезда — «Бороноуром».

В русских актах 1-й четверти XVIII века мы встречаем название этой речки в иной транскрипции. 17 мая 1717 года Иван Буткеев (приказчик Бердского острога) сообщил коменданту Кузнецка Синявину о том, как чатский татарин (чаты жили на Оби на широте современного Новосибирска) Мишка Бекенёв ездил «в 9 человеках» «зверовать» (т. е. охотиться) в урочище на р. Боранаул. На карте «рудоприщика» Шелегина, составленной в 1745 г., эта река уже названа Барнаулом (на ней обозначены «Завод Барнаульский Демидова» и «деревня Барнаульская»). В некоторых актах XVIII века она именуется также «Барнаулом». Наконец, в XIX веке за речкой утвердилось название «Барнаулка», очевидно, по той причине, что по указу Екатерины II от 1771 года Барнаулом стал называться бывший «Барнаульский завод Демидова».

Из сказанного выше понятно, что не речка получила свое название по городу, а наоборот.

Бесспорно, что название нашей речке дали не русские люди. Русские сначала называли ее так же, как называло местное население — чатские татары, телеуты, калмыки. Но за каких-нибудь 50 лет название речки подверглось русской адаптации: в устах русских людей «Бороноул» превратился в «Барнаул». Подобные метаморфозы для Сибири не редкость.

Но что же означает слово «Бороноул»? Прежде всего, это сложное слово. В состав его входит слово «ул», которое в некоторых енисейско-кетских языках (в частности, в ассанском), а также в тюркских языках означает «река», «вода». Хотя ассанскую принадлежность слова «Бороноул» нельзя исключать полностью, но в данной транскрипции это скорее всего все-таки тюркское слово.

Первая часть слова «Бороноул», по мнению крупнейшего знатока сибирской топонимики и тюркских языков томского профессора А. П. Дульзона, может быть связана с тюркским «бору» («волк»).* При этом толковании наиболее вероятнее значение слова «Бороноул» — «Волчья река». В монгольских языках слово «бору» также означает «волк». Это дает основание считать слово «Бороноур» монгольским по происхождению, ибо у монголов «нуур», «нур» означает «озеро». В данном случае перевод этого слова может звучать как «Волчье озеро» или «Волчьи озера».

Если учесть, что верховья р. Барнаулки представляют собою фактически цепь больших озер, что появившиеся с конца XVI века со стороны Иртыша западные монголы (калмыки) должны были раньше познакомиться с верховьями (т. е. с этими озерами), а уж затем с остальным руслом реки, то такое объяснение происхождения слова «Бороноур» представляется достаточно убедительным. Эти названия объяснимы по логике географии, ибо в боровой полосе должны были водиться волки.

Однако нам представляется, что приведенные объяснения нельзя признать единственно возможными.

Поскольку до прихода русских в Верхнее Приобье (точнее в XVII веке) здесь кочевали в основном алтайские телеуты, то логично предположить, что названия гор, рек, озер в этом районе, в том числе и имя речки Бороноул, русские люди узнали именно от телеутов и именно в телеутском варианте.

На наш взгляд, наиболее близко к изначально зафиксированному русскими людьми имени Барнаулки («Бороноул») стоит телеутское (алтайское) слово «бороны». В переводе на русский язык «бороны» означает «мутный», «мутная». По последней версии слово «Бороноул» — это «Мутная река».

* А. П. Дульзон. Дорусское население Западной Сибири. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 370.

Не лишено любопытства в этом свете то обстоятельство, что русские акты и путешественники XVIII века отмечали эту особенность вод Барнаула. Серость, мутность реки объясняется большим содержанием в ее водах органических и минеральных веществ, особенно песка, выносимых из боровой полосы, по которой текла и течет в наши дни Барнаулка. Старожилы знают, что за 40 лет после спуска заводского бруса Барнаулка намыла огромный песчаный остров на Оби.

Итак, самым вероятным переводом слова «Барнаул», по нашему мнению, является «Мутная река». Но мы не отрицаем и других приведенных выше значений — «Волчья река» и «Серая река». У телеутов (алтайцев) есть слово «бор», означающее в переводе на русский язык «серый», «светло-серый», «сивый», и вполне вероятно также, что телеуты, кочевавшие с гор Алтая в конце XVI века, сами заимствовали название этой реки у южносамодийских или даже кетоязычных племен, живших здесь до появления тюрков.

В заключение заметим, что научная этимология слова «Барнаул» существует более 10 лет (труды А. П. Дульзона), а в нашем краевом музее все еще красуется текст о «хорошем пастбище»...

Мы очень подробно остановились на происхождении названия Барнаула. А как получили свои имена другие города нашего края, его многочисленные реки, озера, урочища, села и деревни?

Эти названия происходят из разных языков. Сейчас ученые считают, что в топонимике Западной Сибири, в том числе и Алтая, можно выделить несколько этнических (языковых) пластов.

Самый древний по времени пласт топонимов условно называют палеосибирским (древнесибирским). Установить смысл этих названий пока не удастся, т. к. языки самого древнего населения Сибири науке неизвестны.

А вот следующий хронологический пласт топонимов может быть связан с кетскими языками. Есть мнение, что к кетам относились племена Карасукской культуры, жившие в южной части Западной Сибири еще в 12—8 вв. до нашей эры. Небольшие группы кетов сохранились в Южной Сибири еще в XVIII—XIX вв. Путешественники этого времени, в частности барнаулец В. В. Радлов, ставший позднее знаменитым лингвистом и археологом, академиком, встречал на Енисее такие группы кетоязычных. Так вот у кетов общим названием реки было «ул» (у асанов, как уже сказано выше) и «сес» (у енисейских кетов). Последнее у различных групп иногда звучало как «сет», «тет», «шет». Каждый из этих вариантов имел еще свои собственные. На Алтае к кетским по происхождению гидронимам могут быть отнесены Тогул (Тогу'ул), как говорилось выше, — Барнаул, ряд рек Красногорского, Солтонского, Турочакского районов (например, р. Эдербес).

Затем следует группа гидронимов самодийского происхождения. Почти одновременно с кетоязычными племенами в Южной Сибири жили различные самодийские племена.

У самодийцев для общего названия реки служили слова «бы», «бу», «чу», «ч'ага». В чистом виде эти слова в гидронимах не сохранились, они подверглись адаптации по законам тюркского произношения, и при этом «бу», «бы» превратились в «му», «ву», «би», а «чу» — в «джу». Еще позже адаптированные тюрками гидронимы самодийцев изменились в соответствии с правилами русского произношения: одни из них получили окончание «я», у других «у» превратилось в «а». Таково происхождение, например, названий рек Салма (Тогульский район), Майма и Сема (Майминский район), Суева и Пайва (Каменский и Баевский районы), Ирба (Шелаболихинский район) и Ульба (Солтонский район), Балыкча, Чульча (Улаганский район), Каянча (Красногорский район), Пыжа (Турчакский район), Кажа (Красногорский район) и многие другие, от которых получили позже свои имена и населенные пункты — села Салма, Усть-Сема, Верхняя и Нижняя Пайва, Ирба, р. п. Майма и др.

Очень часто первая часть такого гидронима является тюркским словом, каким-то образом характеризующим данную реку: например, Балыкча состоит из тюркского

«балык» (рыба) и «ча» (река) и означает «Рыбная река»; Каянча означает «Заячья река» и т. п. А иногда это просто «река». Таково значение имен «Бия» и «Чуя» (при русской адаптации к «би» и «чу» было добавлено окончание «я», а «би», как уже сказано, произошло из «бы», означающего у матов «река», что касается «чу», то это тоже «река», но уже в говоре камасинцев). К стати, это может быть доказано и русским актовым материалом и чертежами: в документах XVII и даже XVIII вв. Бия и Чуя называются «Би» и «Чу». Первоначальное звучание имени Би, в частности на протяжении почти всего XVIII в., сохранялось в имени Бикатунской (Би-Катунской) крепости.

Еще одна группа гидронимов может быть разъяснена из угорских языков. Известно, что, например у манси для обозначения реки употребляется термин «я». Вероятно, таково происхождение слова «курья», несомненно, заимствованного русскими у угрофинских народов, и происходящих от этого слова собственных имен рек и населенных пунктов — Плесо-Курья, Усть-Курья (Хабарский район), с. Курья (Курьинский район).

Угорского происхождения и имя великой сибирской реки Оби. Надо сказать, что объяснений имени Оби существует много. Мы приведем только одно из них. Например, в русской народной этимологии имя Оби возникло как отражение факта слияния двух рек — Би и Катуня. Дескать, обе эти реки слились, и потому ниже их устья река называется Обью (Обь).

Нет согласия в объяснении этого названия и среди ученых. Все, правда, признают, что слово «Обь» нерусского происхождения. Признают также, что это имя и не тюркское, ибо у тюрков Обь называется по-своему — «Умар». С очевидностью можно согласиться со Штейнцем, который считает это имя зырянским и связывает с «Обва» (от «об» — «снежная вода» и «ва» — река).

Огромное количество топонимов происходит из тюркских языков и, в частности, из алтайских. В тюркских языках «река» называется по-разному: «су» — в алтайских языках, «юл» — у чувымских тюрков и т. п. При позднейшей русской адаптации эти гидронимы, как правило, получили русское окончание. К числу таких гидронимов относятся р. Кок-су, р. Балык-су (Балык-су), р. Сусун (Су-узун), р. Карасук (Карасу) и многие др. Очень много тюркских гидронимов имеет в своем составе суффикс «лу», который обычно указывает на факт обладания: например, р. Бурла есть не что иное, как тюркское Бёру-лу, где «бёру» — «волк», т. е. в переводе имя этой реки — «Волчья», причем суффикс превратился в русском произношении в окончание. Таково происхождение названий Тюдрала, Шавла, а также, по-видимому, Касмала и многих других.

В связи с последней группой топонимов остановимся на названии Горно-Алтайска. Первое название села — «Улалу», из которого вырос город; «Улалу» в русской адаптации стало звучать как «Улала». Можно думать, что название это идет от речки. Видимо, имя речки звучало как «Улу-лу», что можно было бы как-то связывать с «улу» («большой», «великий» и т. п.). Впрочем, у алтайцев есть слова «улула» и «улулан». По-телеутски это значит «увеличивать». Возможно, и село получило отсюда свое имя, ибо в связи с подселениями новых жильцов оно оценивалось как непрерывно растущее, увеличивающееся. Речка же в чисто русском духе стала называться «Улалушкой» («Улалинкой»).

В 1922 г. с образованием Ойротской автономной области Улала была переименована в г. Ойрот-Тура. Название города происходит от слова «ойрот» (алтайцев неверно считали ойротами) и от слова «тура» («селение», «город»). В 1948 г. г. Ойрот-Тура был снова переименован, теперь уже в г. Горно-Алтайск, ибо трудами советских ученых, особенно Л. П. Потьпова, было восстановлено самоназвание местного населения («алтай-кижи», или по-русски «алтайцы»).

Из алтайского языка происходят названия многочисленных в нашем крае, обычно песчаных дюн, так называемых «елбанов» (по-алтайски «елбан» значит «пологий»). От них берут свои имена и населенные пункты, вроде с. Елбанки в Усть-Пристанском районе.

В Горном Алтае много названий, происходящих из алтайского «кэль» (Каракол, Барангол и др.), означающего «озеро». В русском произношении слово утратило приущую ему мягкость.

Названия многих гор, как правило, содержат в себе слово «ту», означающее «гора» (например Бичик-ту, Ту-гая и др.). В ряде топонимов встречается слово «крепость» или «укрепление» (по-алтайски — «шибе»). Таковы речки Б. и М. Шибеты — Шибету, урочища Шибе, Шибелик и многие другие.

Как уже говорилось, многие из тюрко-монгольских топонимов были усвоены русскими: одни без какой-либо адаптации (Бердь, Улу-Бердь, Чумыш и др.); другие были адаптированы по законам русского произношения (Ини — Иня, Борулу — Бурла).

Были случаи прямого перевода на русский язык (таковы многочисленные Лебязьи озера, речки «Бобровки», «Лосихи» и др.); немало и имен, данных по другим причинам, например, у алтайцев озеро называлось Алтын-кель, а русские стали его звать по имени жившего здесь племени телесов — «Телеским», затем «Телецким», хотя в XVII в. в актах встречается и имя «Алтын-озеро» и т. п.

Конечно, далеко не все речки, ручейки, холмы, урочища стали известны русским от местных жителей (телеутов, северных алтайцев), так сказать, «поименно», поэтому многие из них получили русские имена, уже никак не связанные с прежними, происходящими из других языков.

Наконец, самым последним по времени пластом топонимов является русский. Русские названия появились здесь в XVII-XVIII вв., а многие и позже — в XIX и XX вв.

Происхождение русских названий также различно. Во многих названиях явно русского происхождения содержатся указания на факт обитания в Верхнем Приобье алтайцев. Близ д. Кислухи (правый берег Оби почти напротив Барнаула) есть группа курганов, которые называют «Телеутскими курганами», в Усть-Пристанском районе течет речка Телеутка; озеро Телеутское есть и в Завьяловском и Тальменском районах, а также близ г. Камня. (Наименование их Ветренно-Телеутское и Подветренно-Телеутское происходят от названия этого озера); д. Телеутская есть в Павловском районе и т. п. В основе всех этих топонимов содержится слово «телеут». Свои имена эти географические объекты получили потому, что находились в XVII — начале XVIII вв. за пределами русских уездов, в «Телеутской землице». Таково же происхождение топонимов, в основе которых лежит слово «калмак» или «калмык»: в XVII в. телеутов называли «белыми калмаками», а в XIX в. вообще всех южных алтайцев называли горными или бийскими калмыками. Назовем речки Большую и Малую Калманки, а также образуемую ими речку Калманку, от имени которых происходят села Усть-Калманка, Калманка, ст. Калманка, речку Калмакскую (правый приток Ини), с. Калмакские (ныне Калмыцкие) Мысы.

Часть слов с основой «татарин» тоже русского происхождения. Оно связано с фактом обитания в нашем крае и собственно татар и с северными алтайцами, которых еще в XVII—XIX вв. называли «черневыми татарами», а некоторые даже с теми же телеутами, которых тоже относили к татарам. На Оби выше Барнаула есть, например, протока Татарка и остров Татарский. Обь, Чумыш, Уксунай, Ануй имеют каждая приток по имени Татарка; в бассейне р. Катунь течет речка Татарочка; в долине р. Песчаной находится гора Татарский шпиль и ключ Татарский и т. п.

Язык отразил также некоторые особенности быта, религии, политической жизни живших в Верхнем Приобье и в предгорьях Алтая алтайских племен. На р. Ине (ныне в Новосибирской области) была дер. Юртошная, в долине Ануя — речка Юртная; на Оби, близ бывшего Умревинского острога — протока Таган, там же — остров Камов; один из притоков Чумыша носит имя речки Шаманихи; в верхнем течении того же Чумыша была деревня Ясашная (Ясашной назывался и нынешний Тогуцин) и т. п.

Есть названия по имени конкретных людей. (Например, в Новосибирской области есть оз. Абаково, в бассейне Чарыша — речка Табунка, их названия мы связываем с именами конкретных исторических лиц — телеутских князей Абака и Табуна).

Многие русские села и деревни, как сказано выше, получили свое название по именам речек, урочищ и т. п. (Касмала, Кучук, Бобровка, Иня, Тальмеянка).

Название города Камня происходит от имени небольшой деревеньки Камень, возникшей в XVIII в. близ выходов «камня» на левом берегу Оби. Выходы камня — это кончик длинного отрога древнего Салаирского кряжа, в котором пробила свое русло Обь. Еще в начале XX в. деревней Камнем называли группу «сросшихся» сел и деревень. Только в 1915 г. по царскому указу деревня Камень была переименована в город.

Что касается Змеиногорска, то он получил свое имя от горы Змеиной, названной так, по преданию, из-за обилия водившихся на ней змей. При этом сначала так назывался знаменитый в истории Алтая XVIII в. рудник, а затем имя его получил городок.

Во многих случаях русские деревни и села получали имена своих основателей. Типичным примером в этом отношении является Рубцовск, один из самых молодых городов края.

В 1886 году переселенец из Бузулукского уезда Самарской губернии Михаил Алексеевич Рубцов построил свою землянку-заимку на Алее. Затем сюда прибыли его земляки-переселенцы, и новое село получило имя Рубцово. В 1942 г. Рубцово (Рубцовка) превратилось в город Рубцовск.

Нередко переселенцы из России называли свои села именами своих родных сел и городов. Так, в XVIII в. в юго-западных районах нашего края были поселены так называемые «поляки» — возвращенные в Россию лица православного вероисповедания. Полагают, что тогда, в частности, возникло (в Поспелихинском районе) село Варшава. В этом уголке края мы находим и такие названия сел, как Саратовка, Самарка, а также экзотическое — Кавказ. Здесь же мы находим ряд населенных пунктов, происхождение имен которых связано с должностным положением их основателей (Поручикова, Генералка и т. п.), чиновников Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

В годы столыпинской реакции, когда шло массовое заселение районов Кулунды, многие деревни и села получили из уст чиновников Переселенческого управления кричащие, многообещающие имена. В этих названиях новых населенных пунктов переселенцам сулили райское житье в земле обетованной. Как раз в это время возникли такие села, как Сереброполь, Златополь, Чистополь, Лондон, Париж, Орлеан и др. Тогда же закрепилось имя Славгорода за населенным пунктом, возникшим несколько раньше столыпинщины.

В советское время возникли сотни географических названий, в которых отразилась советская новь, важнейшие этапы советской истории нашего края. После гражданской войны появились села Красные Орлы, Партизан, Мамонтово (по имени командира алтайских партизан Е. М. Мамонтова) и другие, увековечившие подвиги красных партизан в годы борьбы за власть Советов. В 20-х годах создано множество выселков из больших сел и деревень. В годы коллективизации многие из них получили имена коммун и сельхозартелей (Коммунар, Рассвет). И много позднее возникли разъезды имени Цаплина, Присягина, Анатолия, в память видных борцов за Советскую власть на Алтае.

Много новых населенных пунктов в крае появилось и в годы освоения целинных и залежных земель. В эту пору выросли новые совхозы. Центральные усадьбы и отделения новых совхозов получили славные имена — Мирный, Дружба, Зеленая Роща и т. п. Были переименованы неблагозвучные названия старых сел: Старая Барда — в Красногорское, Грязнуха — в Советское, Краюшкино — в Первомайское, Ямино — в Целинное и другие.

Географические названия возникают и живут как выразительные памятники языка, жизни, быта, мечтаний и чаяний народа.

Матвей РОГАЧКОВ

ДВА РАССКАЗА

— Такого не бывает, — скажет читатель.

Теперь и я знаю, что не бывает. А тогда... Тогда я только начинал рыбачить. Впервые червя брал в руки, чтобы насадить на

крючок. Крупного захватывал бумажкой: все не так щекочет ладонь. Мой шеф-учитель Петр Петрович ухмылялся: «Подождем! Ежели ты станешь настоящим рыбаком, то при жарком клеве очередную насадку, червя то есть, за губу станешь класть... И лягушку за рубаху припрятывать: доставать ближе...»

Не буду говорить о своих первых ощущениях при таких словах. Только ведь окажется он прав. Но об этом в другой раз. Сейчас — про соленого червя.

Сидим, значит, мы на Жениховской протоке. Петр Петрович в лодке. Я — на берегу. Оба — с удочками, одинаково оборудованными грузилом, леской, крючком и т. п. Шеф кидает в лодку чебака за чебаком. У меня же поплавок не шелохнется, словно в бочке с водой. Не вытерпел, спрашиваю:

- А вы на что рыбачите, Петр Петрович?
- На удочку, — говорит.
- Нет, я про насадку спрашиваю...
- А, насадку... Так, червь обыкновенный...
- И у меня червь...
- Ну и лови.

— Не ловится...

— А ты червя солил?

— Нет, — говорю, — а разве червей солят?

— Кто как, а я солю, — сказал спокойно Петр Петрович, сказал словно для себя и принялся снова доставать чебаков, окуней.

— А у вас, Петр Петрович, — спрашиваю, — соли нет?

— Нет, — говорит. — А сам все подсекает и подсекает. Улучил момент между подергиванием поплавок, добавил: — Сходи по берегу, может, дадут.

Пошел я по берегу. За солью. Припоминаю, что в детстве мы эту живность запросто, мальчишечьим способом обнаруживали: любой соленой воды боится червь...

Никому из попадавшихся рыбаков я, разумеется, не говорил, зачем соль понадобилась. Мало ли зачем? Уху сварить. А почему только уху сварить? Я сам видел, как рыбаки только что пойманную живность опускали в котелки или ведра с крутым соляным раствором. Та, наглотавшись соли-то, тотчас становилась почти что селедкой. Такая не протухнет и при жаре.

Раздобыл я соли. Пригоршню целую. Несу осторожно, боясь рассыпать. Пришел к удочке своей. Поплавок по-прежнему «сохнет».

— Сколько сыпать соли-то? — кричу Петру Петровичу.

— А сколько принес, — басит он в ответ, — столько и вали.

Сказал, а сам стал отчаливать от берега. На середине протоки остановился. Это я потом заметил. А сперва соль в котелок высыпал. Всю пригоршню.

Черви мои на глазах растворяться стали. Через минуту жижа образовалась. Палочкой помешал — нет червей. Масса какая-то. Ну хоть бы один сохранился!

Разозлился, конечно. К берегу с кулаками кинулся. Булыжник стал искать под ногами. Да толку нет. Шеф был на недосягаемом расстоянии.

— Такой-сякой, — кричу ему на рыбацком языке. — Разве солят червей?!

С тем и ушел домой. Насадки-то никто не даст. Да и стыдно оставаться на берегу. Вдруг узнают, зачем я соль добывал.

Рыбакам-подледникам явно не везет. Назло им обычно нормальная, безветренная погода в начале недели начинает портиться в пятницу. Это тогда, ког-

да и мотыль намыт, и мормыш приобретен, и рыболовные снасти сто раз проверены, отлажены, и место рыбалки выбрано.

Вот и в ту субботу я проснулся в четыре утра под завывание разгулявшейся метели. Проклинаю весь белый свет, я все-таки надеялся на то, что к утру буран может утихнуть.

А в шесть раздался телефонный звонок.

— Слышал сводку погоды? — спросил Петр Петрович.

— Нет, — говорю, — радио не включал.

— Собирайся, пойдем на «две воды». Синоптики обещают тишь да гладь.

— Как «пойдем», ведь машина заказана?

— На машине после такой пурги никуда не проскочишь, а мы прогуляемся. Полезно, старик, — добавил Петр Петрович.

Ну, скажем, старик-то по возрасту он, а не я. Но мне нравится, когда мой рыбацкий шеф называет меня стариком.

— Две воды, так две, — ответил я и положил трубку. Шагать от Барнаула предстояло километров двенадцать. Но что значат эти километры в сравнении с ощущением одной, двух, пяти настоящих подсежек! Уж очень часто приходилось слышать, что именно на «двух водах» лавливаются килограммовые окуни, подъязки, крупные щуки.

Петр Петрович ждал у ограды. В шубе, поверху — плащ с башлыком, в валенках с отворотами.

— Ну, вот что, — сказал он, — пойдем на санаторий (автобусы после буранов на гору не ходили), оттуда через Обь на Затон, а там — рукой подать. Пешню будем нести поровну: ты до избушки, потом я.

Взвалил я пешню на плечо и понес. А сделана пешня-то по заказу Петра Петровича. Полпуда весом — самое малое. Миновали санаторий,

спустились на Обь. Ветер ослабел, но порывами еще хлестал жестоко, сбивал с пути. Снегу намело за ночь порядочно, брели по колено, след в след. Впереди пробивал путь Петр Петрович, за ним шагал я. Сказать по правде — тяжело было идти. И одет по-зимнему, и ящик рыболовный на спине, и эта пешня. Плечи-то она мне успела надавить еще до Затона. А до избушки от Затона — еще версты три.

Добрели до избушки. Взмокрели и устали, конечно. Зашли в заброшенную хатенку — пристанище летних заготовителей сена, перекурили, выпили из термосов по чашке чая и опять в путь.

— Твоя, — говорю Петру Петровичу, — очередь, — показывая на пешню. — Неси.

— Само собой, как и условились, — ответил Петрович и стал разматывать длинный шнур, замотанный на пешню.

Не сразу сообразил я, что он выдумывает. Петрович же, выйдя из избушки, заткнул шнур за пояс и пошагал. Пешня легко заскользила по снегу.

Помню, я даже закричал от досады:

— Бессовестный, — кричу, — я всю дорогу на плече тащил, может быть, здесь-то кровь сейчас, а ты...

Повернулся он ко мне, говорит сквозь смех:

— Я-то считал: ты специально, для физзарядки...

ВОР

Фома Петрович не был охотником, и если он купил ружье, то вовсе не для того, чтобы бродить с ним по лесным дебрям. Ружье предназначалось для обороны своего фруктового сада от воров. Собственно, что значит оборонять — стрелять Фома Петрович, во всяком случае, не собирался...

Обычно ружье, заряженное двумя патронами, висело в его дачном домике над кроватью, но иногда с целью профилактики Фома Петрович выносил его на крыльцо. Грозно и величественно озирали он окрестности, поигрывая на солнце вороненой сталью. Горе тому, кто осмелится переступить священные границы!

И все-таки нашелся такой смельчак. Не помогла профилактика!

Негодяй каждую ночь методически опустошал по одному дереву.

Жадное зрелище представляли собой деревья, подвергавшиеся набегу. Многие ветви были поломаны. Внизу, втопанные в землю, валялись надкусанные груши.

Три ночи, в течение которых совершалось варварское уничтожение груш, Фома Петрович копил гнев. На четвертую решил подкараулить преступника. После мучительных размышлений он пришел к выводу, что лучшим способом поймать вора может быть только засада на дереве.

Когда стемнело, Фома Петрович, засунув за пояс большой охотничий нож, прокрался в сад. К великому огорчению, не смог взять с собой ружье—

с ним неудобно было лезть на дерево. Впрочем, он твердо решил поймать мерзавца живьем, даже прихватил моток бельевой веревки с петлей на конце, чтобы заарканить и связать негодяя.

Ночь была пасмурной и сырой, Фома Петрович сидел в засаде, дрожа от холода и возбуждения.

Около двух часов ночи через ограду, громко сопя, перевалился вор. Фома Петрович из-за ветвей не мог разглядеть его, но понял, что вор гружен и что преодолевать заборы ему не так-то легко. «Тоже мне — с одышкой, а лезет воровать! Спал бы уж дома!»

И вдруг он заметил, что вор подвигается к дереву на четвереньках. «Это еще что за фокусы! — мысленно вознегодовал Фома Петрович. — На такое дело — и в нетрезвом виде? Но тут же, к своему ужасу, понял, что ночным посетителем его сада был медведь!

Боевой дух разом оставил Фому Петровича. Он сжался, застыл, как деревянный. А медведь, между тем, деловито подошел к стволу, поднялся на задние лапы и неторопливо полез кверху. Душа Фомы Петровича провалилась куда-то в ботинки. Он почти перестал дышать. Дело принимало такой оборот, что Фома Петрович не дал бы за свою жизнь в этот момент и червивой груши.

А зверь лез все выше. Когда его мохнатая морда поравнялась с ногами Фомы Петровича, он шумно вздохнул и сорвал когтистой лапой первую грушу. К удивлению Фомы Петровича, медведь не отправил грушу в пасть, а протянул ее хозяину сада.

Трудно описать, какие чувства в это время наполняли Фому Петровича. Он, конечно, не догадывался, что медведь просто проверяет спелость груши, просвечивая ее жидким лунным светом. Он был убежден, что медведь отлично видит его и, угощая грушей, щеголяет рыцарской вежливостью. Эта наглость озлила Фому Петровича, он забыл о страхе и неожиданно для себя громко крикнул:

— Лопай сам! Я не хочу!

Эффект был самый неожиданный. Ветви затрещали, дерево дернулось, как бы стяхивая с себя тяжесть, медведь рухнул наземь. Фома Петрович, трясаясь от неожиданности, еще минут пять сидел наверху, а потом, убедившись, что зверь не шевелится, осторожно слез и бегом кинулся в дом.

Он вспомнил, что кто-то однажды рассказывал о крайней пугливости медведей, будто бы от неожиданности у них останавливается сердце. Фома Петрович не был уверен, что медведь подох. На всякий случай, вбежав в спальню, сорвал с гвоздя ружье и снова выскочил на крыльцо. Однако идти к медведю побоялся.

Было очень тихо. Вскинув ружье, Фома Петрович прицелился в рябую ухмыляющуюся морду луны. Громкий залп обоих стволов потряс тишину осенней ночи.

Утром по всей округе разнеслась невероятная новость:

— Слыхали? Фома Петрович медведя убил!

— Не может быть! Где?

— Прямо у себя в саду!

И все спешили к даче Фомы Петровича. А Фома Петрович в это время, попыхивая трубкой и держа в руке теперь уже «овеянное славой» ружье, спокойно восседал на мертвом звере.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.agunb.ru

Владимир НЕХАЕВ

Фразы

Больше всех точек зрения у многоточия.

*

У игральных карт жизнь сложилась по-дурацки.

*

— Все течет, все засоряется, — сказал водопроводный кран.

*

Новая скрипка — старому смычку:

— Доигрался!

*

— Куда я, туда и он, — говорил флюгер о ветре.

*

Из объявлений квартиростемщиков:

«Меняю бочку на благоустроенную секцию. Диоген».

*

Ежи боялись бабушек, грозивших разобрать их на иголки.

*

Мелочь в кармане только и знает о себе раззванивать. Рубль молчит.

*

У вентилятора всегда ветер в голове.

*

Дед Мороз — единственный дед годовалого возраста.

*

— Правда, что снежная баба была снегурочкой?..

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений ГУШИН. Правая сторона. Повесть	3
Геннадий ВОЛОДИН. А все ж мы душою селяне. «Нет ни звезд, ни месяца...». «Ровно выснежен излог...». «И ничего б не надо...» Стихи	84
Петр БОРОДКИН. Из цикла «Исторические рассказы о Барнауле». Барнаульская «Ходынка». Вспышка	86
Павел АЛДАХИН. Ниночкин разъезд. Лес. «Городские люди...» Стихи	95
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ГОДЫ	
Виктор КИРЯСОВ. Счастливый характер. Очерк	98
ЧИТАТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, КНИГИ	
А. ЛУШНИКОВ. Достоевский на Алтае	108
КАК ЖЕ МОЖНО СВОЙ КРАЙ НЕ ЛЮБИТЫ	
А. УМАНСКИЙ. Откуда взялось названия...	114
С УЛЫБКОЙ	
Матвей РОГАЧКОВ. Два рассказа. Соленый червь. Пешня	120
Вадим ПОПОВ. Вор. Рассказ	124
Владимир НЕХАЕВ. Фразы	127

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1971, № 4

Художественный редактор В. Раменский
Технический редактор Г. Жданова
Корректор В. Раттасеп

Сдано в набор 8. IX. 1971 г. Подписано к печати 22. X. 1971 г.
АГ 00066. Формат 70×84/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л.
8,72. Уч.-изд. л. 8,75. Тираж 5000 экз. Алтайское книжное
издательство Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР — Барнаул, Ленина, 76. Заказ № 2222. Типография
№ 1 Управления по печати Алтайского крайисполкома —
Барнаул, Л. Толстого. 29. Цена 40 коп.

АЛТАЙСКОМУ КРАЕВОМУ ТЕАТРУ ДРАМЫ — 50 ЛЕТ

27 ноября 1921 года спектаклем «Бесприданница» А. Н. Островского открыл свой первый сезон Барнаульский государственный театр.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Ленинградский проспект» И. Штока. Клавдия Петровна — артистка А. М. Шелякина, Борис — артист Г. Т. Обухов.

Спектакль поставлен режиссером З. И. Китаем в 1970 году.

